

Библейско-богословская коллекция
Серия «СВЯТООТЕЧЕСКИЕ ТВОРЕНИЯ»

**ПРОПОВЕДИ
СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРИЯ,
МИТРОПОЛИТА
РОСТОВСКОГО,
на украинском наречии**

Предисловие и подготовка текста А.А.Титова

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Санкт-Петербург
Аксион эстин
2009

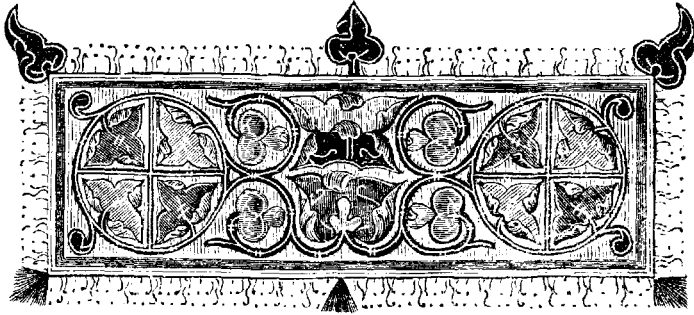
АН. ТИТОВЪ.

ПРОПОВѢДИ
СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРІЯ,

Митрополита Ростовскаго,

НА УКРАИНСКОМЪ НАРѢЧІИ.

Предисловіе.

Двѣсти лѣтъ прошло со времени кончины Святителя Димитрія. За этотъ періодъ значеніе его, какъ церковнаго дѣятеля, опредѣлилось вполне ясно; различныя стороны его просвѣтительной дѣятельности сдѣлались предметомъ спеціальнаго изученія и детальнаго разработкѣ въ нашей духовной школѣ¹⁾; его сочиненія, выдержавшія нѣсколько изданій и до сихъ поръ высоко цѣнятся любителями назидательнаго духовно-нравственнаго чтенія. Между тѣмъ, до сихъ поръ эти сочиненія не изданы полностью въ переводѣ на русскій языкъ, да и существующія изданія на славянскомъ языкѣ нельзя признать удовлетворительными съ точки зрѣнія ихъ полноты. Не говоря о пропускахъ, сдѣланныхъ въ напечатанныхъ уже проповѣдяхъ, напр. въ „Словѣ въ недѣлю святыхъ женъ мироносицъ“ (изд. 1857 г., ч. II, стр. 166—186); не принимая во вниманіе неточностей, допущенныхъ въ печатныхъ переводахъ проповѣдей съ украинскаго нарѣчія, напр., въ „Пирамисѣ“; не считая мелкихъ и незаконченныхъ произведеній Святителя, не вошедшихъ въ эти сборники,—можно съ увѣренностью сказать, что многія его

¹⁾ „Христіанское Чтеніе“, 1902, выш. 12, стр. 374—375.

произведенія до сихъ поръ еще неизвѣстны читателямъ. Въ самомъ дѣлѣ, что сохранилось въ печатныхъ изданіяхъ отъ времени проповѣдничества Святителя на Украинѣ? Шестъ проповѣдей, переведенныхъ съ украинскаго нарѣчія. Первая изъ этихъ проповѣдей относится къ 1685 г.: въ это время Святитель уже состоялъ казнодѣемъ (т. е. проповѣдникомъ) Кіево-печерской лавры; а выбылъ онъ изъ Украины лишь въ началѣ 1701 г. Безъ сомнѣнія, даже за это время, не считая предшествующихъ годовъ, кипучее творчество талантливаго проповѣдника успѣло создать немало блестящихъ произведеній. Правда, въ нашихъ рукописяхъ — рукописяхъ сѣвернаго происхожденія — нашли, конечно, пріютъ лишь немногія изъ такихъ произведеній; но даже и при этомъ условіи здѣсь найдется нѣсколько украинскихъ проповѣдей, невошедшихъ въ печатное изданіе: соплюсь на приводимыя ниже поученія въ недѣлю 27 и на Успеніе Пресвятыя Богородицы; въ южныхъ же сборникахъ подобныхъ поученій найдется гораздо больше. Содѣйствовать всѣми мѣрами возстановленію этихъ произведеній, ознакомленію съ ними возможно-широкаго круга читателей, исправленію неточностей, вкрапившихся въ переводъ уже изданныхъ проповѣдей, — является по нашему мнѣнію, достойной задачей нынѣ исполняющагося юбилея. Для этой цѣли предназначается и настоящее изданіе.

Всѣ помѣщаемыя ниже проповѣди взяты изъ рукописей, находившихся въ моемъ собраніи, а впоследствии пожертвованныхъ мною въ Императорскую Публичную Библиотечку. Тексты ихъ не представляютъ собою точной копій съ какого-либо одного списка: ранѣе печатанія онѣ были подвергнуты переработкѣ, которая заключалась въ слѣдующемъ. Въ 1891—93 г. эти проповѣди были свѣрены мною по всѣмъ имѣвшимся у меня спискамъ; исключеніемъ въ данномъ случаѣ явились слова на Успеніе Пресвятыя Богородицы и въ недѣлю 27, такъ какъ списки этихъ поученій имѣлись у меня въ одномъ экземплярѣ. Затѣмъ точныя копій свѣренныхъ проповѣдей отсылались къ профессору Кіевской духовной академіи Н. И. Петрову, который любезно принялъ на себя трудъ свѣрить эти проповѣди съ рукописями, принадлежащими академіи, а также — исправить орѳографію и

интерпункцію текста, значительно пострадавшего въ этомъ отношеніи, благодаря незнакомству велико-русскихъ переписчиковъ сочиненій Святителя съ украинскимъ нарѣчіемъ и эрудиціей автора. Наконецъ, приготавливая эти проповѣди къ печати, мы ввели въ текстъ ихъ цитаты однородной и общепринятой формы съ обозначеніемъ мѣстъ Св. Писанія, изъ которыхъ взяты приводимые тексты; сдѣлать это представлялось необходимымъ потому, что цитація, помѣщенная въ рукописяхъ, далеко неполна, неточна, спутана, въ нѣкоторыхъ спискахъ она приводится на латинскомъ языкѣ, а въ другихъ ея и вовсе не имѣется. Этой переработкой рукописнаго текста и ограничиваются всѣ болѣе значительныя измѣненія, внесенныя въ подлинники.

Переходя къ обзору помѣщаемыхъ ниже проповѣдей, считаемъ не лишнимъ отмѣтить, что онѣ въ общемъ не представляютъ собою связнаго цѣлаго. Обнимая собою періодъ болѣе, чѣмъ въ 13 лѣтъ, онѣ иногда рѣзко различаются между собою по содержанію и построенію, такъ какъ были произнесены въ разное время, при различныхъ обстоятельствахъ, съ неодинаковой подготовкой. Однако общее ихъ направленіе остается всегда одно и то же: вездѣ можно замѣтить схоластическіе приемы; всюду сказывается духъ южной греко-латинской школы съ ея своеобразнымъ отношеніемъ къ формѣ и содержанію проповѣди, съ ея склонностью къ толкованію въ переносномъ смыслѣ; всегда замѣтно вліяніе пышной реторики западныхъ проповѣдниковъ, а въ особенности—„легкомысленныхъ казнодѣишковъ польскихъ“, какъ ихъ называетъ Духовный Регламентъ ¹⁾.

Первая изъ помѣщаемыхъ ниже проповѣдей „Слово въ недѣлю 7-ю по пасцѣ“ (стр. 1—9) помѣщена на украинскомъ нарѣчій въ трехъ рукописяхъ нашего собранія: № 1277 (100), л. 109—115; № 1280 (2555), л. 36—40 и № 1286 (270), л. 191—202. Въ рукописи, относящейся ко второй половинѣ XVIII в., № 1293 (1155), она помѣщена въ славянскомъ переводѣ; въ такомъ же переводѣ она внесена въ московское изданіе (1857 г.) сочиненій Святителя Димитрія (ч. II, стр. 238—251). Время

¹⁾ 1823, ч. II, о проповѣдникахъ, стр. 110, п. 6.

произнесения этой проповеди неизвестно; судя по ее размаху, содержанию и обработке, ее следует отнести к числу позднейших. Предметом поучения служит познание Бога путем веры и любви. Влияние западной школы здесь сказывается слабо, почему отдельные риторические приемы особенно резко бросаются в глаза. Для примера укажу на замечание автора относительно идола Дагона: „Знать, утѣкалъ бѣсъ отъ благодати Божой, въ кїотѣ бывшей, а утѣкавши споткнулся на порозѣ и сломилъ себѣ шїю!“ (стр. 6).

Слѣдующая изъ проповѣдей „Слово I на Сшествіе Святаго Духа“ (стр. 10—25) помѣщена на украинскомъ нарѣчїи въ двухъ рукописяхъ: № 1277 (100) л. 117—126, и № 1286 (270), л. 203—220; въ печатномъ изданїи оно помѣщено въ славянскомъ переводѣ подъ заглавіемъ „Слово въ день Святыя Троицы“ (ч. V, стр. 82—106); подъ заглавіемъ „Слово на сшествіе Св. Духа“ оно было напечатано Е. В. Барсовымъ во II книгѣ „Чтенїй въ Обществѣ Исторїи и Древностей Россійскихъ“ за 1884 г. (отд. II, стр. 1—15) съ рукописи № 1277 (100) безъ поправокъ и измѣненїй, но, съ сожалѣнію, съ нѣкоторыми недосмотрами. Проповѣдь эта была произнесена въ Кїевѣ, въ Кирилловскомъ монастырѣ, въ 1693 г.; предметомъ поученїя служатъ способы прославленїя Бога въ тѣлѣ и душѣ; схоластическое влияніе сказывается въ значительной степени, какъ можно заключать по обилїю риторическихъ фигуръ и украшенїй: дискурсовъ со святыми, обличенїй, примѣровъ изъ гражданской исторїи, житейской практики и даже изъ области естествовѣдѣнїя (срвн. стр. 107). Въ послѣднемъ случаѣ невольно обращаетъ на себя вниманїе замѣчанїе о павлинѣ: „О гордѣливемъ птаку павѣ правять, же гды на носѣ свои подлїи глянетъ, въ негму упадетъ“ (стр. 15).

Третье поученїе „Слово на Святую Троицу“ (стр. 26—42) помѣщено на украинскомъ нарѣчїи въ рукописяхъ № 1277 (100) л. 126—135, и № 1280 (2555), л. 40—48. Въ относящейся ко второй половинѣ XVIII в. рукописи № 1294 (1153), л. 135—154, оно помѣщено въ переводѣ на славянскїй языкъ; подъ такимъ же заглавіемъ въ славянскомъ переводѣ оно внесено въ печатное изданїе (ч. II, стр. 270—293). Слово это было произнесено въ 1698 г. въ Вагурипѣ. Предметомъ по-

ученія служить поклопеніе Св. Троиць съ принесеніемъ ей въ даръ трехъ „мистичныхъ“ золотыхъ монетъ. Схоластическій элементъ развитъ здѣсь не менѣе, чѣмъ въ предыдущемъ поученіи, какъ въ отношеніи общаго построенія проповѣди, такъ и въ изложеніи отдѣльныхъ частей; реторическія же украшенія отличаются еще большей экспрессіей. Для примѣра укажу на производимыя въ текстѣ проповѣди двуступія (стр. 34—35, срвн. стр. 7), и выводъ изъ сравненія жертвоприношеній Авраама и Іефѳая: „прето будь ты, паничу Исаакъ Авраамовичъ, живь, а ты, панна Іефѳаевна, умри!“ (стр. 38).

„Слово въ недѣлю 27-ю о женѣ сляченной“ (стр. 43—54) помѣщено лишь въ одной рукописи № 1289 (608) л. 24—37; въ другихъ рукописяхъ его не имѣется; не помѣщено оно также и въ печатномъ изданіи. Тѣмъ не менѣе авторомъ его безъ колебаній можно признать Святителя Димитрія, принимая во вниманіе, что: 1) начало слова буквально сходно съ началомъ „Поученія перваго въ недѣлю 13 по Святомъ Дусѣ“, помѣщеннаго въ печатномъ изданіи (ч. II, стр. 432 и слѣд.) и въ рукописяхъ №№ 1286, 1291, 1297; 2) по своему содержанію, основанному на толкованіи недѣльнаго евангелія, развитію темы, соединенному съ подробными разъясненіями, и слогу, съ его характерными оборотами и украшеніями,—оно сходно съ прочими проповѣдями Святителя; 3) оно помѣщено въ рукописи среди другихъ его произведеній безъ всякой оговорки. Судя по нѣкоторымъ помѣткамъ, приводимымъ въ этой рукописи, можно предполагать, что рассматриваемый списокъ сдѣланъ или съ подлинныхъ авторскихъ рукописей или съ рукописей, написанныхъ вскорѣ послѣ смерти Святителя. Время произнесенія этого поученія неизвѣстно; судя по внутреннимъ признакамъ, его слѣдуетъ отнести къ числу позднѣйшихъ, хотя и эту проповѣдь нельзя признать чуждою схоластической реторикѣ, принимая, напр., во вниманіе приводимыя здѣсь дискурсы со святыми. „Рекль бы кто: святыи пророче Иліе, що жъ ты мовишь? осмотрися: гдѣ естесь?“... „Стой, Моисею, не втѣкай въ шакъ! То посохъ твой, жезлъ твой. Ой нѣ,—мовить,—поки въ моихъ былъ рукахъ, былъ посохъ, жезлъ; а яко выпаль зъ рукъ, ажъ онъ не посохъ, не подпора, але гадина ядовитая, бысть

жезль змій, и бы ни укусилъ, утѣкати отъ него треба“ (стр. 48—49).

Пятая проповѣдь „Слово на Успеніе Пресвятыя Богородицы“ (стр. 55—75) взята нами изъ рукописи № 1285 (3557), л. 395—419; въ другихъ сборникахъ это слово не помѣщено; не имѣется его и въ печатномъ изданіи. Сборникъ поученій Святителя Димитрія № 1285 (3557) написанъ въ 1717 г., „спустя 8 лѣтъ послѣ смерти святителя Димитрія. Этимъ онь и важень, что вскорѣ послѣ смерти написанъ, когда остави́йся рукописи святителя Димитрія были еще все цѣлы. По правописанію писца можно судить, что онь съ подлинныхъ рукописей святителя Димитрія списывалъ. Онь писалъ все латинскія замѣтки св. Димитрія, писанныя въ концѣ поученій и по полямъ“¹⁾... Слово на Успеніе Пресвятыя Богородицы было произнесено 15 августа 1693 г. въ Кіево-печерской лаврѣ; по своему типу оно представляетъ проповѣдь въ строго-схоластическомъ духѣ. Уподобляя житіе Богоматери цвѣтѣ, а ея Успеніе—жатвѣ, авторъ, идя по живому повади всехъ жателей, собираетъ съ пяти полюсъ нивы пять колосевъ, по числу пяти буквъ, заключающихся въ имени „Марія“, и изъ этихъ колосевъ сплетаетъ снопъ во славу и честь усопшей—Мудрой Дѣвы, Агницы Христовой, Рабы Господней, Источника Жизни, Апостольскаго Вѣнца. Реторическія украшенія всехъ родовъ разсеяны по всей проповѣди: на одной и той же страницѣ (60) мы встрѣчаемъ и „вѣрши“ Григорія Назіанзина, и обращенія къ Дивъпру, и выраженія, близкія къ поговоркамъ: „весь міръ якъ блато, она едина въ немъ злато“ (срвн. стр. 127).

Изъ разсматриваемыхъ проповѣдей „Слово на Рождество Христово“ (стр. 76—92) является наиболѣе популярнымъ среди писателей твореній Святителя. На украинскомъ нарѣчій оно помѣщено въ четырехъ рукописяхъ нашего собранія: № 1277 (100), л. 498—505; № 1280 (2555) л. 242—251; № 1284 (1157) л. 1—14; № 1285 (3557), л. 255—272; въ переводѣ на

¹⁾ Зансь прееосвященнаго Амфилохія, епископа Угличскаго. - См. „Описаніе рукописей, находящихъся въ собраніи А. А. Титова. М. 1901“; т. IV, стр. 133.

славянскій языкъ оно помѣщено въ рукописи № 1294 (1153), л. 154 об.—172, и—въ печатномъ изданіи (ч. III, стр. 445—469). Слово это, произнесенное 25 декабря 1698 г. въ Черниговѣ, по отзыву И. А. Шляпкина ¹⁾ „довольно рѣзко отличается отъ прежнихъ своею простотою и наглядностью. Въ немъ мало аллегорій параллелей и т. п.—все сводится къ поэтическому воспроизведенію картины Рождества Христа: вертепъ сталъ небомъ“. Очень можетъ быть, что именно благодаря своей наглядности, созданной живымъ и сильнымъ воображеніемъ автора, это слово обязано своей распространенностью среди великорусскихъ читателей и переписчиковъ; но нельзя признать, чтобы оно отличалось особенною простотою,—въ немъ находится немало риторическихъ украшеній, отступленій, олицетвореній. Такъ, напр., мы встрѣчаемъ здѣсь, соединенныя съ подробными объясненіями, толкованія латинскаго и еврейскаго названій неба; находимъ указанія на то, что могли бы помыслить волю и осель, которые стоятъ въ пещерѣ и „молчать, хоць и долгиє языки мѣють“; вся проповѣдь представляетъ собою цѣль сближеній и уподобленій. „Видить (Христосъ), же на его родины завитали гости зъ неба, святыи аггелы, точить для нихъ вино—слезы своя: слезы вино аггельское. Подвеселили аггелы святые виномъ тымъ непосполитымъ, радость аггеломъ, учинили себѣ пѣнія и лики, спѣвають: слава въ вышнихъ Богу“ (стр. 90).

Седьмая проповѣдь „Врань святаго архистратига Михаила съ седмоглавнымъ зміемъ“ (стр. 93—107) на украинскомъ нарѣччі помѣщена въ трехъ рукописяхъ: № 1277 (100) л. 267—275; № 1280 (2555), л. 147—154; № 1283 (2981) л. 83—92; въ переводѣ на славянскій языкъ она помѣщена въ рукописи № 1293 (1156), л. 177—194 и въ печатномъ изданіи (ч. III, стр. 553—573). Проповѣдь эта была произнесена въ Кіевскомъ Михайловскомъ монастырѣ 8 ноября 1697 г. Здѣсь изображается битва между седмоглавнымъ зміемъ (діаволомъ), каждая голова котораго олицетворяетъ одинъ изъ смертныхъ грѣховъ, и седморожнымъ агнцемъ (Христомъ), каждый рогъ котораго олицетворяется однимъ изъ семи архангеловъ. Въ

¹⁾ „Св. Дмитрій Ростовскій и его время (1651—1709). Спб. 1891“; стр. 263.

построеніи и содержаніи проповѣди замѣтна значительная доля искусственности, которую усиливаетъ присоединеніе къ основной темѣ поученія евангелія о Гадаринскомъ бѣсноватомъ; при чемъ авторъ оказывается вынужденнымъ прибѣгнуть къ толкованію евангельской исторіи въ переносномъ смыслѣ, устанавливая основныя положенія слѣдующимъ образомъ: „Въ горахъ бѣ вопія: то знакъ перваго грѣха смертнаго—гордости; живяше во гробѣхъ: то знакъ втораго грѣха смертнаго — нечистоты; въ ризу не облачашеся: то знакъ третьяго грѣха смертнаго—обжирства, жарлоцтва, пѣнства; никтоже можаше минути путемъ тѣмъ: то знакъ четвертаго грѣха смертнаго — лакомства; растерзая узы желѣзныя: то знакъ пятаго грѣха смертнаго—тѣтѣва, ярости, лютости; толча каменіемъ: то знакъ шестаго грѣха смертнаго—зависти; въ храмахъ не живяше: то знакъ седмаго грѣха смертнаго—лѣнства, а лѣнства до хвалы Божой“ (стр. 102—103).

Послѣдняя проповѣдь „Пирамисъ Иннокентія Гизеля“ (стр. 108—134) помѣщена на украинскомъ нарѣччіи въ трехъ рукописяхъ: № 1277 (100), л. 365—380; № 1280 (2555), л. 252—269; № 1284 (1557), л. 15—35; въ рукописи № 1294 (1553), л. 173—202 она приведена въ переводѣ на славянскій языкъ; въ III части печатнаго изданія сочиненій Святителя Димитрія (стр. 574—612) она помѣщена „въ искаженномъ русскомъ переводѣ“ ¹⁾. Эта проповѣдь—первая изъ сохранившихся до нашего времени проповѣдей Святителя; она произнесена 24 февраля 1685 г. въ Кіево-печерской лаврѣ. Въ ней проповѣдникъ воздвигаетъ мысленную пирамиду, уподобляя Гизеля, какъ столпа церкви Божіей, столпу храма Соломонова. Поученіе отличается строгой выдержанностью стиля, тщательной обработкой плана и отдѣльныхъ частей, подробностью въ отдѣлкѣ мелкихъ деталей, о чемъ свидѣлствуютъ даже его размѣры: для произнесенія этой проповѣди, при довольно быстромъ чтеніи, требуется не менѣе двухъ часовъ. Словомъ, „Пирамисъ“, составленный подъ сильнымъ вліяніемъ польскихъ проповѣдниковъ, западныхъ руководствъ къ составленію проповѣдей, симфоній и конкорданцій, пред-

¹⁾ И. А. Шлякшинъ. „Св. Димитрій и его время“; стр. 43, прим. 5.

ставляетъ собою типичную проповѣдь схоластической школы съ обиліемъ текстовъ Св. Писанія, риторическихъ украшеній, справокъ, примѣровъ, вопросовъ, толкованій, олицетвореній и т. под. Такъ какъ содержаніе всего слова основано на уподобленіи, является вполне понятнымъ, почему нѣкоторыя изъ сравненій оказываются неожиданными, натянутыми, неестественными. „Въ немъ (столиѣ Данииловомъ) погребахуся мидовъ, пареовъ и персовъ царіе... Нехай ми тутъ волно будетъ грѣхи смертелни назвати царями, а царями нечестивыми... Въ немъ (Гизелѣ) мидовъ, пареовъ и персовъ царіе, то есть грѣхи, отъ свѣта, тѣла и діавола на человѣка воуючіе, погребахуся“ (стр. 116—117).

Всѣ разсмотрѣнныя проповѣди рѣзко отличаются отъ тѣхъ поученій, которыя писалъ и произносилъ Святитель въ бытность митрополитомъ Ростовскимъ. Странно должны были звучать для сѣверянъ даже отдѣльныя слова чуждаго нарѣчія—„мовячи“, „слушаху презащній“, „ведлугъ“ и т. д., не говоря уже о латинскихъ и польскихъ терминахъ; непонятны были „препростому“ народу искусно составленныя и тщательно обработанныя описанія мистическихъ златниковъ, криль, небесъ, болѣзней, жатвъ, браней, столповъ; мало говорили сердцу темныхъ слушателей отвлеченныя размышленія и глубокія богословскія изслѣдованія. Требовалось слово болѣе краткое, простое, жизненное, и—проповѣди Святителя измѣнились. Измѣнилось все—размѣръ, языкъ, форма, содержаніе; но главный пунктъ, на которомъ обосновывалась вся проповѣдническая дѣятельность Святителя, остался тотъ же. Этимъ пунктомъ для него служила любовь: любовь къ Богу и Его царствію, любовь къ Церкви и ея служителямъ, любовь къ ближнимъ, а въ особенности—къ несчастнымъ, угнетеннымъ, страдающимъ, обиженнымъ, бѣднымъ. Эта любовь, проникавшая все дѣла и слова Святителя, даетъ намъ возможность твердо вѣрить, что все творенія его не будутъ забыты, что „не отидеть память его и имя его поживеть въ роды родовъ“ (Сирах. XXXIX, 12).

Андрей Титовъ.

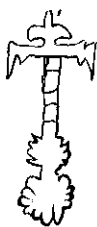
Ростовъ Великій.
28 октября 1909 г.

Слово въ недѣлю 7-ю по пасцѣ.

Се есть животь вѣчный, да знаютъ Тебе
Единого Истиннаго Бога.

Юаннъ, глава 17, зачало 56.

о все щастіе христіанскаго челоувѣка, то вся духовная утѣха, то вся надежда спасенія и самое спасеніе, то первое чаяніе живота вѣчнаго и самы животь вѣчны — знати Бога, слышателью православній. Кто хочъ якіе хочъ вынайдуи способы до доступленья збавенья и вѣчныхъ, небесныхъ роскошей надъ той единой лѣпшій скутѣчнѣйшій способъ не знаидешъ, еже знати Бога: се есть животь вѣчный, да знаютъ тебе единого истиннаго Бога (Юан. XVII, 3). О, якъ несчастливый есть той, который Бога своего, Творца своего, Спасителя своего альбо мало знаетъ, альбо отнюдь не знаетъ, а пѣ его знати старается! Але речете подобно: мы православныи христіане знаемъ Бога, вѣруемъ въ него и поклоняемся Отцу и Сыну и Святому Духу, въ Троицы единому Богу.

Похваляю я то ваше христіанское благочестное Бога знаніе и вѣру и благопочитаніе, однакожь безпечне мовлю, же не вси добрѣ знаемъ Бога, котории Его знаемъ: многии въ насъ суть, котории мнимся тылько знати Бога, а самую вещь отнюдь Его не знаемъ, що доводнѣ объяснить хотичи, двѣ въ намѣренной нашей бесѣдѣ закладаю препозици: першая — не кождый Бога добрѣ знаетъ, що черезъ вѣру Его знаетъ; а затымъ не кождый вѣрный христіанинъ достигнеть живота вѣчнаго; другая, — тотъ тылько добрѣ Бога знаетъ, который Его при вѣрѣ и любитъ, а любитъ правдивѣ, и тотъ тылько достигнеть живота вѣчнаго; на остатокъ буду уемотрувати певныхъ правдивой любви Божой

знаковъ, чого всего нетѣкинѣмъ ухомъ любовь наша хотѣте послушати, а я начинаю бесѣду, Господу поспѣшествующу и слово утверждающу.

Два суть способы познаванья Бога, слухачу православный: вѣра и любовь. Познавается Богъ вѣрою по апостолу; вѣрою разумѣваемъ совершитися вѣкомъ глаголомъ Божиимъ (Евр. XI, 3), на що пишучи Златоустый свитый мовить: вѣры дѣло есть познание, вѣра (мовить) справитеть знание Бога, же того всемоцею силою и вѣки стали. Познавается Богъ и любовью, яко мовить самъ Господь въ Евангелии: любяй Мене возлюбленъ будетъ Отцемъ моимъ, и азъ возлюблю его, и явлюся ему самъ (Иоан. XIV, 21). Кто (мовить) мене любитъ, тому, я самъ объявлю себе, жебы мене добрѣ зпалъ, явлюся ему самъ. Тыи оба два познаванья Бога и доступленья живота вѣчнаго способы суть вельце добри, але першій способъ; то-есть вѣра, певный и непевный; другій способъ—любовь есть цале певный. Певный способъ, вѣра, бо безъ вѣры невозможно угодити Богу (Евр. XIV, 6) и спаситися: иже иметь вѣру и креститися спасень будетъ (Марк. XVI, 16), вѣрою человекъ оправдается. Непевный способъ вѣра, бо и бѣсы вѣрують, а постарему суть „бѣсы вѣрують и трепещуть“. И такъ много насъ въ семъ святомъ храмѣ вѣрныхъ християнъ, на боженство есть зебранныхъ, а Богъ вѣдаеть, хто зъ насъ достанется до живота вѣчнаго; мало спасающихся. А любовь занете певной есть способъ любви николи же отпадетъ (I Кор. XIII, 8), — мовить апостоль. Вѣра знаетъ Бога, же есть на небѣ Богъ, и на земли его полно, — вездѣ смъ и вся непознаяй; такъ и бѣсы вѣрують, знаютъ надъ собою Бога, казнящаго ихъ вѣчною казнью. А любовь не тылько знаетъ Бога, же есть Богъ, але и то добрѣ знаетъ, яковъ есть Богъ, — коль блаць Богъ Израилевъ (Исал. LXXII, 1). До объясненнѣя теды первой препозиции моеи приступуючи, же не кождый Бога добрѣ знаетъ, що черезъ вѣру Его знаетъ, привожу тутъ зъ ветхаго завѣта о вышестю Израилевомъ исторію. Выпроваживаючи Господь Богъ людъ свой зъ неволе египетской, пзволилъ показатити два разы въ поломену огнистомъ, разъ въ кущинѣ подъ горою Хоривѣ, други разъ верху горы Синайской; въ кущинѣ оказался единому тылько Моисеови, а на горѣ всему люду Израильскому, абы Его вси людце знали.

Обои тыи Божіи оказанія не въ иншіи пѣль и копецъ были, тылько въ той, абы подалъ себѣ въ знанье людови своему, бы вѣдомъ быть Богъ въ Израилѣ. Обонмъ тымъ Его оказаньямъся, гдѣ приглядѣмся пилнымъ уваженемъ, увидимъ великую а дивную разность. Яко зъявился Богъ Моисею въ купинѣ, пишеть исторія: видѣ Моисей, яко купина горяше и не согораше. *Икъ* оказался на Синаи всему люду, тая жъ Исходная книга пишеть: гора Синайская куряшеся вся сходяженія ради Божія на ню во огнѣ, *сходяше* дымъ, яко дымъ пещный, и ужа-сошася вси людѣ збѣло (Исх. XIX, 18). Тутъ же уважмо: въ купинѣ самый тылько огонь безъ дыму; на горѣ большъ подобно было дыму, а нѣкъ огня: гора куряшеся вся. Мѣль бы быти дымъ барзѣй въ купинѣ, гдѣ хворостъ, череть, солома, сѣно, а нѣкъ на горѣ той, гдѣ а не стебли единаго яковаго могло быти на безмѣрной высокоости и на твердой опощѣ; а огонь божественный чинить противно: въ посродѣ хврасту — поломень безъ наименьшаго дыму, на голій опощѣ каменной — дымъ, яко дымъ пещный. Чему? що того за причина? Кто будетъ уважати натуральнѣ, речеть: тамъ дымъ, гдѣ огонь що палитъ; а гдѣ не палитъ огонь, ничего не сожигаетъ, тамъ нѣтъ и дыму. Не палилъ божественный огонь купины Моисеовы, — купина горяше и не согораше, освѣшалъ тылько огонь божественный купину тую, а не сожигалъ ей, и прето тамъ былъ огонь безъ дыму; а на Синаи огонь божественный быть жгучій, паличій, горѣла тамъ гора отъ лица Божія по писанному у Давида: пламень сожигайи горы (Псал. LXXXII, 15), шо знать изъ апостола, ко евреомъ описуючаго тое на гору Синайскую Божіе во огнѣ сошествовіе, и закончовающаго то овлми словы: Богъ нашъ — огонь поядай (Евр. XII, 29). Блѣ то тамъ огонь, палилъ, травилъ и камене и скалы, *икъ хворостъ и солому, огонь поядайи*, и прето мусѣлю тамъ много дыму быти: сходяше дымъ, яко дымъ пещный. *Добрая* то рація натурального уважанья! Кто будетъ уважати духовнѣ, речеть: во обонмъ тыхъ своихъ Господь Богъ оказаньяхъ хотѣль квадроватися, стосоватися до персонъ тыхъ, которымъ мѣль оказатися. Хотѣль оказатися Моисеови, глянеть на него, аю видить его человека добраго, кроткаго, незлобываго, чистое сердце, правое сумнѣнье мѣнющаго. Мовить теды въ себѣ Богъ: покажусь и я Моисеови кротко, дружеско, прия-

тельско и побесѣдную съ нимъ лицомъ ко лицу, якоже глаголетъ кто ко другу своему, и показался во огнѣ, не олаляючюмъ купины, але тылько просвѣчаючюмъ, абы гды Моисей къ нему пристуניתъ, дымъ бы не заходилъ ему въ очи и не пережжаль въ разговорѣ, и прето въ купинѣ огонь безъ дыму.

Схотѣлъ тежъ Богъ оказатися и всему посольству жидовскому на горѣ Синайской. Глянетъ на людъ той, ано въ нихъ видить невдячность, бунты: тыи на Моисея ропшуть, другіи о болвапахъ мыслятъ, илии воспоминають свывая мяса и котлоегипетское брашно и хотять назадъ до Египта вернутися. Нужь еще провидитъ въ нихъ пришлюю злобу, же пророковъ выбьютъ, дѣти своя пожрутъ бѣсомъ и на Мессію торгнутся. Мовитъ теда въ себѣ Богъ: *лихиі то людіе, окажусь Я имъ грозно; нехай мене знають, же я имъ не потерплю того,—и оказался имъ Богъ во огнѣ поядаючюмъ, сожигаючюмъ.*

Подобие первой прелозиціи пристуною ко другой, же той тылько Бога добрѣ знаетъ, хто при вѣрѣ и любитъ Его, а любить правдивѣ, нефальшивѣ, и привожу для объясненья исторію евангельскую. Пишетъ Матѣей святыи: одного часу, гдѣ заищенное жидовство овыи саддукеи и фарисеи опали Господа нашего зъ хитрыми своимъ квістіамъ, вызываючи того на диспуты, а опали вси гурмомъ,—фарисеи слышавше, яко посрами (Исусъ) саддукея, собращася вкупѣ, зпать для того, абы гдѣ не возмогутъ аргументомъ, тамъ затлумять крикомъ: собращася вкупѣ. На той часъ единъ отъ нихъ законоучитель вопросилъ Господа, некушая его и глаголи: учителю, кая заповѣдь большая есть въ законѣ? Отказуетъ Господь: возлюбиши Господа Бога твоего всеъмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею и всею мыслию твоею, сія есть первая и большая заповѣдь (Матѣ. XXII, 37). Гды бымъ грѣшныи на той часъ былъ и тамъ стоялъ слушаючи той диспутъ, упалъ былъ до ногъ Господа моего а молилъ бымъ: „Господи, то глупое жидовство научи первѣи познанія тебе, абы тебе Господа своего первѣе познали и увѣрили тебе; тожъ будешь учити ихъ любви Божой, абы тебе Господа своего познавши, увѣривши и улюбилши! Гды жъ рѣчь непознаиую, яко хто любити можетъ? Коядая рѣчь добрая первѣи познавается, же есть добрая, то жъ любится; а хто чого не знаетъ, того, и не желаетъ. Мовь же лю шихъ, Господи: первая

заповѣдь есть знати Бога, а потомъ его любити!“ Але не склонился бы Господь на мою малоумную порадку, повѣдиль бы и и повторе, и полесеате, же первая заповѣдь не пная, ено любити Бога. А я удивляючися, чему то Господь жидомъ ничего о познанию Бога невзмѣкуючи, напродь о любви Божіей науку имъ проноуеть, въ себѣ мовлю: чи то уже жидовство знали Бога, а тылькы любви имъ не доставало, и прето Господь о познанию Бога не измени, а любви вначалѣ учить. Але мовить апостоль: аще быша познали, не быша Господа славы распяли (I, Крѣ. II, 8). И на иномъ мѣстѣ самъ Господь ускаряется: Израиль мене не позна, и людіе мои не разумѣша мене (Исх. I, 3). Чему жъ имъ Господь не мовить: первая заповѣдь есть знати Бога, тожъ любити? Пойду на то по науку до великаго учителя церковнаго святаго Іоанна Златоустаго; той учить такъ: „не рече (Христось), да познаеша Господа Бога твоего, но да возлюбиши его; пбо всякому любящему Бога отъ всего сердца невозможно есть не пріяти ко познанію Сына Его. Самая бо любовь божественная въ немъ еущая, просвѣщаетъ его“. Потый Златоустый. Дякуемъ тебѣ, учителю святый, за науку и уже знаемъ, чему первая заповѣдь—любовь, первѣйшая, skutчнѣйшая до забвенья надъ познаніе, бо за любовью идетъ Бога знаніе барзѣ, а нѣжъ за знаніемъ любовь. Знало жидовство Бога,—вѣдомъ во Іудей Богъ, во Израилѣ веліе пмя его,—але же его не любили, прето якъ бы и не знали. Израиль не позна, людіе не разумѣша.

Вспомню еще гуть и Давида. Той Боголюбець, хотячи негда подати людямъ Бога до познанія и залѣпнати меать ними доброты его, мовить такъ: вкусьте и видѣте, яко благъ Господь (Псал. XXXIII, 9). Скоштуйте,—мовить,—и видѣте, яко добръ Богъ. Видитеси, сшпралъ бымъси зъ Давидомъ, постерегаючи его въ мовлене, же здается не порадие говорить: не мовить першь „обачте“, а потомъ и „скоштуйте“, „видѣте и вкусьте“, але мовить першь „скоштуйте“, а потомъ „обачте“, „вкусьте и видѣте“. Але заступаеть его мовячи единъ зъ великихъ церковныхъ учителей. Нікогда жъ приганы въ мовеню давати доводови! Добрѣ онь мовить, слушаѣ першь „вкусьте“ мовить, потомъ „видѣте“: „вкусьте“—любвию, „увидѣте“—познаіемъ. Если напродь любвию не скоштуете, до познанья его пріяти

не можете; ни кто же Бога познаваетъ, аще не первѣе того вкушаетъ. А то жь явно, же тотъ только Бога добръ знаетъ, кто его любитъ.

Такъ разумѣю же и тутъ не одинъ зъ вѣрныхъ христіанъ, хоць въ мысли своей отзовется, мовячи: я люблю Господа Бога моего. Ухатай Боже, иначе! бо хоць бы по единому каждого запыталъ, чимъ любишь ты Бога, запевнѣ каждый скажетъ „люблю“. А я и тутъ безпечне реку: не каждый Бога любитъ, що любить его отзывается; той Бога любитъ, кто правдивѣ его любитъ. По чемъ же познати кого, чи правдиве, чи неправдиве Бога любитъ,—описалъ певщій знакъ любви Божкой возлюбленный ученикъ святой Іоаннъ Богословъ: аще кто речеть, яко Бога люблю, а брата своего ненавиждь, ложь есть; ибо не любилъ брата своего, его же видѣ, Бога, его же не видѣ, како можетъ любить? (I. Іоан. IV, 20). Але я на сей часъ дамъ покой тому знакови, не расширюся, мовлю зъ доводомъ любви ко ближнему, такъ для короткости часу, яко и для непевности; бо въ любви ближняго чаще и много закрадается любви альбо непорядной, альбо лицемерно-фальшивой, альбо пріятной для якоговось своего пожитку. Давши тебѣ тому знаку покой, иншій вынахожу: тамъ, знать, не правдивая ко Богу въ христіанскомъ человекѣ любви, гдѣ створеніе съ творителемъ въ равной парѣ ходитъ, альбо баранъ створеніе неже створитель почитается; тамъ, знать, правдивая любовь, гдѣ единъ создатель, паче всего созданія любитея и предпочитается. И се певщій той же вышеупомянутой Богословъ святой описалъ, мовячи: не любите, ни яже въ мѣрѣ; аще кто любитъ мѣрѣ, нѣсть любви отчи въ немъ. (I. Іоан. II, 15). Если,—мовить,—кто загопиль сердце свое въ семь мѣрномъ свѣтѣ, въ его роскошахъ, въ томъ не пытай любви Божкой, хоць онъ и христіанинъ есть,—нѣсть любви отчи въ немъ.

Любовь Божія есть весьма ревнива, не терпиль, абы въ чѣмъ сердцу любленно и Бога и міра послоду, и создателя и созданіе. Поставили филистимове кіотъ завѣта Господня въ единомъ храмѣ, вкупѣ и идола Дагона; придуть на други день, увидятъ, ано Дагонъ лежитъ на порозѣ сокрушенный. Знать утѣкалъ бѣсъ отъ благодати Божкой, въ кіотѣ бывшей, а утѣкавши спотынулся на порозѣ и сломилъ себѣ шю! А ежели

жъ бы былъ Дагонъ не скрушился, а нѣ ся зъ мѣсца своего рушиль, то що бы было? Было бы то: кіотъ бы Божій, самъ о себѣ подвигнувшись вышелъ бы прочь зъ того храма. Такъ любовъ Божія умѣеть въ чѣмъ она сердцу вселится, то альбо цдома земныи, мірскіе суетныи пристрастія повлыгоняеть, альбо сама прочь утѣчетъ, мовячи—се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ, и прето упоминаеть христіанскаго человѣка.

Бѣжи созданія, аще хочещи имѣти создателя! всяко созданіе тебѣ да охудится, аще хочещи, да Создатель въ сердцу ти усладится!

Не любить любовь раздвоена быти на двое, абы кто единою половицею сердца своего любилъ Бога, а другою любилъ мірность свѣтовую—не можете Богу, работати и Мамонѣ (Матѣ., VI, 24); але цѣлаго сердца человѣческаго любовь Божія потребуеть, мовячи—сыне, даждь ми твое сердце! абысь мене улюбить веѣмъ сердцемъ. Піенскіѣ мовитъ премудри ідіота: любовь ни раздѣлятися, ниже раздиратися должна; а иже ю раздѣляютъ или раздирають горшіи видятися паче волновъ распешихъ тя, Господи, иже твоего хитона не хотяху предерти. Такъ ревнива естъ Божія любовь, же якъ бы вторицею крестъ, распятіе страдала, гды бы кого видить раздирающо ю надвое, альбо надсятеро до речі сотворенныи, але хочеть, абы та едина въ сердцу человѣческомъ пановала, царствовала безъ жаднаго товарница. А тождъ знакъ певной, хто правдиве любить Бога: тотъ, который альбо мало, альбо ни трохи не мѣеть пристрастія и услажденія въ дочасныхъ роскопахъ мірскихъ, въ рощутныхъ плоти угодахъ, а заживаеть міра не яко услажденія, але яко нужды до захованія временнаго живота надъ все предпочитаючи. Единаго Бога зъ Давидомъ, мовячимъ: что ми естъ на небеси и отъ тебе что восхотѣхъ на земли (Псал. LXII, 25), на що пишучи Амвросій святыи мовитъ: „дѣси убо яко сокровенныхъ свѣдителю Боже, яко не точію паче земля и веѣхъ, яже на ней, но и паче небеси и веѣхъ, яже на немъ, тыхъ еси дражайшіи, желательнѣйшіи, любезнѣйшіи; люблю ти паче неба и земли и всего, яже на нихъ“.

Еще и то певной знакъ правдивой любви Божой, естли хто любить Бога для самого тилько Бога, а не для себе, то естъ не для своей приваты, не для своего пожитку, не для заплаты

тоя, которую описалъ апостолъ: око не видѣ и ухо не слыша и на сердце челоуѣка не възидоша, яже уготова Богъ любящимъ его (I Кор. II, 9). Не оуждаю и той любви, що для заплаты вѣчной любить Бога, однакожь ей совершенною, цалѣ правдивою не называю. Не служилъ бы наймитъ господареви, гды бы не сподѣвался отъ него платы; не любилъ бы другій Бога, гды бы не чаялъ воздаянїя. То правдивая любовь, которая, по апостолу — не ищетъ своихъ си (I Кор. XIII, 5), не szukaеть нагороды жадной, едно того единаго прагнѣтъ, абы въ божественной любви усладитися. Вспомнѣмъ тутъ двѣ въ Писмѣ Святомъ описанныи грѣшницы: одну Раавъ въ Иерихонѣ, другую въ Виванїи въ дому Симона прокаженнаго. Обѣ двѣ на-вернулись до Бога, обѣ двѣ познали того вѣрою, але не одинаково познали его любовію. Первая фрасуется, старается о цѣлости дому своего, просить, обовязуетъ клятвою Израильскихъ сходниковъ: кленитемися Господемъ Богомъ вашимъ, якоже азъ творю милость вама, тако сотворите и вы милость дому отца моего (I Нав. II, 12). Другая послышавши о Спасителѣ, же въ дому Симоновомъ, зостаеть на учтѣ, входитъ, упадаеть, слезами пречистыи омываетъ нозѣ, власами главы отираеть, не мовить ни слова, ни печется ни о чемъ, не просить ни о що, а не о грѣховъ своихъ прошенію молить. О, якъ неравная обоихъ ко Богу теплота и усердіе! Чему? Бо тамъ тая уемотрувала свою привату, абы фамилїя и маетоуъ былъ захованъ въ цѣлости, а сая абы тылько любовію божественною усладила свое сердце, яко возлюбилъ много (Лук. VII, 47). То то любовь правдивая, не для себе, не для своей яковой приваты, але для самого жъ того Бога любячая Бога, для услажденїя сердца любовію его божественною.

Учинилъ Господь Богъ подѣлъ добръ своихъ вѣрнымъ слугамъ своимъ: далъ нищимъ небесное царство, далъ плачущимъ особливую утѣху, назначилъ кроткимъ наслѣдовати землю, алчущимъ, жаждущимъ наготовалъ обѣдъ въ царствїи небесномъ гойной яко тыи насытятся (Мте. V, 6); инимъ нишии назначилъ певныи ведлугъ годности заплаты. А любителямъ своимъ що? Ничого инного, ено то—Отець мой возлюбить его и къ нему приидеѣ и обитель у него сотворивѣ. Не мовить — дамъ любящимъ Ми царство, посажу на маестатѣ, дамъ въ руцѣ ски-

петръ, вложу на голову корону, учиню для него банкетъ небесный; ничего того любителю своему любезному не офъруеть. Что жъ то едно обѣцуетъ? же къ нему приидевъ и обитель у него сотворивъ; а то власнѣ намъ показуючи, абысмо вѣдали, же кто правдивую до Бога любовь мѣеть, той опрочъ самого Бога ничего большъ не желаетъ,—не неба, не коронъ небесныхъ, ни сладостей райскихъ, але самого тылько Бога, надъ небо и надъ всѣ небесныи роскоши. Ищи кто хочъ и чего хочъ у Бога: любовь одного тылько Бога ищетъ паче всѣхъ, хоць и вѣчныхъ добръ и паче всего созданія: мнѣ же прилѣпятся Богови моему благо есть (Псал. XXXII, 28).

На остатокъ то певный знакъ правдивой любви Божой, гды кто для любимаго Господа своего всѣми силами выстерегається допуститися каковаго грѣха смертнаго стережется, абы нѣчимъ ни въ чомъ не образити того, котораго любить, але бы во всемъ волю его, приказаніе его вынолнять пилно старается, яко мовить Господь: аще кто любить Мя, слово мое соблюдаетъ, а нелюбий Мя словесъ моихъ не соблюдаетъ (Іоан. XIV, 23-24).

Тако гды кто любовь правдивую въ сердца своемъ до Бога мѣеть, той запевне добръ Бога знаетъ, коштуеть его любовію и знаетъ сердечною сладостію, яко благъ есть, и таковыи власнѣ достушитъ живота вѣчнаго зъ познанія Бога походячого, по словеси Христову: се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единова истиннаго Бога (Іоан. XVII, 3).

Аминь.

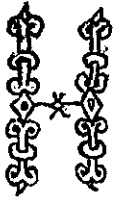

Слово І на Сошествіе Святаго Духа.

Слава Отцу и Сыну и Святому
Духу.

Въ Кіевѣ въ Кирилловскомъ монастырѣ
въ 1693-мъ году.

имъ сподобится зъ насъ кто колнсь Бога во Троицы
еднаго, Отца, и Сына, и Святаго Духа славити со
ангелами въ небѣ; теперь на земли, поки естесмо въ
тѣлѣ, славлю его не лѣнивѣ, слышателіе православніи.
И достойная рѣчь, абы створитель отъ своего створенія, Отець
отъ коханныхъ дѣтей своихъ, Сынъ отъ коханныхъ друзей
своихъ, Духъ Святой отъ любыхъ рабовъ своихъ былъ слав-
ленъ. Отець возлюбилъ насъ якъ своихъ дѣтей: тако возлюби
Богъ міръ и даде намъ область чады своими быти (Іоан. III,
16; I, 12). Сынъ возлюбилъ насъ яко своихъ друзей и душу
свою положилъ за ны: больши сея любви никто же имать
(Іоан. XV, 13). Духъ Святой возлюбилъ душу нашу яко обру-
ченную себѣ невѣсту,—обручивъ вы дѣву чисту (I Кре. XI, 2),
а яко источникъ благодѣнствъ, учинилъ насъ рабовъ Богу бла-
гихъ и вѣрныхъ. Годна теды рѣчь, абы дѣти славили Бога-
Отца, яко своего создателя, отъ небытія въ бытіе приведшаго;
избавенныи положенною за нихъ душею братіа, бы. славили
Бога Сына, пестыдящагося насъ братію нарипати; благи рабы
и вѣрныи бы славили Бога Духа Господа всяческимъ его же
щедроты на всѣхъ дѣлехъ его.

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу.

Але не досить Бога въ Троици славити словомъ: треба Его славити самимъ skutкомъ, самимъ дѣломъ. А якъ skutечне славити Бога должни,—учитъ насъ учитель языковъ святой Павелъ, пишучи до Коринѣвъ: Прославите Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ, а въ душахъ вашихъ, яке суть Божія (I Кор. VI, 20).

Въ нынѣшней теды подлой моей нравоучительной бесѣдѣ поучимся мало, хочъ попросту,—якъ Бога въ Троици единого Отца и Сына и Святого Духа, славити въ тѣлесахъ нашихъ и въ душахъ нашихъ! А ты, о Пресвятая Троице, Боже нашъ, помози намъ, славы ради имени святого твоего!

Напрудъ прославмо Бога, ведлугъ парадку науки апостольской, въ тѣлѣ нашемъ: прославите [глаголетъ] Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ. Бога Отца, во-первыхъ, яко въ тѣлѣ славити радмося Писма и учителей. Пишется въ пророчествѣ Малахійномъ, яковой Богъ Отець потребуеть отъ насъ славы: аще убо Отець есмь азъ, то гдѣ моя слава? и аще Господь есмь азъ, то гдѣ моя боязнь? (Малах. I, 6). Славити треба Бога Отца, але и боятися его: работайте Господеви со страхомъ (Псал. II, 11). Славити Бога Отца воистину недоумѣемъ, его же трепещуть и трясутся херувимы и славословять ангельская вся воиства. Ангельская воиства славятъ и трепещуть. Що жъ мы? Але радмося святыхъ учителей. Гды-мъ о славѣню Бога въ Троици мыслиль, былъ мнѣ зъ книгами своими предъ очима панславнѣйшій церковный учитель святой Иоаннъ Златоустъ. Молилемъ его, бы мя научиль, якъ славити Бога. Али опъ въ бесѣдахъ своихъ на Павлова посланія повѣдалъ: „сие есть славити Бога, еже не изгизовати испытанія“. Що жъ то-есть не изгизовати испытанія? Не бадатися о Бозѣ, не дашкурвати, не петязуй, не испытуй таемницъ божества, а будешь ты славити Бога. А якожь, учителю святой, будемъ знати Бога, ежели ѓ немъ не будемъ испытовати? А затымъ якожь и спасемся, гды-жъ то есть вся надежда збавенія нашего, що знати Бога? се же есть животь вѣчный да знаютъ тебе единого истинного Бога, и его же послалъ еси Исуса Христа (Іоан. XVII, 3). Треба то тутъ запытати и вѣдати, что есть Богъ, которое есть существо, которое естество его. Треба подишкурвати и довѣдатися самой истой правды. Златоустъ святой на то въ Маргаритѣ своемъ, въ словѣ I-мъ о непостижимемъ, тако гла-

голетъ: взыдемъ прочее на небо. Пошо жъ? тамъ будемъ правѣ выбадаватися о Бозѣ и о его существѣ и естествѣ, еда како суть тамо иѣщии вѣдущи, что существомъ есть Богъ. А хто жъ бы тамъ мѣлъ лѣишь знати надъ ангеловъ, непрестанно Богови предстоящихъ, на него смотрячихъ, яко въ нынѣшнемъ евангеліи самъ Христосъ мовитъ: ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца моего небеснаго (Мтѣ. XVIII, 10). Ихъ теды спроситъ бы о Бозѣ. Мовитъ Златоустый: слышѣмъ ангеловъ что убо? о существѣ ли семъ [сиіи есть Божиємъ] бесѣдуютъ и взыскують? Никако же; но что? Славятъ, кланяются, побѣдныя пѣсни выну возсылають со многимъ страхомъ; тулки на небѣ дѣла, тулки оттоль и вѣдомости; славятъ, кланяются, выну поють со страхомъ.

Загамуймося жъ тутъ и стань непоступно, цікавости людская, любячая тылько бадатися о Бозѣ, а не его благочестно знати и славити, охочая до дшкурсовъ, лѣнивая до славословія. Если ангели о Бозѣ не дшкуруютъ, не испытуютъ, не испытуй же и ты, но вѣруй; не высокоумдествуй, но бойся; вѣруй, славь, покланяйся благочестно, а не истязуй любопытно. Ото слухай, яко зъ тебе великій такъ учитель наглядается: видѣлъ ли еси коликъ есть горѣ страхъ, колико долѣ преобидѣние? Они (сиіи есть ангели) славятъ, а сиіи (сиіи есть человѣци) истязуютъ; они очи закрывають, сиіи же любо препираются, безстуднѣ взирають ко несповѣдимой славі. Дякуемъ тебѣ, святой Златоусте, за науку! Не будемъ истязовати испытанія, вдаватися въ дшкурсы, але тылько славити.

Знаемъ въ правдѣ Бога, (слава Богу), знаемъ Его не яко въ себѣ есть, але яковъ въ насъ и намъ есть; знаемъ Его отчасти, до спасенія нашего належачой; знаемъ Его вѣрою святою просвѣщенны, отъ святыхъ отецъ наставленны, яко и отъ патрона сего святаго мѣсца отъ святаго великаго Аванасія Александрійскаго, учителя церковнаго, въ символѣ своемъ обшириѣ насъ о святой Троицѣ учащаго; знаемъ Бога зтолко, аколко можетъ быти намъ досить на спасеніе наше; довлѣеть, намъ, а далѣ не дерзаймо, и сіе есть славити Бога, еже не истязовати испытанія.

Выше воспоминаенныи въ пророчествіи Малахійномъ Божиіи слова: Сынъ славитъ Отца (Малах. I, 6), святой Златоустъ (въ

Маргаритѣ) читаетъ такъ: „сынъ чтитъ отца, и рабъ господина своего бонсея; аще Отецъ убо азъ есмь, то гдѣ моя честь? едино жъ то то подобно и славити и чтити: хто славитъ, тотъ чтитъ; хто чтитъ, тотъ славитъ“. Але яко сынъ чтити отца должень? У людей той сынокъ нана - отца своего чтитъ, который не смѣетъ при немъ усѣсти, але стоитъ предъ нимъ учтиве, шапочку знявши, по словенску мовлячи благоговѣнно. Таковыми кштальтомъ чтятъ Бога Отца старшіи его сынове, святии ангелы, яко о нихъ святой Митрофанъ, тропичныхъ во октоиху канонъ творецъ, въ главѣ 3 вмѣкнуеть: говѣютъ зѣло предъ неприступнымъ свѣтомъ и пѣніе непрестанно вопіють; говѣютъ зѣло, то есть учтивѣ, честно, опасно, опрятне, скромне зъ встыдомъ и страхомъ шапаючи маестать Божиѣ, предстоятъ Богу. А такъ и человекъ въ тѣлѣ своемъ Бога славити должень.

Благоговѣнство вышнихъ богохвалцовъ описано у святого Исаи. Видитъ разъ тотъ пророкъ Господа Саваога, сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ; а серафими стоятъ окрестъ,— шесть крылъ единому, шесть крылъ другому. Смотрѣмъ же, зъ якимъ ты богохвалцы стоятъ благоговѣнствомъ? Двѣма покрываютъ лица своя, двѣма же ноги, а двѣма жъ летаютъ и зывають (Ис. VI, 1—2); такъ говѣютъ предъ неприступнымъ свѣтомъ! А то жъ маемъ образецъ благоговѣнства въ нашемъ на молитвѣ Богови предстояню. Слухаймо о томъ святого Златоустаго, научѣмся убо и мы, каковою боязнію, каковымъ стыдѣніемъ, каковою честностью приступати должны есмь къ Богу въ молитвахъ нашихъ, каковою кротостію и благоговѣнствомъ предстояти во славословленіи его!

Хто хочеть яковаго научитися ремесла, смотритъ на образецъ, на зразъ и на кштальтъ того дѣлаеть: маляръ маеть кунштъ предъ собою, а будовничой—абрисъ. Хто хочешъ Бога славити благоговѣнно, що бы могло быти на твоей души збудованіе, а то маешъ кунштъ, то абрисъ: шестокрылнии серафими коло Божиаго престола.

Не досить учневи на образецъ глядѣти; по старему треба ему и майстра, же бы указоваль. Не досить кому въ славославленію Бога на серафимскій кштальтъ смотрѣти; треба еще и учителя. Осе жъ и учитель святой Іоаннъ Златоустъ, а той въ словѣ 6 о серафимѣхъ проказуеть. Смотри жъ умныма очима

на образецъ, на серафими, а слухай ушима досконалаго проказчика святаго учителя. Образецъ показуеть серафими на небѣ, а учитель проказуеть мовячи: сія помыслиай, человекче; востани и отъ земли премѣнися и на небо възиди. Не понмуеть того ученикъ, якъ то възити на небо, вымолвляется тяжкостью тѣла; влечеть тѣло и принуждаетъ долу; радъ бы до неба, але тяжкое тѣло до земли тягнетъ, влечеть тѣло и принуждаетъ долу. Учитель улатвуетъ тую трудность, проказуючи выразнѣй: се возводятъ посты, легцѣй душевнѣи содѣльвающе крылѣ, легко душевное сотворяюще бремя; попусти, а легкокъ будешь, на небо вступишь. Образецъ показуеть серафимовъ предъ престоломъ Божиимъ стоячихъ, поющихъ. А учитель проказуеть: съ серафими (и ты) стоиши, со серафими (и ты) поеши. Молишьлися Богу? славословишь ли Бога? и уже то на небѣ стоишь межъ серафимами; во церкви стояще, на небеси стояти мнмися. Образецъ показуеть серафимовъ, мѣнющихъ крылѣ распростертыи, овы до лица и ногъ закрываня, овы до летаня. А учитель учитъ: со онѣми (и ты) крылѣ распрости, со онѣми (и ты) летай окрестъ престола царева. Таковое же,—мовить,—и ты поймуи благоговѣнство, по серафимеку ставай предъ Богомъ, распрости крылѣ и летай! Що бы тутъ были за крыла святѣй учитель не объясняетъ подлинно, но хочеть абыся иное догадовалися и сами. А знать тутъ разумѣть о крылахъ невещественныхъ, о которыхъ латво начинатися всюду: хто крылами духовными разумѣть быти постъ и молитву, хто любовь и вѣру, хто чистоту тѣла и духа, хто иныя яковыи добродѣтели; а правѣ каждая добродѣтель есть крыломъ, возносячимъ человекча отъ земли къ небу, ведлугъ того антифона: Святѣмъ Духомъ всяка спасенная вина; аще бо коему сей по достоянїю дхнеть, скоро вземлетъ отъ земныхъ, восперяеть, возвращаетъ и устролеть горѣ. Каждая,—мовить,—причина спасенїя, каждая добродѣтель приписуется Духу Святому, который гды на кого дхнеть, тотъ человекъ станеть нѣбы крилатъ, добродѣтеленъ и летитъ въ высоту небесную. А такъ що добродѣтель, то крыло есть наше (формуиможь тутъ добродѣтельныи обѣ крыла, власнѣ до благоговѣнства въ славословіи Божомъ належачіе, напредъ). Двоухъ крылѣ треба, да лица закроемъ, и тымъ быти разумѣти можемъ завстыданеся предъ Богомъ своихъ грѣховныхъ спрос-

ностей и смиреніе, тое альбовѣмъ обое умѣеть лицо закрывати челоуѣку. Не треба лѣпшого тому доводу надъ самое досвѣдченіе: выдаемъ то, еже безстудіе а гордость высоко голову задираеть, выше лба очи носить; покора зась а встыдѣніе глядитъ въ землю. Смирятлися хто, голову хилить, лице долу мѣеть; завстыдитлися хто, лице рукою крыеть, отколь и Давидъ: студь лица моего покры мя (Псал. XLIII, 16). Обоихъ тыхъ криль пишно треба, гды хочемъ благоговѣиѣ славити Бога. А вѣдаете жь, чимъ мытарь покрыль лице свое, гды пришелъ предъ Бога велѣдъ за велехвалнымъ фарисеемъ? Встыдомъ а смиреніемъ. Вышло разомъ двоихъ челоуѣкъ до церкви Богови предстати, фарисей и мытарь, але неединако: одинъ безъ встыду, гордостно и неблагоговѣино, бо приступль близко (Лк. XVIII, 10) якъ бы затоварничилъ зъ тымъ, нашь же не смѣють чини ангельстии зрѣти, а еще велеречуеть, хвалится; а другій—съ покорою глыбокою, бо сталь пдалече зъ встыдомъ; бо нехоташе и очію возвести на небо; въ студь ему было предъ всевидящимъ окомъ Божиимъ, же сумнешъ мѣеть грѣхами замазанное; правѣ нѣбы крилами яковыми, покорою а встыдомъ крыль предъ Богомъ лице свое. Смотрѣжъ якъ то ему удалося! И изыде сей оправданъ паче онаго (Лк. XVIII, 14). Не подобался фарисей Богу, же не благоговѣино, незакрытымъ лицемъ ему явился, и прето яко яковымъ безстуднымъ, и инатрентемъ онымъ взгордилъ; подобался мытарь, бо праве по серафимску предсталъ благоговѣино лицу Его лицемъ закрытымъ. То уже мѣемъ двое криль на лице закрытіе,—встыдъ а покору.

Еще до ногъ двоихъ криль треба. Нозѣ, яко послѣднѣйшая тѣла нашего часть, всегда земли касаючаяся, въ болотѣ лнучая, есть знакомъ подлости нашей, яко и глава—знакомъ честности. О гордѣливѣмъ штаку павѣ правять, же гды на нозѣ свои подліи глянетъ, въ нетму упадаеть. А не мушу неодрѣчи: гды до благоговѣинства въ славословіи Богомъ на закрытіе ногъ нашихъ возмѣмъ себѣ за крыла двое сіе: познанье подлости своей и опасство и осторожность надуфая въ себѣ самомъ, що ся таней первому, возмемъ тое зъ прикладу Авраама и Исаи пророка. Вдался разъ Господь Богъ въ подуфалуую рэзмову зъ слугою своимъ вѣрнымъ Авраамомъ, бесѣдуетъ съ

нимъ лагоднѣ, якъ бы съ своимъ пріателемъ, не таячи предъ нимъ своихъ Божескихъ секретъ: не потаю отъ Авраама, раба моего, еже азъ творю, глаголетъ Господь. Осмѣлився тежъ и Авраамъ, безпечно размовляетъ зъ Богомъ, допытуется таемницъ: не погубиши ли праведнаго съ нечестивыми? А въ тымъ разомъ ся цофнулъ и—яко кляхся; и ще первѣй дерзновенно, то уже осторожне до Бога глаголетъ и якъ бы спочатку рѣчь свою начинаеть: нынѣ начахъ глаголати ко Господу моему: азъ есть земля и пепель (Быт. XVIII, 17, 23, 27). Що жъ то есть? Авраамъ видѣ Бога, позна свое ничтожество и исповѣда себе быти землю и пепель. Глядячи Авраамъ на Бога, уважаячи его величество силы, глянулъ тежъ и на свои ноги, то есть взглянулъ въ свою подлость, въ свое ничтожество, и остерогая,—съ кимъ размовляетъ? Зъ Богомъ, зъ Творцемъ, зъ Всемогущимъ; а оны противъ него праве единое ничого, червь ползайщій предъ величествомъ неприступныя его славы, и прето визнаеть себѣ быти землю и пепель, познавъ то свое ничтожество; то крило едино, родячееся зъ познанія Бога, познанае ничтожества своего. Отожь и пророкъ Исаія, гды увидѣлъ Бога на маестатѣ, рекль: о, окаянный азъ, яко сподобихся, человекъкъ сынъ и нечистѣ усты имый, Господа Саваоиа видѣти очима моима (Ис. VI, 5). И той позна свое ничтожество, узрѣвши Бога. Видяй Бога видитъ себе самого, видитъ елико отстоитъ отъ Бога, коль мало и воистину коль ничтожесть; и елико ясне видитъ Бога и себѣ самаго, толико множае чудится Богу и благоговѣйне почитаетъ его. Кто еси ты, Господи, кто же азъ? Ты—бездна бытія, истины и славы; азъ же—бездна ничтожества, суеты и окаянства. До ногъ нашихъ крило едино—подлости своей познанье; друго крило да будетъ опасства и осторожности падуфана въ себѣ, яко персть.* Глаголетъ апостоль: мняйся стояти да блюдется, да не падеть (I Кор. X, 12). Стоишь ли въ яковомъ добромъ дѣлѣ, варуйся, быся не послизнулъ, и прето со страхомъ содѣвай свое спасеніе, соверщающе святыню въ страхѣ Божіи. Быхмо теды благоговѣйнѣ могли стояти въ славословіи Божіи, укрываймо, яко бы украшаймо нозѣ свои тыми двома крилами,—познаваніемъ подлости нашей и опаснымъ стояніемъ соблюдающимъ отъ падежа!

Еще жъ двоихъ крилъ треба до летанья, а тыми суть у святаго Назіанзена дѣянїе и видѣнїе, то есть, акція и контемпляція, простѣй мовячи—подвигъ въ молитвѣ и богомысленность, альбо вниманїе въ молитвѣ, бы славословіе Божїе было не безъ тѣлеснаго труда, ни безъ умнаго вниманїя. Трудъ въ стоянїю, вниманїе въ читанїю, подвигъ во всенощномъ бдѣнїи богомысленность въ поднесенїю мысли ко Богу, праца въ колѣбнопреклоненїи, въ рукъ воздѣянїи, въ крестообразномъ на землю упаданїю, боговидѣнїе въ влѣпленїю ума въ неизреченную Божїю славу, — тыи крила летаютъ высоко; бо праца небо заслугуетъ, а богомысленность къ нему возноситъ. Въ тыя теды шесть реченїй крила убираймося, бысмо въ тѣлѣ нашемъ Бога благоговѣйнѣ по серафимску могли славити, бы и намъ служило пѣнїе Дамаскиново: что васъ наречемъ, святїи серафими, яко непрестанно прослависте его? Хочемъ ли стати на молитву, на славословіе Божїе, впредь помыслемо о шпетности грѣховъ нашихъ, якъ маемъ явитися всевидящему его оку Божїю, а заплонѣмся лицемъ предъ нимъ, завстыдаймося и смирѣмъ гордостную мысль нашу! А то намъ будетъ яко крила, лице предъ Богомъ закрываючіи. Уважмо, предъ кимъ стати, съ кимъ въ молитвѣ размовляти мѣемъ? Зъ Богомъ, которому никто не годенъ; и познаймо нашу подлость, негодность, ничтожество, слабость и ползкость, статку нашего нестатечную; а зъ опасствомъ и страхомъ тому предстанмо, бы и тою молитвою, которую разумѣемъ за рѣчь добрую, не згрѣшили, бы зъ насъ кому не речеса: молитва его буди въ грѣхъ (Пс. СVІІІ, 7). А то будетъ намъ яко крила, нозѣ закрываючіе, чи якобы здобячіе. Умъ разсѣянный по свѣту вкупу зберемъ, до неба влѣремъ, тѣло на молитвѣ утомѣмъ; а то намъ будетъ яко крила, насъ до неба подносячіе. Таковымъ благоговѣйнствомъ, таковою честностью гды опатримъ, ушануемъ то маестать Божїей и прославимъ Бога Отца въ тѣлѣ нашемъ що и хочъ и цѣлой святой Троицы належитъ Богу Сыну и Богу Духу Святому, изряднѣе еднакъ первой въ Троицѣ святѣй персонѣ, именованїе отчее имѣючой, такъ: аще рабъ еси, воздаждь Господеву боязни повиновенїе; аще сынъ еси яви отцу чести благоговѣйнство. Власнѣ теды Богу Отцу въ молитвѣ нашей благоговѣйнство прислушаетъ, которымъ должны есмь его славити

въ тѣлѣ нашемъ по апостольскому увѣщанію: прославите Бога въ тѣлѣсахъ вашихъ (I Кор. VI, 20).

Другую въ Троици Святой персону Бога Сына яко бысмо въ себѣ прославити мѣли, порадыся съ собою—чимъ наибарзѣй Христосъ Спаситель нашъ на земли съ людьми конверсуючи вславився. Заглянмо до Евангелія святаго Іоанна, а тамъ услышимъ Господа нашего, пречистыми и праведными усты праведнѣ хвалячагося: нынѣ прославися Сынъ Человѣческой и Богъ прославися въ немъ (Іоан. XIII, 31). Уважаймо жъ часъ прославленія Сына Божія: чи въ той часъ, гды чуда чинилъ, воду въ вино претворяеть, хоробу лѣчитъ, слѣпымъ даеть взрокъ, глухимъ слухъ, хромымъ ходъ, мертвымъ животь, Лазаря четверодневна мертвеца словомъ зъ гроба выводитъ, бы намнѣй хочъ изъ того мѣлъ у людей значную славу? Але онъ намнѣй не почиталъ себѣ то за славу, ажъ гды уже пошолъ на страсть вольную и уже растается съ возлюбленными своими учениками, уже ихъ жегнаеть: миръ мой даю вамъ, миръ мой оставляю вамъ (Іоан. XIV, 27). И якобы уже ногою вступаетъ до тиранской катовнѣ, на тотъ часъ мовитъ: нынѣ прославися Сынъ Человѣческой. Такъ Златоустъ на посланіе къ евреемъ: „слава (Христу) и честь крестъ есть, якоже и самъ славу того нарицаеть, глаголя: приде часъ да прославится Сынъ Человѣческой“. О, Христе, Спасителю нашъ! Ото Іюда уже близко зъ войскимъ, со оружіемъ и дреколми, поймати тебе, зъ поязами связати тебе! Ото безчестіе Тебѣ тужъ! Ото уже готують на тебѣ каторскіи инструмента,—бичѣ, розги! Ото тешуть дерево на крестъ на срочитную со злодѣи смерть. Ото внетъ злодѣи ковати на Тебе будутъ: аще не бы былъ сей злодѣй, не быхомъ его тебѣ предали; возми, возми, распни! (Іоан. XVIII, 30, XIX, 15). А сладчайшій нашъ Господь глаголетъ: теперъ моя слава; теперъ моя честь, теперъ мое надъ всѣхъ подвышеніе: нынѣ прославися Сынъ Человѣческой. А то яко? Объяснують толковники Писма Святого твердячи, же страданіемъ креста и смерти Христосъ Господь нашъ на наивышшой ступень славы и чести поступить. Піекнѣ зъ нихъ единъ отъ лица Христова на томъ мѣсцу бесѣдуетъ: „аще Іюда изыде предати Мя на убіеніе, убо приближися ко Ми крестъ и смерть, ею же не тако обезчещуся, якоже зѣло прославлюся; же,—мовитъ,—

страданіе, крестъ, смерть, выйдетъ Мнѣ на наибольшую честь и славу. Прето, идучи на страсти, на крестъ и смерть мовлю: нынѣ прославися Сынъ Человѣческій“. Слава тебѣ, премилосердый Господи, славо наше, возносящая главу нашу! А тожъ видимъ, же крестомъ наибарзѣй прославися Господь нашъ, якъ въ Евангеліи пишется, яко тако подобаше пострадати Христу и внити во славу свою (Лк. XXIV, 46). И апостоль: видимъ Іисуса за пріятіе смерти славою и честію вѣнчанна (Евр. II, 9). Крестомъ бо и смертію не точію Сынъ Человѣческій и человѣкъ, но и Сынъ Божій и Богъ познанъ буду; познается бо въ человѣчествѣ таящееся божество, егда солнце померкнетъ, каменіе распадется, гробы отверзутся, мертвіи возстанутъ. Та и иная многая страшная чудеса покажутъ, яко Богъ страждетъ и смерть на крестъ подъемлетъ; азъ же крестомъ порабошу себѣ весь міръ, бѣсы прожену, грѣхъ потреблю, смерть умерщлю, геену разорю, яко всѣхъ Господь и владыка. Если теды хотимъ Сына Божія въ тѣлѣ нашемъ прославити, мѣемъ же его прославити крестомъ, страданьми. Такъ его въ тѣлѣ своемъ прославили святыи мученики, мученицы, вдавши себе за Христа на раны и многоразличныи смерти, овъ на вечное уѣченіе, другій на копіино прободеніе, той на крестъ, якоже и самъ Христось, былъ распятый, а онъ живо въ землѣ погребенъ, тыи проидоша огонь, а овии воду, пожжены, потопленни,— вси пострадали славы ради имени Господа своего. Але речемъ: не можемъ мы такъ въ тѣмъ нашемъ прославити Бога, якъ мученики. Хвала Богу! уже немашь гоненія за Христа на христіаны. Колись то тутъ стояли болваны овыи перуны, волоси, лады, купалы; а теперь на тыхъ мѣстехъ церкви святіи, слава Христова, благодать Божія сіяетъ. Нѣсть уже и въ сторонахъ грецкихъ и римскихъ овыхъ Нероновъ, Діоклитіановъ, Максиміановъ, мучителей, которіи бо до отверженя Христа, до поклоненія идоломъ принуждали и нехотячихъ размаите мучили, забіали; единымъ словомъ, нѣтъ балвохвальства, ни мученичества, якожь датися за Христа на раны, на страданія, же бы въ тѣлѣ своемъ прославити Бога Сына.

Не фрасуймося, знайдется тужъ межи нами и идолъ, и мучитель, и идолопоклонникъ покажется много, а мучениковъ мало; разслушаймося тылько и разсмотримъ межи собою! Зла-

тоустый святыи твердитъ: различныя суть идолослуженія образы. Объясни жъ намъ, учителю святыи, и скажи хочъ единого идола, а быхмо его внетъ, якъ колись въ Кіевѣ Перуна сокрушили. Слушаймо жъ ено, що намъ святыи учитель кажетъ: „да не речеш ми сего, яко не покланяешися идолу златому, но оно ми покажи, яко сихъ не твориши, яже повелѣваетъ злато. Отожъ маешь идола, злато, не на яковомъ холмѣ горъ кіевскихъ, але въ шкатулѣ, въ скринѣ, въ коморѣ. А идолопоклоненіе гдѣ? Въ сердцу—страсть до злата и ради злата твориши, яже повелѣваетъ злато. Що жъ злато повелѣваетъ? Ищи мене, украдь, одойми, видерь, разбей, кривду учини ближнему, не респектуй и на Бога, бо и церковное вырви. Былесъ мене набылъ до твоей шкатули, альбо рачей до ненасычного твоего сердца, то злато повелѣваетъ, а ты послушаеши,—отожъ еси хрещеный идолопоклонникъ. Хтось зъ убогихъ речеть дяковать Златоустому святому, же вытоснулъ балвохвальство въ богатыхъ? У насъ убогихъ того нѣтъ, злата не маемо, въ шкатулу не збираемо, за ледво маемъ чими наптити душу. Але не триумфаймо и мы убогіе! Знайдутся и въ насъ свои идолы; слухаймо ено того жъ учителя: различныя суть идолослуженія образы, и овъ убо мамону вмѣняетъ Господа, овъ же чрево Бога, инъ же другую похоть вселютѣйшую, атожъ маешь що страсть, то идолъ. Но не пожираеши имъ воловъ, яко же еллини, но много лютѣйше свою закалаеши душу; не прекланяеши колѣнъ, ни покланяешися (идоломъ) но со множайшимъ послушанѣмъ твориши вся, яже тебѣ повелѣваетъ и чрево, и злато, и похоти мучительство. А то жъ всюды полно балвохвальства, вси естесмо грѣшны, многоразличными страстми порабощенни, страстемъ якъ идоломъ работаемъ. Мы разумѣли, же тылько еллини были балвохвальцы скверніи, котори страсти людскіи обоготворили, тѣлесность назвавши Венерою, гнѣвъ — Марсомъ, пьянство — Бахусомъ; ажъ святыи Златоустый и насъ подобными бо и горшими идолопоклонниками чинить, гды ясно глаголетъ: аще и не паливаеши идиловъ ты, яко же они, но со многимъ усердіемъ тѣмъ же подпадаеши страстемъ, улы Христовы улы блудничіи творяи, и иными себе оскверняяи беззаконіи. Правду воистинну нѣякъ пречити тому святому великому учителю. А тожъ гды таковое въ насъ знайдутся идолопоклоненіе, то тужъ,

и пляць широкій до страданія, до мученичества, а затымъ и до прославленія въ тѣмъ нашемъ Христа Бога. Если то що грѣхъ, то идолъ, то що страсть, що помшелъ и оказія побуждаючая и тягнучая до грѣха, то мучитель, а противитися имъ, не соизволяти, превитязати страсти есть то мучительство едино и повседневное, зачимъ каждый грѣху сопротивляючийся, себе превитязяючий, есть мученикъ, славячий въ тѣлѣ своемъ Христа Бога повседневными страданми. Добрѣ той же святой Златоустъ мовить: „можеши и ты, аще восхощеши, таковую, (якоже мученицы), принести (себѣ Богови) жертву, аще не огнемъ (вещественнымъ) сожжеши тѣло, (то) инымъ огнемъ можеши (се сотворити), сирѣчь огнемъ нищеты волныя, огнемъ скорби; еже бо притрудное и горькое избыти житіе и тѣло умерщвляти, нѣсть ли всесоуженіе? Умертви тѣло твое и распни (грѣхови), и приимещи и ты мученичества вѣнецъ; еже бо тамо мечъ содѣловаеть, адѣ усердіе творить“. Яко бы рекль: умучь тѣло твое, а будещи Богови жертва, по апостолу: представите тѣлеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови (Римл. XII, 1). Звитязь вся, яже въ мірѣ,—похоть плоти, похоть очесъ, гордость живота (I. Иоан. II, 16) и будещь мученикъ, умертви тѣло свое и поработи е духови, а будещь мученикъ; мертвъ буди грѣху, а станешься мученикъ; язвы Господа своего на тѣлѣ своемъ носи чрезъ умерщвленіе плоти, будещь мученикъ; распни плоть свою со страстьми и похотми, будещь мученикъ. И такъ прославишь въ тѣлѣ своемъ Христа Бога по наученю апостольскому: прославите Бога въ тѣлесахъ вашихъ (I. Кор., IV, 20).

Третью въ Троици Святой персону—Бога Духа Святаго яко прославити маемъ, порадомяся святаго апостола Павла. Святой апостоле Павле, увѣдомъ насъ, що тежъ мы естесмы Духу Святому? Вѣдаемо, же Богу Отцу естехмы дѣти присвоеніемъ: Азь буду вамъ во Отца, и вы Миѣ будете въ сыны и дщери, глаголетъ Господь Вседержитель (II Кор., VI, 18). Вѣдаемъ, же Богу Сыну естесмы члонки—тѣлеса ваша удове Христовы суть (I Кор., VI, 15); а Онъ намъ глава—глава церкви—Христось (I Петр., I, 18—19). Естехмо его рабы, невольники, а рабы купленые; куплени бо есте цѣною. А якою цѣною? Заправдѣ найдорожшою: не тлѣннымъ бо златомъ и серебромъ искупистесь, но честною кровію агнца непорочна и нескверна Христа. А Свя-

тому Духу що? Отповѣдаетъ апостоль: а зась прави не знаете, же естете вы Святому Духу единымъ мѣшкалемъ? Не вѣсте ли, яко тѣлеса ваша храмъ суть живущему въ васъ Святому Духу, его же имате отъ Бога, храмъ Божій есте, и Духъ Божій живеть въ васъ (I Крѣ. VI, 19, XIII, 16; II Крѣ. VI, 16). То естесмо Богу Духу Святому церковью? Такъ есть, вы есте церкви Бога живаго, и гдымъ нашимъ тутешнымъ обычаемъ хто запыталь,—а що за храмъ въ той церкви?—отповидѣти бы: храмъ Духа Святаго,—тѣлеса ваша храмъ есть живушу въ васъ Святому Духу. А хто жъ священникомъ въ той церквѣ? Повѣдаетъ, же священникъ въ той церквѣ—цѣломудріе, и мовить: вси храмъ есмы Божій, освятившу насъ Святому Духу. Того храма церковникъ есть и священникъ есть цѣломудріе, еже ничто же скверно или нечисто внутрь внести попускаеть, да не когда Богъ (въ храмѣ томъ) обитаяи, обрѣтши престоль (свой) оскверненный, опечалится и отидеть (и оставить храмъ пустъ). А такъ цѣломудрію во храмѣ тѣла нашего порожіа. Що жъ то есть цѣломудріе? Цѣломудріе любь ведлугъ святаго Іоанна Лѣствичника есть общее всѣхъ добродѣтелей іменованіе, особливше еднакъ самой чистотѣ прислушаетъ и повинностью альбо служеніемъ своимъ и именемъ; повинностью, же ничтоже скверно или нечисто внутрь храма тѣлеснаго чли,—яснѣй мовячи,—сердечного внести попускаеть; именемъ, же всюды по отческихъ книгахъ самыхъ чистыхъ звычайно цѣломудренними именують иле тыхъ, которіи и тѣло отъ дѣлъ скверныхъ, и душу отъ оскверняющихъ помысловъ пишно ховають. То простѣйшимъ именемъ той тѣлесной церкви священника чистостью зовѣмо. Церковникъ и священникъ того храма чистота есть. Потребенъ священникъ въ церквѣ, бы славиль Бога. Потребна чистость въ тѣлѣ, бысемо тою прославили Духа Святаго, яко того, которій чистоту любить, и тамъ тылько живеть, гдѣ чистость видить. Чистотою убо теды маемъ Бога Духа Святаго прославляти.

Духа Святаго уподобляетъ святий Златоустъ пчелѣ: и якъ пчелы въ сосудѣ скверномъ не вселяются, такъ Святий Духъ въ нечистѣ живущихъ не обитаетъ,—не имать (мовить) Духъ мой пребывати въ чловѣцехъ сихъ заце плоть суть (Быт. VI, 3). Що денне Духа Святаго молимъ: прииди и вселися въ ны! Зъ нимъ бовѣмъ вся благая намъ приходять, а безъ него въ

насъ пустки. Гдѣ сядутъ пчолы, тамъ пѣкне плястро солодко, меду зробять; въ чѣмъ сердцу вселится Духъ Святой, тамъ влетѣть узришь дарованія, яко медвенные соты, а skutки тыхъ дарованій, яко медъ солодкій. Отколь, выйдутъ пчолы, тамъ на ихъ мѣсто свои гнѣздица лѣпятъ осы, шершне ядовитыи; отколь прогнать будетъ Духъ Святой скверными дѣлы, влетѣть тамъ наберется скрупуловъ будучихъ яко бы ось, жалъ грѣховныхъ яко шершневъ. Чистый и опатрный держи улей, бысь привабилъ до него рой пчелный; очисти тѣло и сердце, бысь авабилъ до себе Святаго Духа!

Если то естесмо храмомъ Святому Духу, варуймо жъ, бы влетѣть зъ него не сталь вертець разбойникомъ! Кривда бы то была, гды бы кто господа зъ власного его дому гвалствомъ выпихаялъ въ шю. О, якъ великую кривду чинимъ Духу Святому, гды его зъ власного храма отъ себе выгоняемъ скверными нашими дѣлы! Вмѣсто него впровожаемъ часомъ альбо обжиртаго Вила, альбо сквернаго Дагона, альбо лакомого Моліора. Важиль быся кто яковою спросностью ошпетити домъ царскій, яковою бы за то понесъ кару? Чегосмы годны, гды храмъ царя небеснаго Духа Святаго—тѣло наше, сердце наше оскверняемъ дѣлы любь мыслми спросными?

Спытано разъ святую мученицу Серафиму: гдѣ церковь Бога твоего, ему же кланяешися и приносиши жертву? Отповѣдала святая: азъ, чистоту соблюдая, церковь есмь Бога моего, ему же себе самую приношу въ жертву. Реклъ тирань: то аще чистота отъ тебе отъята будетъ, убо престанеши быти церковію Богу твосму? Отказала мученица словами апостольскими: иже растлить церковь Божию, растлить его Богъ (I Крѣ. X, 17). Проважена потомъ бывши до нераднаго дому, гды до ней присланнии отъ мучителя вшли два вшетечника, а Христова дѣва удалася на молитву до Бога, влетѣть тыи пали на землю мертвы, и которіи хотѣли храмъ Святаго Духа чистую дѣву змазати, тыи влетѣть душею заплатили. Такъ то карани бываютъ за покаляне чистоты тѣла своего, которое есть Духа Святаго церковію! Недармо мовить святой Златоустый: не имаши власти надъ плотію въ похотехъ злыхъ, не въ нихъ же аще Богъ повелить самыхъ. А если не маемъ власти надъ нашимъ тѣломъ, бо тѣло наше уже есть не наше, куплено на церковь Святому

Духу, яко мовить апостоль—нѣсть свои, куплени бо есте (I Кор. VI, 19—20), не важмося его уже такъ далеце присвоивати, же быхсмо его на злыи напи желаніа уживали, не въ нихъ же аще кому Богъ повелить самыхъ.

Не разумѣй, слухачу, абыся тутъ мовило о чистотѣ самыхъ тылько дѣвствующихъ, але о чистотѣ всѣхъ становъ; о всѣхъ бовѣмъ то обще речено: тѣлеса ваша храмъ суть живущему въ васъ Святому Духу. Каждому бовѣмъ такъ супружне живочому свою чистоту, станови своему прислушающую, ховати, а тою Духа Святаго прославляти должень. Хочь то чистота безсупружнихъ вышшой у Бога ваги отъ супружныхъ, однакъ же якъ есть первая хвална, честна, такъ другая потребна: и тая славна, и овая честна; и первая Богу пріятна, и послѣдняя предъ Богомъ нескверна. Мовить апостоль: ина слава солнцу, ина слава лунѣ, ина слава звѣздамъ (I Кор. XV, 41). Хочь ина, а постарему слава, солнцу своя слава, лунѣ своя слава, звѣздамъ своя слава. Святой Исидоръ Пелюсіота разумѣеть то о чистотѣ становъ различныхъ и мовить: уподоблять Павель солнцу тѣхъ, иже дѣвство хранили возлюбивши; лунѣ, иже въ вдовствѣ пребываютъ чистѣ; звѣздамъ же уподобляеть тѣхъ, иже въ честномъ супружествѣ соблюдаютъ ложе свое нескверно. Якъ теды солнцу належитъ быти свѣтлу, и лунѣ свѣтлой, и звѣздамъ нетемнымъ; такъ и дѣвству потреба быти чистому, и вдовству чистому жъ, и малженству чистому, — всѣмъ подобаеть быти чистыми, бы были Духу Святому храмомъ достойнымъ.

Прославивши Бога въ тѣлѣ нашемъ, ведлугъ науки апостольской належа, абы поучитися широчѣ, яко еще маемъ славити въ душѣ нашей, але бымъ ся не наприкриль теперь слухачови моему, далшему то часови (кому дастъ Богъ въ живыхъ быти), альбо благоразумнѣйшимъ казнодѣіомъ оставляется. Теперь тылько въ кротце наменяю то, же душа наша, по образу Бога въ Троици единого созданная, имать трое се: память, разумъ, волю. Иле помнить—есть памятію; иле разумѣеть—есть разумомъ, иле хочеть—есть волею. Три дѣйства, а душа едина и должна въ себѣ прославляти Бога, въ тріехъ лицехъ еущаго, а въ единомъ Божествѣ: памятію славити Бога Отца, мѣючи его завше во умѣ и усмотрячи на него внутрними очима по Давиду—предзрѣхъ Господа моего предъ мною выну, яко

одесную мене есть (Псал. XV, 8); разумомъ славити Бога Сына, иже есть Божія премудрость, слушаючи науки апостольской— блюдите како опасно ходите, не якоже немудри, но якоже премудри; не бывайте несмысленни, но разумѣвающии, что есть воля Божія (Ефес. V, 15—16); волею нашею славимъ Святаго Духа, того хотячи и дѣломъ совершаючи, шо Духу Святому благопріятно, а то не хотячи, откидаючи, шо ся ему подабаться не можетъ и во всемъ согласуючи зъ волею его святою. А якая его воля есть, описавъ апостоль до Солуняновъ: сія есть воля Божія—освященіе ваше хранили себе отъ блѣда или отъ нечистоты и вѣдѣти коемуждо отъ васъ свой сосудъ стяжавати во святѣнѣи и чести, а не во страсти похотѣнѣи, якоже и языци, невѣдущии Бога (I Сол. IV, 3—5). Еще и трема богословскими добродѣтелями святую Троицу Отца, и Сына, и Святаго Духа славити подобаетъ: вѣрою, надеждою, любовію, и трема евангельскаго житія обѣтами: Бога Отца послушаніемъ, повинующися ему якъ чада отцу во всѣхъ его повелѣннѣихъ; Бога Сына нищетою изволною, яко того, который богатъ сый въ милости обнища спасенія нашего ради, да мы нищетою обогатимся; чистотою плоти и духа—Духа Святаго славити. Але то все богомыслннхъ разсужденіе пространнѣи въ себѣ розбирати можетъ, а я не умѣтннй да не продолжу времени, кончу подлюю бесеѣду и печатлѣю ей троичною славою: слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу. Слава Богу Отцу, сѣдящему на престолѣ славы своея! Слава Богу Сыну, преклоншему небеса и сошедшему на землю! Слава Богу Духу Святому, вездѣ сущему и вся исполняющему!

Слава Богу Отцу, создавшему ны! слава Богу Сыну, искупившему ны! слава Богу Духу Святому просвѣтившему и освятившему насъ!

Слава Богу Отцу, упованію нашему! Слава Богу Сыну, прибѣжищу нашему! Слава Богу Духу Святому, покровителю нашему!

Троице святая, Боже нашъ! Слава Тебѣ, Создателю нашему, буди отъ насъ созданія твоего нынѣ и присно на земли, поки о тебѣ есмь, живемъ и движемся, а потымъ и во вѣки вѣкомъ на небеси, его же отъ тебе да сподобимся!

Аминь.

Слово на Святую Троицу.

Въ лѣто 1698. Въ Батуринѣ.
Поклонѣмся Отцу и его Сынови и Свя-
тому Духу, святой Троици.

Ѣ нынѣшній пресвятой, единосущной, животворящей и нераздѣльной Троицы праздникъ, кланяючися и цѣлюючи икону святую, на которой Троица святая, въ тріехъ лицехъ аггельскихъ изображенна, гдѣ вижу Троицу святую не на престолѣ херувимскомъ на небѣ, але у столу Авраамова подъ зеленымъ дубомъ Мамврійскимъ, сѣдящую на земли, и Авраама старушка зъ заматерѣлою во днехъ своихъ Саррою, хижо охочо ко столу увивающихся, Троици святой до столу услугующихъ, трактующихъ: мышлю, (мовячи по человѣку), же теперъ при доброй мысли наипогоднѣйшій мѣемъ часть пріити и поклонитися Отцу, и Сыну, и Святому Духу, слухачу презацный! До неба высоко не кождый и умными богомысленными ногами взыти пострафитъ, а плотяными и цѣле невозможно. До Мамврійскаго зась урочища и до Авраамова намета ближей, бо на земли, если не тѣлесными ногами, то скороходнымъ умою, въ одномъ моментѣ всю вселенную обходячимъ, перегриновати можемъ. На небѣ Богъ зъ духами ангеловъ и душами святыхъ въ хвалѣ неприступной непрестанную боже-ственную мѣеть забаву; а на земли зъ Авраамомъ и Авраамо-вою дружеско подуфалою забавляется розмовою. Тамъ тысяща тысящей и тмы темъ его обстоятъ; а тутъ якъ на безлюдѣ, никого опрочъ семьѣ Авраамовы не видать. Тутъ теды погод-

ный имѣемъ часть поклонитися въ нынѣшній праздникъ Отцу, и Сыну, и Святому Духу, святѣй Троици, у стола Авраамова при учтѣ сѣдячой.

Якъ же поклонимся, альбо рачей чимъ поклонимся? якій подароукъ въ поклонъ положимъ? Не досить бовѣмъ головою предъ паномъ поклонитися, тѣло зъ головою до ногъ панскихъ схплити,—але треба и подарунокъ предъ пана положить; и то-то барзѣй теперъ поклономъ зовется, гды що предъ пана положишь, а нежъ гды голову тылько предъ нимъ схилишь, и барзѣй паны глядятъ на таковой поклонъ, що предъ нимъ положивъ, а нѣжъ якъ поклонився. А и Богъ Троица, ачъ и лакомства въ немъ жадного нѣтъ, любитъ еднакъ, жебы не нищимъ ему кланялися, не зъ голыми руками къ нему люде появлялися; пишеть бо ся въ Писмѣ Святомъ—да не явишися предъ Господемъ тощъ (Сирах. V, 4). Здобудмосяжъ на яковой подароукъ, на поклонъ Троици святой угодный, и на столѣ Авраамовомъ предъ Троицею святою положѣмо!

На небѣ гды честныи, а поважны особы Богу кланяются, кладуть предъ нимъ свои короны, яко видѣлъ Богословъ: падаху двадесять и четыре старцы предъ сѣдящимъ на престолѣ, и кланяхуся живущему во вѣки вѣковъ, и полагаху вѣнцы своя предъ престоломъ, глаголюще: достоинъ еси, Господи, пріяти славу и честь (Апок. IV, 10—11). На таковой мы поклонъ не здобудемся, бо еще коронъ, вѣнцовъ небесной хвалы не мѣемъ; еще насъ небомъ не укоронованно, и Богъ вѣдаетъ, хто того удостоится. Що жъ? Поступимъ земнымъ, а теперешныхъ часовъ обычнымъ трибомъ! Теперешныхъ часовъ гды меншіи старшимъ, подданыи панови кланяются, кладуть предъ него гроши; сребряную, любъ золотую монету, вмѣсто округлыхъ коронъ—круглый великіи червонныи золотыи, зъ которыхъ иншихъ коронатами называютъ. А и Господь Богъ таковыхъ поклоновъ не переноситъ окомъ, бо и вдовичины принялъ и похвалилъ два хоць малыи гроши, двѣ лептѣ. Що жъ гды бы тая вдова положила была пару червонныхъ златыхъ? Яковой бы похвалы отъ поскарбѣхъ церковныхъ была годна? Певне бы беручій то, до скринки рекль: вдовица сія убогая множае вѣхъ вверже. Але и на таковой поклонъ иле съ людей убогихъ не кожного станеть; богатыи скупы, а убо-

гій не имѣеть. Я теда подлый а убогій умыслилемъ Божію помощію, яко духовная (хоць грѣшній) персона, зъ духовной, богатой, не скупой скарбниці три мистичные златники съ той въ Троицу святую вѣры, въ Писмѣ Святомъ выкованные взяти, и Троици святой въ поклонъ отъ тріехъ частій челоуѣка, отъ душѣ, отъ тѣла, отъ духа положити: отъ души—Богу Отцу, отъ тѣла—Богу Сыну, отъ духа—Богу Духу Святому.

Же Письмо Святое вѣры научающее, есть яко аврифодина, бо и якъ самое золото, и паче злата и топазіа, отколь и златоустыми, и златословными, и златоглаголивыми великій учителя вѣры бывали называны. Нехай же намъ будетъ волно зъ того золота златники робити поводомъ Давида рекшаго: благъ мнѣ законъ устъ твоихъ, паче тысящъ злата и серебра (Псал. СХVIII, 72), то есть надъ тысящу монеты золотой и серебряной; простѣ мовячи, слово Божіе, въ Писмѣ Святомъ о Бозѣ челоуѣка увѣряющее и богоугоденія научающее, лѣпшшъ надъ тысящу червонныхъ золотыхъ и надъ тысячу таларій битыхъ—паче тысящъ злата и серебра. Царь то былъ тысящами личилъ; а зъ насъ худыхъ нахолковъ досить, гды трома тылько златниками предъ Господемъ бразнемъ. Напродъ теда иду до шкатулы святого Іеронима, хоць нищаго духомъ и вещью, яко законника, на нищету присягшаго, але въ духовный скарбъ неубогого, яко не послѣднего въ церкви Христовой учителя, до шкатулы его, мовлю, до книги его, въ которой онъ пишетъ то, и жъ старовѣчныхъ вѣковъ имя Божіе въ такомъ отъ людей было пошанованю, же его неволно было на чемъ иномъ писати, тылько на единомъ чистомъ золотѣ, ни на папирѣ, ни на пергаминѣ, ни на дровѣ, ни на камени, ни на мѣдѣ, ни на серебрѣ, токмо на дщицы златой. Атожъ тая дщица будъ намъ златникомъ, на которомъ напишемъ имя Божіе, не попросту, але символице и первой въ Троицѣ святой особѣ въ поклонъ положимъ.

Златники, яко и кожда монета, не бывають голы, але имѣють на себѣ выображенія разныи, любъ особы яковыхъ монарховъ, любъ гербы ихъ, знаки, симболя; и Христось Спаситель негдысь велѣвши показати себѣ златницу кинсонну, спыталъ фарисеовъ: чій образъ сей и написанія? (Было то тамъ яково есть выображенье и писмо). Глаголаше ему: кесаревъ. Тогда

глагола имъ: воздадите убо кесарева кесареви, а Божія Богови (Мѣ. XXII, 20—21).

На первой вѣры нашей златниці кладу я символѣмъ такое: старушокъ Ное держитъ въ рукахъ голубицу зъ сучемъ масличнымъ, а надписаніе даю: „спасеніе міру“. Вопросіте жъ мене побожность ваша словами Христовыми: чій образъ сей и написаніе? А я откажу: образъ се есть ветхаго днѣми Бога Отца; бо отъ него, яко отъ корене масличнаго, масличная вѣтвь Сынъ родится, и Духъ Святой, яко голубь, исходитъ. Мовь же ты, святая слушность: воздадите убо отчая Отцеви! То поклонъ Богу Отцу, а поклонъ той будетъ отъ души нашей.

Але подобно той златникъ трѣхи притемень; не кождый его дозритъ, не кождый разумѣтъ; атожъ я его прошарую и объясняю толкованіемъ.

Златникомъ бо альбо золотомъ называю святую вѣру, не зъ моего домыслу, але съ церковнаго концепту, зъ того мѣспа, горь въ предпразднственныхъ Рождеству Христову гимнахъ о трѣхъ царяхъ, съ трема дарми къ Христу пришедшихъ, перковъ спѣваючи до золота святую вѣру стесуетъ тѣми словесы: „вѣру яко злато, любовь яко смирну, яко ливанъ дѣянія принесемъ Зиждителю“. Вѣру мовитъ яко злато: златомъ есть вѣра. Якъ бовѣмъ золото огнемъ, такъ святая вѣра бѣдами, гоненіями выполорована: яко злато въ горнилѣ искуси ихъ (Премудр. Сол. III, 6). Шаровано тое золото каменіемъ,—каменіемъ побіеніи быша; трено пилами—претрени быша; рѣзано желѣзомъ—убійствомъ меча умроша; пробовано размаите—искусени быша (Евр. XI, 36); то во огонь, то въ воду кладено, гартовано—продохомъ сквозъ огонь и воду. То жъ учинено тое (вѣры святой) золото бысть годное скарбниці небесной;—обрѣте ихъ достойны себѣ, и выобразено на немъ образъ мысленного Ноя, царя небеснаго—Бога, такъ якъ мовитъ апостоль: чадца ими же болѣзную, дондеже вообразится въ васъ Христось (Галат. IV, 19). Вырисовано на томъ златнику вѣры голубицу Духа Святаго, въ сакраментяхъ дѣйствующаго; выражено и сучецъ масличенъ, оливную рожку неотъемлемой благодати Христовы.

За золото дорогіи рѣчи купуются; и за златникъ вѣры чого жъ не купишь? Если бысь мѣль того духовнаго золота вѣры

зтакъ много, яко велико есть зернятко горчичны, купилъ бысь себѣ такову силу, которою могли бысь горы престаляти: аще имате вѣру, яко зерно горушично, речете горѣ сей—двини ся и вернися въ море, будетъ тако (Мтѣ. XXI, 21). Куповали за тое золото продки наши що хотѣли. Схотѣли монархи свѣта сего себѣ згодovati,—вѣрою побѣдиша царствіа; схотѣли въ цнотности урастати и, наверхъ добродѣтели возшедши, праведническаго набыти титулу,—вѣрою содѣяша правду; схотѣли одержати обѣтницы отъ Бога,—вѣрою получиша обѣтованія; схотѣли поскромити срогихъ звѣровъ, львовъ, шардовъ,—вѣрою заградиша уста львомъ; схотѣли быти валечными рыцарями, гонити непріятелей,—вѣрою возмогоша отъ немощи, быша крѣпци въ бранѣхъ, обратина въ бѣгство полкиныхъ чужихъ; схотѣли на остатокъ мертвыхъ зъ гробовъ встающихъ видѣти, и то получили,—вѣрою пріяша отъ воскресенія мертвыя своя (Евр. XI, 33—35). Такъ дорогіи рѣчи куповали золотомъ вѣры.

А яко вѣра святая есть золотомъ, тако и Богъ Тронца, нами вѣруемый, золотомъ же есть; не ижъ бы Божествомъ, которое есть несозданное, невещественное, имѣло въ себѣ созданнаго, вещественнаго золота назову; не якъ Богъ, альбо идолъ Навходоносоровъ, котораго было тѣло золотое, але же чрезъ подобенство золота можется отъ насъ доходити Божества сила. Звыкло бовѣмъ Писмо Святое и учителя створителя счастья створеннымъ речамъ уподобляти, имена створонныхъ рѣчий Божови приписовати, называючи его ово огнемъ, ово солнцемъ, ово моремъ, ово золотомъ и далѣй; нежъ бы Богъ тымъ былъ власнѣ былъ, але жебы человекъ разумный, разсмотрѣнемъ рѣчий створныхъ, якъ по степеняхъ поступаючи, приходиль до познания самого створителя, и чрезъ многія многихъ створенныхъ рѣчий совершенства домышлялся, якое есть въ Бозѣ Создателѣ нескончное совершенство; для чего мовить Давидъ: поучихся во всѣхъ дѣлехъ Твоихъ, въ твореніихъ руку твою поучахся (Псал. CXLII, 5). Зъ творенія,—мовить,—твоего, Боже, научихся знати тебе Бога. Если есть піенкное небо и на небѣ видимое солнце, мѣсяць, звѣзды; о якъ есть піенкнѣйшій той, который піенкными тыи сотворилъ рѣчи! Если есть хороша земля, и на ней весолны проспекта, горы, холми, лѣсы, дубравы, сады, винограды, сіола, цвѣты, нужъ дорогіи рѣчи—сребро, золото,

камня неопанованное, нужь люде пiенкной твори, надобнии подобнии лица ангеломъ, якъ же есть хорошии дорожшии, надобнiйшии той, который все тое создалъ своею силою и премудростию! Такъ чрезъ подобенство створенiя створителя познати учачися, на сей часъ золота подобенства уживаемъ.

Золото въ глыбокихъ, закрытыхъ нiдрехъ земныхъ родится; нескоро его кто найдетъ. А Божество Троици Святой кому жъ открыто? Кто его дойти и вышпирати можетъ? Добръ мовитъ Исаи: воистинну ты еси Богъ сокровенный, Богъ Израилевъ (Ис. XLV, 3). Золото пиллоровное пiенкнымъ блестякомъ блещитъ и нiббы солнечнии въ себi выдаетъ промени. А Божество Святой Троици о якъ пресвiтлыхъ лучъ перзреченнаго слиянiя есть исполнено, на котораго сiянiя малую часточку на Фаворъ оказанную и святыхъ очи не могли взглянути: и быстровзрачный евангельскаго орла, мовлю, святаго Иоанна Богослова варокъ, мусiль тупiти, не терпяше зрiти невидiмага. Золото людей обогащаетъ и божество святой Троици богатства даровъ своихъ наполняетъ весь свiтъ, отколь спiвааетъ Дамаскинъ святыи во антифонахъ: богатитъ бо всякому тварь, тому послужимъ. Золото всемъ любо; о якъ Богъ есть любъ тымъ, который суть праваго сумнiнiя: коль благъ Богъ Израилевъ правымъ сердцемъ! (Псал. LXXII, 1). Зъ одного золота розная дiлается золотая монета: такъ одного Божества три раздiлнии суть персоны,—Отець, и Сынъ, и Святыи Духъ. Кругла есть золотая монета; и божество свою округлость мiетъ, бо конца и початку въ немъ нiсть, якъ въ циркулу; безначальный есть, якъ въ циркулу; безначальный есть Богъ, той же и безконечный.

Реклемъ, же на златнику вiры нашей, Богу Отцу въ даръ привосимомъ, символъзуетъ Отца особа Ноева, голубицу съ сучцемъ масличнымъ держачая; бо обое то, и Сынъ, и Духъ во Отцы, отъ Отца и со Отцемъ есть нераздiлно: Сынъ яко лiторосль масличная, отъ корени масличнаго, то есть оливнаго. А яковъ корень, такова и вiтвь отъ него: яко Отець, таковъ и Сынъ. Масличина альбо олива есть знакомъ премудрости въ пяти мудрыхъ дiвахъ, есть знакомъ милосердiя въ самарянинiхъ, возлившемъ елей на человiка, отъ Иерихонскихъ разбойниковъ збитого, есть знакомъ царства въ помазаню Давидовомъ отъ

Самуила, есть знакомъ радости въ псалмѣ Давидовомъ,—моя-чемъ,—помаза тя, Боже, Богъ твой елеомъ радости (Псал. XLII, 8), есть знакомъ покоя мира въ вѣтвахъ масличныхъ овыхъ, зъ которыми Христа въ брамѣ Иерусалимской спотикано, а спѣвано: осанна, благословенъ грядый (Лк. XIX, 38), миръ на небеси. Богъ Отецъ корень есть всей премудрости, всего милосердіа, всей царственной власти, всего покоя, царь міра, отецъ будущаго вѣка, и всей радости по апостолу: благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Иисуса Христа, утѣшаяя насъ въ всякой скорби нашей (I Крѣ. I, 3—4). Богъ Сынъ, якъ отрасль, изъ корене отъ Отца рожденный, есть едина премудрость по писанному—мы же проповѣдуемъ Христа Божію силу и Божію премудрость (I Крѣ. I, 23—24); есть самое милосердіе,—и милость его отъ рода въ родъ на боящихся его (Псал. CII, 17) есть царь всея твари,—и царствію его не будетъ конца; есть радость наша, который мовить,—принду къ вамъ, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто же возьметъ отъ васъ (Іоан. XVI, 22); есть покой нашъ, по писанному—той есть миръ нашъ, сотворивый обоя едино (Ефес. II, 14). Той сучецъ масличенъ принеслъ голубъ отъ небснаго Ноя, отъ Бога Отца, Духъ Святой, испущенный въ видѣніи голубиномъ, а принесъ до утробы пречистой и благословенной Дѣвы, справивши въ ней воплощеніе Слова: и Слово плоть бысть (Іоан. I, 14). А такъ спасеніе міру бысть, яко и троцарь благовѣщенского праздника твердить, мовячи: днесъ спасенію нашему начатокъ. Уступили отъ земли воды всеродной клятвы, за преступленіе адамово на людскій народъ падшой, въ которой натура наша была затовула; уступилъ потокъ гнѣва Божія и явилася суша, выхненіе болота грѣховнаго клятвеннаго,—клятва потребися.

Таковымъ толкованіемъ той златникъ прошаровавши, кладемъ на столѣ Авраамовомъ, то есть кшалтомъ Авраама вѣрного, о которомъ Писаніе: вѣрова Аврааму Богу и вмѣнися ему въ правду (Римл. IV, 3). И нехай той нашъ поклонъ Богу Отцу будетъ отъ души нашей! Кланятися зась отъ души есть при вѣрѣ оферовати ему душу нашу, яко тому, который даль есть намъ душу божественнымъ и животворящимъ вдохновеніемъ. И не иначе будетъ Богу Отцу поклонъ вѣры нашей пріемный, ено гды при поклонѣ оферовати мемо душу нашу

такъ же, якъ яковѣй дорогѣй златникъ; бо и душа наша стала нынѣ золото Богу, да и дорожшеѣ золота, гды Сына своего единого любимаго отважилъ,—такъ возлюби, яко Сына своего единороднаго далъ есть (Іоан. III, 16). На той дорогой душѣ, якъ на золотой монетѣ, есть образъ Божества, альбовѣмъ по образу Божію созданна, розумомъ и самовластіемъ почтенна и есть якъ единый божокъ, вѣдущій доброе и злое, и по своей волѣ доброе любъ злое чинячій. О томъ то мовится: азъ рѣхъ бози есте, и сынове Вышняго вси (Іс. LXXXI, 16). Изображенъ на той золотой монетѣ, мовлю, въ душѣ людской, образъ Бога Отца въ памяти, Бога Сына—во разумѣ, Бога Духа Святаго въ волѣ. Мѣть тая монета выобразена на себѣ альбо подобенство Ноя. Якъ бовѣмъ Ное въ ковчезѣ, такъ она сѣдитъ въ тѣлѣ, а плывааетъ по морю міра сего великому и пространному; мѣть выобразеніе масличны, гды той подобится, въ обфитости духовныхъ плодовъ, мовячи: азъ же яко маслина плодовита въ дому Божіи (Іс. LI, 10). Мѣть выобразеніе голуба, якожъ и знайдется то на нѣкоторыхъ, мѣсцахъ въ исторіяхъ церковныхъ, же души людскіи (иле людей святыхъ) въ подобіи голубици бѣлой бывали видѣнны, ато для чистаго ихъ сумнѣнія. Тую теды залотую монету, душу нашу, Богу Отцу въ поклонѣ офѣруймо, вѣруючи въ него и любячи его отъ всея души нашея.

По другій златникъ, для другой въ Троици святой персоны, иду до шкатулки облюбеници райской въ Пѣснехъ пѣсней замкненой. Тая захоавшиися велце въ возлюбленномъ своемъ жениху небесномъ Сыну Божомъ, а хотячи его завше предъ умными нашими очима мѣти, малюетъ того особу на таблицы сердца своего, а малюетъ не ляда фарбами, але самымъ златомъ, и отрисовавши напредъ его голову, мовить: глава его—злата глава; отрисовавши руки, и мовить: руцѣ его круглѣ златѣ (Пѣснь пѣсней, V). А я тое золотое рысованіе беру до мистичнаго златника вѣры нашея въ Бога Сына и кладу на немъ символкомъ таковое: Исаакъ несетъ бремя дровъ на раменахъ, надпись—той бремя наше понесе. Вопросѣтежъ мене побожность ваша: чій есть образъ сей и надписаніе? Одповѣмъ: Бога Сына; той бовѣмъ, ставшиися мысленнымъ Исаакомъ, понестъ на себѣ бремя грѣховъ нашихъ. А ты, святая слушности,

повѣждь: воздадѣте убо сыновнѣя сынови, и будетъ поклонъ нашъ Богу Сыну!

Вѣра въ Бога Сына, альбо рачей самъ Богъ Сынъ благо-честно отъ насъ вѣруемый, есть единимъ, хоць невестественнымъ золотомъ. Уважаючи единъ зъ неотеричныхъ выкладачовъ овые выше реченные въ Пѣснехъ пѣсней слова, концептуеть, же то (слова его) самъ Сынъ Божій схотѣлъ быти золотомъ, а то для того: видячи Сынъ Божій иже зъ людей на свѣтѣ мало хто его любить, а золото любятъ вси, такъ, же другій далъ бы око выколоти, альбо душу свою за золото отдадъ бы, то видячи то Сынъ Божій помыслилъ въ себѣ: а тожъ стану я золотомъ азали и мене люде такъ, якъ золото полюбятъ. И ширячи той неотерикъ концептъ свой, приводитъ особу самого Христа, яко бы мовячаго такъ: былемъ (прави) виноградомъ,—азъ есмь лоза, вы же рождіе (Іоан. XV, 5); и якъ лоза виноградная до кола, такъ я до креста былемъ привязанный желѣзными гвоздми; але на мои грона, а грона червонны, на кровавы раны никто не поглянуль. Отколь Августинъ мовить: мнози хоцуть соца-рствовати, но не сострадати. Былемъ рѣкою, призывалемъ—жаждай и да грядеть ко мнѣ и да піеть; а иже піеть отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не возжаждеться во вѣки (Іоан. IV, 14). А хто жъ пришолъ черпати тую воду? Ёдна самаританка пришла была почерпати, и тая, оставивши водоносъ свой, въ градъ отиде.

Виноградъ бѣхъ,—гроздъ нашихъ не бѣ приємлюща.

Рѣка бѣхъ, но водъ нашихъ не бѣ почерплюща.

Былемъ,—мовить,—деревомъ (Христось есть древо животное), распростерлемъ нѣбы вѣтви руки мои,—на крестѣ пречистынъ рупѣ простерлъ, а хто жъ усѣлъ подь тѣнью того древа? Кто подь крестомъ подь страданми любить почивати? Былемъ (мовить) вождомъ, ба и самую дорогою,—Азъ есмь путь грядѣте ко мнѣ (Іоан. XIV, 6), а чи многожъ тыхъ, которіи пошли за мною? Болшь тыхъ, о которыхъ написано въ Евангеліи: мнози оставльше его къ тому не хождухъ съ нимъ.

Древо бѣхъ,—въ нашей сѣни сѣдѣше никто же.

Вождь бѣхъ, всякъ нашимъ путемъ ити не возможе.

Былемъ (мовить) солнцемъ,—азъ есмь свѣтъ міру (Іоан. VIII, 12), приступитѣ ко Мнѣ и просвѣтитесь; ажъ сякій такий въ темный куть: никтоже бо моимъ хотѣлъ освѣщатися свѣтомъ:

всякъ, дѣлаяй злая, ненавидитъ свѣта и не приходитъ къ свѣту, да не обличатся дѣла его.

Былемъ (говоритъ) пастыремъ овцамъ, — азъ есть пастырь добрый, душу мою за овцы полагаю (Іоан. X, 11), а чи много жъ тыхъ овецъ? мало же избранныхъ, а и тыи пошли вrostичь: поражу пастыря, и разыдутся овцы; оставльше его, бѣжаша (Мте. XXVI, 31).

Солнце бѣхъ, монмъ свѣтомъ никтоже сіяше.

Пастырь бѣхъ, по мнѣ ити не всякій хоташе.

Щожь учиню, Господь говоритъ? Вѣдаю, шо учиню: золото теперъ люде по всемъ свѣтѣ любятъ; атожь учинюся золотомъ, абы Мене вси улюбили.

Что сотворю? Злато вѣмъ любезно повсюду.

Да вси мене возлюбятъ, злато нынѣ буду.

И прето глава его—злата глава, руцѣ его круглѣ златѣ.

Тое золото выкупило насъ отъ вѣчной погибели адской: не тлѣннымъ златомъ искупистеся, — говоритъ апостоль, — но честною кровію агнца непорочна и нескверна Христа (I Петр., I, 18—19). Тое золото справило намъ животъ вѣчный, банкетъ въ небѣ: Азъ завѣщаю вамъ, яко же завѣща Отецъ мой царство, да ясте и шете на трапезѣ моей въ царствіи Отца моего (Лк. XXII, 29-30). То золото укороновало и вѣчне укоронуетъ головы наши; вѣнецъ Христосъ—коронать то червонный, — на главѣ его вѣнцы мнози. Выображенъ на томъ златнику образъ Бога Отца, по писанному: сіяніе славы отча, и образъ ипостаси его (Евр. I, 3), такъ выраженъ въ немъ Отецъ же хто его видитъ, Отца видить: видѣвый Мя, видѣ Отца (Іоан. XIV, 9).

Реклемъ, же на златнику вѣры нашей въ Бога Сына симболѣзуетъ божественную его сыновнюю особу Исаакъ, бремя дровъ на раменахъ носяцій. Альбовѣмъ Христосъ, Сынъ Божій, грѣхи наши, яко дрова зобралъ въ бремя, до купы: преступленіе Адамово, яко великое и тяжкое полѣно зъ закланнаго дерева вырубанное; братоубійство Канново, отцеругателство Хамово, балвохвалства, дѣтоубійства, вшечеченства Израелитовъ, — все то дрова, дрова то огня пекелнаго годныи; все то, въ купу собранное, стало тяжкимъ бременемъ, жеся ускаржати мусиль—яко бремя тяжело отяготѣша на мнѣ (Псал. XXXVII, 5), и двигнулъ тое грѣховъ людскихъ бремя на рамена свои, якъ

негда Исаакъ дрова и понеслъ ихъ съ тяжкимъ нашь вложенымъ крестомъ, а понесъ на Голгоѳу, абы тамъ былъ за насъ оффробоу: той грѣхи наша понесе; на тѣлѣ своемъ вознесъ на древо (I Петр., II, 24),—мовить апостоль. А мы того его добродѣйства, волного его за ны страданія, должны есмы не до животнѣ тылько, але и въ безконечныя вѣки, въ благословенной вѣчности быти благодарны; доживотне засъ, на знакъ благодаренія, повинни-смо той златникъ роспомятованя страданія его, а нашего откупіеня предъ нимъ въ поклонъ класи. А будетъ тотъ поклонъ отъ тѣла нашего благопріятный, вдячный Богу Сыну, если зъ тымъ, то есть зъ благодарнымъ роспомятиванемъ Христова страданія, а нашего откупіеня, будемъ тѣла наши умерщвляти и якобы на жертву, пѣбы Авраама Исаака, Богови офферовати и складаючи зъ себе бреми грѣховное истиннымъ поканіемъ, и закалаючи ножемъ страха Божія въ себѣ намѣтности, вожделѣнія грѣховныя, не щадячи, ни жалѣючи себе для Бога, яко и Богъ для насъ не пощадѣлъ Сына своего. То бовѣмъ есть правдивый поклонникъ, который не жалѣеть дарунку класомого въ поклонъ панови; то истинный поклонникъ Богу, который не со скорбѣніемъ, але зъ охотою себе умерщвляеть, оффробиючи Богови, и вся своя отдаючи ему.

Въ сей оказии приточу тутъ единъ съ Писма Святаго дишкурсъ. Двѣ находятся въ Писмѣ Святомъ особы, которые дѣтей своихъ на жертву Богови оффробоу, — Авраамъ и Іефеай, судія Израильскій и вождь воинства Израильскаго: той оффробоу сына, а овъ дочку. Идучи бовѣмъ на войну противъ аммонитовъ, такъ обрекался Богъси: гды (мовить), Господи, даси мнѣ звитязство надъ непріателемъ, а я вернуся здоровъ до дому, то що зъ воротъ дому моего выйдеть противу мене, тое буду тебѣ оффробати: да будетъ се Господеви и вознесу его во всесожженіе (Суд. XI, 31). Гды теда далъ ему Богъ непріателя знести до щенту, а ворочался зъ тріумфомъ до дому своего, вышла ему зъ воротъ на спотканье дочка его одиначка, въ которой велце кохалел, бо не мѣлъ иншаго потомства: се дщи его исхождаше въ срѣтеніе ему съ тимпаны и лики. Тую теда, ачь зъ немалымъ своимъ жалемъ, закололъ на жертву Богови. Тутъ же рѣчь задивленія и ували годна: гды Авраамъ вознесъ на жертву Исаака сына своего и простеръ руку зъ ножемъ на

заколеніе Исааково, Господь Богъ заразъ послалъ ангела своего, который унялъ руку зъ пожемъ Авраамову, мовячи—не возложи руки твоя на отрочища (Быт. XXII, 12), и не далъ заколоти Исаака; а гды Іефѳаей закалалъ дочку свою тому жъ Господу Богу на жертву, не послалъ Богъ ангела и не унялъ руки Іефѳаевы, ни оборонилъ той паненки отъ смерти. Чему жъ то тамъ ангелъ младенца Исаака оборонилъ, а дѣвицы не оборонилъ отъ заколенія? Чи же Іефѳаей хоць былъ человекъ рыцерскій, битый, яко о немъ пишется—бысть мужъ воинъ сплный крѣпостію (Суд. XI, 1), але мѣлъ пригану въ своемъ уроженю, бо былъ ложа непочтиваго, сынъ жены блудницы; Авраамъ—человекъ благородный, уроженя зацного, и прето ангелъ потомка его Исаака, яко зяцпаго роду сына, отъ смерти оборонилъ быся такъ добрыи болшь плодили; а Іефѳаевы дщери не боронить, злаго урожденья не щадить, бы тая панна, доросши лѣтъ, не схотѣла быти якъ ей бабуса, жена блуднице? Але Господь Богъ и непочтиваго ложа потомствомъ не гнушается, ни бридится, яко и въ родѣ Христовомъ зколько такихъ знайдеть. Чи тежь же Исаакъ былъ муцизна, а то женскій полъ, и прето лѣпшій респектъ Божій на муцизну, анѣжъ на женцизну,—муцизни боронить, а женцизни отъ смерти не заступаеть? Але у Господа Бога всеѣхъ душа, якъ и муцизни, такъ и женцизни въ единой суть цѣнѣ и вазѣ; ровно, якъ одну створилъ, такъ и другую; отколы мовить апостолъ: нѣсть мужескъ полъ, ни женскъ (Галат. III, 28); нѣтъ у Бога особлившаго респекту на муцизну, нѣжъ на женцизну,— вси у него равны. Що жъ въ жды за причина? Если мы сами не домыслимся, то скажеть на причину святой Амвросій, мовячій такъ: понеже не единъ баше образъ обою усердіа къ Богу, того ради и не едино защищеніе; же не одинакова заслуга, прето не одинакова и оборона. Якъ же не одинакова заслуга? Родитель Іефѳаей болѣзноваше сердцемъ и плакаше по дщери своей; родитель же Авраамъ не болѣзноваше, ни плакаше; а тожь ясная причина, чему ангелъ Исаака боронилъ, а дщери Іефѳаевы не оборонилъ (Суд. XI, 35). Жалѣлъ Іефѳаей дщери своей, болѣзноваше и плакаше; не жалѣлъ Авраамъ сына, ни болѣзноваше, ни плакаше. Зъ охотою Авраамъ вознесъ Исаака; не зъ охотою, але якъ зъ мусу вознесъ Іефѳаей дщерь, и прето

будь ты, панпчу Исаакъ Авраамовичъ, живъ, а ты, панна Гефѳаевна, умри, понеже не единъ образъ обою усердіа, не едино убо и защищеніе. Тотъ то приѣмный Богу даръ, который бываетъ даванный ему не жалуючи; а тотъ мнѣй приѣмный ему даръ бываетъ, котораго гды хто даючи жалѣть. Такъ тебѣ и нашъ поклонъ, отъ тѣла нашего бываемый Богу Сыну, приѣмный быти разумѣймо, гды щадячи альбо не щадячи себе, жалѣючи альбо не жалѣючи, скорбячи альбо охотно себе ему офѣруемъ, тѣло наше въ стременяжливостю и повстыгненіемъ аффектовъ грѣховныхъ ему яко жертву закалаючи.

По третій златникъ третей въ Троици святой персонѣ Богу Духу Святому належашій, иду до скарбниці царской, до сокровищъ царя Давида, гдѣ межи многими размаитыми дороцѣнными спеціалами царскими вижу голуба зъ серебряными крилами, а зъ золотыми раменми: крилѣ голубинѣ посребреннѣ и междораміа ея въ блещаніи злата (Псал. LXVII, 14). Беру я тое золото до златиника нашего, до вѣры въ Бога Духа Святаго, а кладу на немъ симболюмъ таковое: огонь въ храмѣ свѣдѣнія, на алтарѣ завше палаючиѣ, по прикладу Бога, мовячего до Моисея — огонь на олтарѣ да будетъ выну и не угаснетъ (Левит. XVI, 13); а надъ тымъ огнемъ пишу лемма, надписаніе—въ поученіи моемъ (то есть въ богомыслиности) разгорится огонь. Вопросѣте жъ мене: чій есть образъ сей и надписаніе? А я реку: Бога Духа Святаго, бо той и во видѣніи голубинѣ, и во видѣніи огня сходитъ. Мовь же ты, святая слушности: воздалѣте убо духовная духови! Тутъ же удивляюся напродъ божественной Духа Святаго силѣ: той же а одинъ Святыи Духъ, въ размаитыхъ рѣчій подобіахъ является: разъ въ постатѣ голубинѣй, яко надъ Христомъ Спасителемъ во Іорданѣ крещшимся; повторе въ подобіи огня, яко дня вчорашного въ огненныхъ язъцехъ възшолъ на апостолы; а часомъ въ элементѣ водномъ, яко во оной росѣ, которая на руно зшла Гедеоново, а и вчора на божественной литурги во Евангеліи называно Духа Святаго водою, рѣкою: вѣруяи въ Мя, изъ чрева его потекутъ рѣки воды живы (Іоан. VII, 38). Се же глаголетъ о Дусѣ. А всѣ то рѣчи себѣ суть далекии и велце противнии; огонь не обрѣтается зъ водою, голубъ не чинитъ товариштва зъ огнемъ; одно другому шкодитъ,—гаситъ огня вода, опалаетъ

огнь птицу, — яко жъ въ Духу Святомъ вси тыи рѣчи ся згождяють, яко не вредить одно другаго, — не гасить огня вода, не опаляетъ огнь птицы? Чи то тыи отъ превышше небесъ сходящи рѣчи, не таковой суть силы, якъ земныи? Таковая-то тамъ подобно вода, же и искры огня не гасить, и таковий огнь, же и птичаго піорка не опалить? Але не есть такъ! Овшемъ божественный оный огнь есть таковой мощы и силы, же гды бы доткнулся горъ и скалъ, тыи якъ сухи дрова бы ся загорѣли, — прикасайся горамъ и воздымаются (Псал. СШ, 32). Паль разъ огнь божественный на жертвы святого Илии Пророка и попалилъ не тылько дрова, але и камене, и воду; а воды божественной Святаго Духа гды бы одна капля на цѣлое пекло уканула, певне бы весь геенскій огнь skutечне загасила. Чему жъ въ Духу Святомъ едно другаго, вода огня, а огнь голуба не вреждаеть? Тая а не иная причина, же Духъ Святыи, есть духъ любви, духъ мира, праве самая любовь, самый миръ; а любовь и миръ кого жъ не погодить, не змирить, и далекии и противныи, враждебныи рѣчи въ дружеское соединеніе алучить въ стислую пріязнь и любовь сподить? Проба того въ купинѣ огненной въ Синаи. Гды Господь Богъ умыслилъ въ стислую зайти любовь зъ человѣкомъ, нерозорванное примиреніе и дружество, далъ того знакъ таковий: купина огнемъ горяше и не согараше (Исх. Ш, 2). Былъ въ купинѣ хворостъ, сѣно, тростіе, а огнь, который горы и скалы яко солому палить, той одного зюла въ купинѣ не опалилъ, — такъ ласковѣ, дружеско, пріятельско зъ купиною ся обходилъ: купина горяше и не согараше; бо предначалъ Вожию любовь и миръ съ человѣкомъ, же Божество съ человѣчествомъ, якъ огнь зъ соломою и сѣномъ купиннымъ случившися, не опалить человѣчества, а ни человѣчество опалится отъ Божества. Тожъ власнѣ и въ Духу Святомъ дѣется: ижъ Духъ Святыи есть Духъ любви и мира, прето такъ помирилъ, погодилъ и зедночилъ противнии себѣ рѣчи, же огня вода не гасить, ни огнь воды высушаеть, ни птичина пюра опаляетъ. А мы оттоль учѣмся любви и мира зъ ближнимъ нашимъ; гды бовѣмъ будемъ любезны и мирны, теды всякии неснаски погодимъ. До того уважаючи въ Духу Святомъ, же голубъ огнемъ не опаляется, познаваемо, ижъ чистота и огня не боится; голубъ бовѣмъ есть чистоты символемъ,

Проба того въ печи вавилонстѣй: трієхъ чистыхъ отроковъ не вредилъ есть огонь. Еще вопрошаю, чему то Духъ Святый на Христа Спасителя взшолъ въ постатѣ голубиной, а на апостоловъ не въ голубиной, але въ постатѣ огня? И чему также не взшолъ на Христа Спасителя въ огнѣ, яко на апостоловъ? Поки кто яковый концептъ вымыслить, я иду по причину до канона. Спѣваются въ единомъ ирмосу слова, а власне до апостоловъ,—таковыи: *избавленіе и очищеніе грѣховъ огнедуховенную пріимѣте росу, о чада свѣтообразная!* И если то апостолы потребовали избавленія грѣховъ и очищенія, то въ нихъ еще было терніе грѣховное; треба tedy было Духу Святому на нихъ взыти въ огнѣ, абы тое терніе выпалилъ, не просто въ огнѣ, але и въ росѣ, яко спѣвается: *огнедуховенную пріимѣте духа росу!* И огонь, и роса! Огонь, бы терніе грѣховное *выпалилъ*, роса, абы и *попелъ той змыла*. На *вочеловѣченнаго* зъ насъ Сына Божія не треба было тернопалительнаго огня и чистителной росы, бо безгрѣшенъ, нѣчего было въ немъ палити и чистити,—очищенія яко Богъ не требуай, и прето взшолъ на него Духъ Святый не въ огнѣ, але въ подобіи чистой птицы голубя, на знакъ чистости и безгрѣшія Христова.

Знову: апостолы свитыи, хоць имѣли любовь къ Богу, но еще не совершенную, яко человекы, и прето треба было на нихъ взыти Духу Святому въ огнѣ, абы распалилъ ихъ сердца въ совершенную любовь Божію. Не треба было таковаго огня на Христа Спасителя, бо Огъ не гды не былъ безъ любви, безъ Духа Святаго, который, будучи самою любовію, межъ Отцемъ и Сыномъ посредствуетъ, и Отца зъ Сыномъ вязетъ звязкомъ нераздѣльнымъ.

По третє: потребовали апостоли просвѣщенія, бо еще были якъ бы во тмѣ, не въ совершенномъ вѣдѣніи о Троицы святой; а просвѣщеніе звычайне отъ огня бываетъ; во огнѣ tedy взшолъ на нихъ Духъ Святый, абы ихъ просвѣтилъ. А Христу Спасителю не треба было жаднаго просвѣщенія, бо онъ самъ былъ (хоць въ тѣлѣ людекомъ) свѣтъ, достаточне знающій Отца—ни Отца кто знаетъ, токмо Сыпъ (Мате. XI, 27), и прето не въ огнѣ на него взшолъ Духъ Святый.

Але давши тому покой, мовлю сіє, же вѣра наша въ Святаго Духа повинна быти яко междораміа голубивныи въ бле-

щанин злата. Рамена спояють двое криль. Вѣра наша повинна спояти двое криль: любовь къ Богу и къ ближнему. Не можетъ птица о единомъ крилѣ летати, ни вѣра единымъ криломъ любви залетити до неба. Крила обоя посребренни суть тымъ серебромъ, которое залѣзаетъ той же Давидъ, мовячи: словеса Господня — словеса чиста, серебро раждеженно (Псал. XVII, 31). Наука божественная, боголюбия и друголюбия поучающая, есть то чистое серебро, а серебро раждеженное горливостью къ Богу и къ ближнему, тыи обѣ крила посребренни, мовлю любовь Божию и любовь ближнего, яко рамена вкупу, бы една не была безъ другой—спояеть Духъ Святыи, будучи самая любовь Бога Отца и Бога Сына и изливающаяся якъ растопленный серебряный альбо золотый крушець къ человѣческому роду, по писанному — любви Божия разліяся въ сердцахъ вашихъ Духомъ Святымъ, даннымъ вамъ (Римл. V, 5). А рамена тыи голубини, два крила, мовлю, двойственную любовь спояючи, суть позолочены,—и междорамія ея въ блещанин злата,—показуючи то, же якъ злато кождую рѣчь здобити, такъ любовь тая есть, наиздобнѣйшая, наисцѣльнѣйшая, наихвалебнѣйшая, которая и къ Богу и къ ближнему мѣется, и яко бы обое то вкупу злотовуетъ. Такъ Духа Святаго золотомъ утитоловавши, до изображеннаго на томъ златнику симболюмъ, до огня на олтарѣ палающаго, приступѣмо.

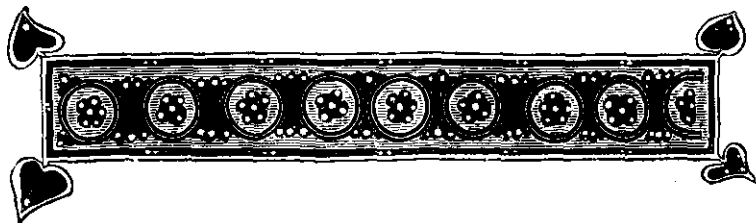
Двойкии былъ огонь въ храмѣ Божомъ въ ветхозаконной скинии, отъ Моисеа споряженной. Единъ огонь внутрь на олтару, а той былъ оный огонь, которы на початку зшолъ зъ неба на сожженіе жертвъ отъ Ааропа принесенныхъ. И было зъ росказаня Божого пилное того огня догляданье, абы не згаснул нѣгды, але уставичне, въ день и въ ночи, абы горѣлъ, того пилновали священники до огня онога приставленныи, а заживано его до самыхъ тылько паленія жертвъ и всесожженій, а на пиши яковыи потребы неволно было его заживати подъ горломъ. Другии былъ огонь предъ дверми храма свѣдѣнія, не зъ неба зшедшии, але земный, посполиты, и звано его огонь чуждый, котораго неволно было ужити до жертвъ, Богови приносимыхъ, а нѣ внести его внутрь храма; и гды два сыны Аароновы, Надавъ и Авіудъ, того огня чуждаго, посполитого, вложивши въ свои кадилницы, важилися внести внутрь до

храма Господня, внетъ изышолъ огнь отъ Господа и спалилъ ихъ въ пепель.

Огнь любви нашей повиненъ завше палати къ Богу въ сердцу. Подгнѣта огня того уставичная богомыслности: въ поученіи моемъ (то есть въ богомыслности) разгорится огнь. Чуждый огнь то есть мірскій и грѣховный, да не вносится внутрь сердца, подъ горломъ, то есть подъ вѣчною смертію, жебы огнь пекелный не палилъ на вѣки. Отъ духа нашего поклонъ Святому Духу, духомъ горяще, Господеву работающе, духомъ правымъ, обновленнымъ во утробѣ, духомъ умиленія. Свидѣтель ми есть Богъ, ему же служу духомъ моимъ. (Римл. I, 9).

Аминь.

Слово въ недѣлю 27-ю о женѣ сляченной.

Лука 13, зачало 71.

Тось естемъ въ богоспасаемомъ семъ вашомъ градѣ, слышателю мой возлюбленный. А гость тогда влячентъ, если зъ гостинцомъ. Не безъ гостинца теды и мнѣ явится предъ общность вашу подобаетъ. Якъ же духовная естемъ особа, прето духовный приношу и гостинець, а гостинець—Божіе слово, бранными моиими устами проповѣдуемое. Тое назвиско „гостинець“ двоякую рѣчь значить, разъ значить даръ, подарку отъ гостя приносимый; повторѣ гостинець значить дорогу битую, шляхъ. Слово Божіе обоими тыми есть рѣчами: подаркомъ и дорогою. Есть подаркомъ, а ще надъ злото и дорогое каменье, ведлугъ Давида: возлюбихъ заповѣди твоя паче злата и топазія (Пс. СХVІІІ, 127). Топазіи есть то дорогій камень, але и злото не дешево, а Давидъ святой надъ злото и надъ топазіи дорожкой Божіе слово шацуетъ: паче злата и топазія. Есть слово Божіе и дорогою: путь,—мовить,—заповѣдей твоихъ текохъ (Псал. СХVІІІ, 32). Во якъ дорога до города, такъ слово Божіе до царства небеснаго ведутъ якъ за руку. Битая то дорога, убили еи такъ многіи святыи трудами своими, убили еи и такъ многіи грѣшники и грѣшницы въ истинное покаяніе пришедшии и дошедшии небеснаго царьства. Той теды дая мой гостинець слово Божіе, изъ исторіи нынѣшней евангельской, якъ зъ дороги уторованной гостинець, бо давнимъ а нынѣшнихъ вѣковъ незаживаемымъ стилемъ, стилемъ древнихъ отецъ святыхъ, стилемъ гомиластичнымъ проповѣдъ

мою предложить милостямъ вашимъ умыслилемъ, Господу поспѣшествующу и слово утверждающе; а милость ваша извольте внимательнымъ, а не тескливымъ слуханіемъ вдячиѣ пріимовати.

Евангеліе: во время оно бѣ Іисусъ уча въ единомъ отъ сонмищъ въ субботы и проч.

Во время оно: въ которое время? Въ то, гды Господь нашъ, учувши вѣсть страшную о галилеянахъ же ихъ кровь Пилать смѣсилъ со жертвами, а зъ okazji той вѣсти напоминалъ грѣшниковъ до покуты грозячи: аще не покается вси такожде погибнете, и вспомнѣлъ столпъ сілоамскій, на осмьнадцати человекѣвъ упавшій; приточилъ тежъ и притчу о неплодной смковницѣ, на посѣченіе всказанной; въ тое время и жену, отъ лѣтъ осмьнадцати сляченную, то есть скорченную и до землѣ приклоненную; особого грѣшника до земныхъ пристрастій нахиленного образующую, исцѣляетъ, абы тымъ самымъ грѣшниковъ, въ злостѣхъ застарѣлыхъ, повабилъ до поветаня и покуты.

Во время оно, то есть въ день святочный, суботный, гды жидовство до зборищася своего зебрало, а Христось Господь тамже вшедшій святую свою науку ширилъ, жена скорчоная надвинулася ему предъ очи.

Немогушая восклонитися отнюдь. Хороба застарѣлая чрезъ осмьнадесять лѣтъ не могла жадною мѣрою быти улѣчоная. Не могушая отнюдь, — що было яснимъ показаніемъ того, же кто въ яковомъ грѣху узвѣчается, и пойдетъ въ налогъ, той не скоро злого своего обычая перестати и до правдивой покуты пріити можетъ.

Узвычай оныхъ въ балвохвалствѣ и нечистотахъ жидовъ святыи пророкъ Іереміа строфуючи, прировниваетъ ихъ до черного мурина и до пестрого рыся: якъ, — мовить, — муринъ черный бѣлымъ быти не можетъ, а не рысь шерсть свою отмѣнить, такъ зъ васъ, застарѣлыхъ въ вашихъ злостяхъ, добра не сподѣватися: аще можетъ Еѳіоплянинъ пременити кожу свою, или рысь пестроты своя, (тогда) и вы можете благотворити понеже научитесь злу (Іерем. XIII, 23). Жесте аздавна научилися злого, прето зъ васъ неподѣватися поправы, якъ зъ еѳіопа—ангела, а зъ рыся—агнца; бо зъ грѣха, часто повторяемаго, родится налогъ, зъ налогу родится нужда, якъ бы

самая натуральная и сильная потреба грѣшнѣти, безъ чего и жить невозможно; зѣ тоей таковой нужды родится невозможность отнѣтися грѣхови, немогущая возсклонитися отнюдь; зѣ невозможности родится отчаяніе, зѣ отчаянія—вѣчная погибель. Зѣ таковыхъ такъ великихъ и страшныхъ лабиринтовъ застарѣлому въ грѣхахъ грѣшникови выблудитися о якъ трудно! не мовлю—невозможно. Отъ, маемъ такъ много прикладовъ покаянія: блудницу, разбойника и иныхъ, але мовлю, же трудно, нелатво. Налогъ грѣховный есть то тяжкая неволя, яко апостоль мовить: не еже хочу сіе творю, но и еже не хочу сіе содѣваю, не азъ, но живый во мнѣ грѣхъ (Римл VII, 16—17), то есть усвѣчаюпый и якобы домою во мнѣ мѣшкаючій грѣхъ. Налогъ есть то темница мрачная, есть ланцухомъ и оковами: и якъ не латво кому зѣ тяжкой неволѣ, зѣ темницы, зѣ оковы выйти и утекти на волю, такъ грѣшникови зѣ налоговъ грѣховныхъ выплутатися трудно. И тако значать нынѣшныи евангельскіи о жепѣ сляченной слова: не можаше возсклонитися отнюдь. Але гды бы таковой (якося мовить) грѣшникъ, зломавши тые тяжкіе налога своего оковы, ярмо тоей неволѣ зѣ шпѣ зкинувши, разомъ восклонився отъ своего давнаго до грѣху наклоненья, разомъ роскоши грѣховныи покинулъ, а цѣле правдиве отъ всей души и сердца навернулся до святой истинной покуты, и уже болшъ не ворочался до прежднихъ грѣховъ своихъ, якъ хтось въ калѣ тинный,—о такомъ человѣку, що бысмо разумѣли? Яко и у Бога былъ бы ласки годенъ, зайсте не пинной тылькы такой жѣ, якои и самы великіи святыи. А же то певно, внетъ обачимъ.

Видѣвъ Господь Иисусъ, пригласи и рече ей: жено, отпущенна еси отъ недуга твоего. Видѣвъ Господь Иисусъ: то, зная, была предъ очима Христу Спасителю, и хоць адалека стояла, адалека, бо ажъ ю голосно возвати было треба—, и пригласи“; стояла еднакъ такъ, якъ бы латво могли ей увидѣти Христовы тѣлесныи очи, ачъ божественніи и всюды ей видѣли. Тутъ наука, ежели хочемъ, жебы на насъ милосердными очима литостиве поглядалъ Господь нашъ и улечилъ душевное наше скорченье, мѣемъ сами наражатися ему на очи, преходити предъ его очи, стояти завше предъ его очима, абы насъ видѣлъ; иначей гды гдѣсь далеко за очима Его будемъ; якожъ насъ ви-

дѣти будетъ? А затѣмъ, якожь надъ нами улѣтуется, невидячи мязеріи нашей? Але речешь: Богъ есть всевидящій, яко мовить Давидъ — стезю и потаенную мою ты еси изслѣдовалъ и вся пути моя провидѣлъ еси (Псал. СXXXVIII, 3); а на що жъ намъ самимъ наражатися предъ очи Божіи, гдѣ насъ Богъ всюду видитъ? Отвѣтую: Господь Богъ двоякого есть взроку барзо быстрого и барзо тупаго. Быстрого есть взроку ведлугъ всемогущества и всевѣдчества своего: бысь зайшолъ въ край свѣта, бысься замкнулъ межи нашрубшіи стѣны въ найтемнѣйшихъ коморахъ, бысься скрылъ въ наиглыбшіи вертепы, люхи, бы и подъ самую землю, всюды ты всевидящее око Божіе доизритъ. Такъ мовить Сирахъ: очи Господни тмами свѣтлѣйшии (паче) солнца еста, прозирающіи вся пути человѣческія и смотряющіи въ тайныхъ мѣстѣхъ (Сирах. XXIII, 27—28). О вшемъ нимъ человѣкъ що учинить, альбо еще не замыслить учинити, а уже то Богъ вѣдаетъ, видитъ; прежде даже не содѣлано будетъ все увѣдано Ему; несодѣланное мое видѣста очи твои (Псал. СXXXVIII, 16). То взрокъ быстрый Божій. Бываетъ тежь часу своего Господь Богъ яко бы и тупого барзо взроку, звычайно: обезнахъся съ кимъ походить зъ огляданьяся, зъ конверзаціи, а невиданье—готовое незнанье. Оdezвалися нѣкоторые особы до Господа: Господи, не во твое ли имя пророчествовахомъ, не твоимъ ли именемъ бѣсы изгнахомъ? А Господь имъ що? Не вѣмъ васъ, не знаю васъ; не знаетъ, то певне не видалъ ихъ. Естли бы видѣлъ коли ихъ, зналъ бы ихъ залевне. Твердятъ вправдѣ оны: ядохомъ предъ тобою и пихомъ и на стогнахъ нашихъ (то есть на улицахъ нашихъ ты) училъ еси. Онъ же рече: глаглю вамъ, не вѣмъ васъ, откуда есте, отступите отъ мене (Лк. XIII, 26—27). Уважайможъ тутъ тупый взрокъ Господень: ядохомъ, — мовять, — и пихомъ предъ тобою, предъ твоима очима. А Оцъ ихъ не видѣлъ и не знаетъ. Щожъ то есть, же всевѣдущій и всевидящій тыхъ особъ не знаетъ, не видитъ? Пытаймося толкователей: не вѣсть свѣтъ тмы, си есть не зрить тму; ащебо бы свѣтъ призрилъ на тму, тма не была бы тмою, но просвѣтилабысь отъ свѣта. Темности грѣховной были полныи тыи особы. и прето хоць тѣломъ тутъ же были предъ очима Христовыми, але сердце ихъ по мраченное, умъ ихъ потемненный далеко отстоялъ отъ Христа;

прето Христось не видѣль, не глядѣль на нихъ милосердными, прелюбезными, человѣколюбивыми своими очима, и прето ихъ не знаетъ, яко невидаль ихъ: вѣсть, позна Господь сущія его (II Тим., II, 19), мовить Апостоль; тыхъ только Господь знаетъ, которыи его суть, а которыи чужїи, тыхъ не знаетъ: не вѣмъ васъ, откуда есте. Кто жъ его есть, а кто чужїй? За-навне той его, кто близко него, а кто далеко отъ него, чужїй то, не его то, згибельникъ то: удаляющїися (мовить) отъ тебе погибнуть. Тыхъ только Господь, человѣколюбивыми зрить очима, которыи приближаются ему сердцемъ, а далеко отстоящимъ, зъ блуднымъ сыномъ удаляющихся на страну далече, хоць и видитъ всевидящимъ окомъ грѣхн ихъ, человѣколюбивыми еднакъ и милосердными очима на нихъ не поглянетъ и якобы не дозритъ. Правды тоей доведи намъ ты, святой Давиде! Давидъ оиисуочи Господа Бога, якъ ея ставить своимъ близкимъ угодникомъ, праведникомъ, а якъ ставится далекимъ, — мовлю, — грѣшникомъ, повѣдаеть, же на праведныхъ глядитъ мле своими очима, а ко грѣшникомъ оборочаетъ лицемъ безъ очей: очи Господни на праведныя, и уши его въ молитву ихъ, лице же Господне на творящая злая, же потреби отъ земля память ихъ (Псал. XXXIII, 16—17). Смотри на кого человѣколюбивии Господни глядятъ очи? На праведныя. А гды до грѣшниковъ, а грѣшниковъ не кающихся, лице свое, а лице строгое, грѣшниковъ потребляющее, оборочаетъ, ажъ Давидъ о очахъ ни замѣкнуль, якъ бы лице безъ очей: справедливость очи завязаныи маючая, не респектуючая, не милосердствующая, срогая. А тожь доводъ тупого взроку милосердныхъ очей Христовыхъ, же близкихъ тылько, — мовлю, — праведныхъ тылько, видитъ, а далекихъ, — мовлю, — грѣшниковъ, не видитъ; бо хоць поворочаетъ лице свое къ нимъ на ихъ же горшее, еже потребити, то лице тое безъ очей, то есть безъ литости, безъ милосердія, безъ респекту, безъ человѣколюбїя. Зачимъ конечно намъ самимъ треба наражатися, то есть приближатися къ Богу, абы насъ видѣль человѣколюбивыми своими очима: приближьтесе (мовить) Богу, и приблизитесе вамъ. И хоць естесмы — темность для множества грѣховъ нашихъ, гды еднакъ ему, свѣту, зближимся, свѣтлый образъ будемъ: приступѣте къ нему и просвѣтѣтся (Псал. XXXIII, 6).

Якожь къ нему зближатися? Якъ предъ челоуѣколюбныи очи приходити? Не тѣлесными ногами, але покааннымъ сердцемъ, умилненнымъ духомъ, а богомыслнымъ умомъ, то есть: мѣнно его завше предъ умными очима нашими, а себе умомъ нашимъ представляймо всевидящему и челоуѣколюбивому его оку; прикладомъ святого Иліи пророка: той перемовляючися зъ царемъ Израильскимъ Ахавомъ, мовить тые слова: живъ Господь Богъ Израилевъ, иже предстою предъ нимъ (III Цар., XVII, 1). Тожъ и зъ старшимъ царскимъ слугою Авдіемъ бесѣдуючи мовить: живъ Господь силъ, ему же предстою предъ нимъ. Рекъ бы кто: святой пророче Іліе, що жъ ты мовишь? осмотрися: гдѣ естеть? Вшакъ то ты стоишь не на небѣ, на земли, не предъ маестатомъ Божиимъ, але предъ маестатомъ царя Израильскаго Ахава; а пророкъ що? Стою,—мовить,—предъ Богомъ; живъ Господь, ему же предстою предъ нимъ: то есть: любь тѣломъ есмь на земли, предстою лицу царя земного,—але умъ мой, мысль моя, сердце мое самому на небесѣхъ еущему, на херувимскихъ престолѣхъ почивающему, предстоить Богу. О уме богомыслный, о сердце боголюбивое, о мысли высокая, которая и въ конверсаціи людской, и въ оказіяхъ публичныхъ, и на пядь отъ Бога не отстуетъ, тужъ ему предстоить! Тутъ зъ сей оказіи вспомню единъ духовный прикладъ: достойнаго преподобнаго Стефана, прозвискомъ Саванты, на пуци зебралося разъ чи мало братіи на духовную бесѣду и проч.; такъ во умѣ мыслячи и мовячи, же стою предъ Богомъ, предъ его всевидящими очима, и негодитмися ничого чинити альбо мовити злого, еже божеской притомности немилаго. Нищо такъ skutечне не можетъ погамовати челоуѣка отъ злыхъ дѣлъ, яко памятованіе уставичное притомности Божеской, умное Богови предстояніе; яко и противнымъ способомъ, нищо такъ не отпускаетъ челоуѣка на всѣ зброднѣ, яко непамятанья притомности Божеской. Умное Богови предстоянне, притомность божеская, есть то рука Божія мощная, держачая челоуѣка, бы не упалъ,—предзрѣхъ (мовить Давидъ) Господа моего предо мною выну даяя не подвижу (Псал. XV, 8). А яко хто самопыхомъ своимъ упоромъ зъ рукъ Божіихъ ся вырветъ, мовлю — притомности Божой запомясть, тотъ такъ далече падаеть, же заледво коли можетъ повстати,—падоша вси дѣлающіи беззаконіе,

изринувени быша и не возмогутъ стати. Образованье того—жельзъ Моисеовъ: стоитъ разъ святой Моисей пророкъ предъ Богомъ; пытается его Богъ: Моисею, що ты держишь въ руцѣ твоей? Рече къ нему Господь: что есть въ руцѣ твоей? Жельзъ, Господи, Моисей отказуетъ, посохъ. И рече къ нему Господь: поверзи его на землю, и верже (Моисей жельзъ свой) на землю и бысть (жельзъ) змій, и отбѣже Моисей отъ него (Исх. IV, 2—4). Стой, Моисею, не втѣкай въ шакъ! То посохъ твой, жельзъ твой. Ой пѣ, — мовить, — поки въ моихъ былъ рукахъ, былъ посохъ, жельзъ; а яко выпалъ зъ рукъ, ажъ онъ не посохъ, не подпора, але гадина ядовитая, бысть жельзъ змій, и бы ни укусылъ, утѣкати отъ него треба. Такъ то человекъ грѣшный, поки умомъ предстоить Богови, поки яко руки придержитъ при томности Божой, поты онъ жельзъ, а жельзъ прозябати и плодоносити могучій, а яко въ рукъ Божиихъ, съ помненья при томности Божой выпадаетъ, ажъ онъ вчетъ змій, обычай въ немъ змиинъ, ядъ змиинъ; утѣкати отъ конверсаціи его треба, бы не заразилъ своимъ ядомъ, бо со строптивымъ развратнишися. А при томность Божія и изъ зміа доброго человека учинить. Ну сно, Моисею, не бойся того зміа,—мовить Господь,—простри руку, и ими и за хвостъ! И простре Моисей руку, и ять его, и бысть (змій) паки жельзомъ въ руцѣ его. И змій, яко сядосталь до рукъ Моисеовыхъ, ажъ тымъ же сталъ посохомъ: и змиопривный человекъ, якося достанетъ руцѣ при томности Божой, вчетъ змиинъ нравъ и ядъ стратитъ, и добронравія праведническаго набудеть.

Въ при томности Божіей жити есть то въ самомъ Бозѣ жити. А жлючій въ Бозѣ, притворяется, не яко зъ человека въ Бога, и прислушаетъ таковымъ реченіе Давидово: Азъ рѣхъ бози есте (Псал. LXXXI, 6). Богъ названъ есть огнемъ въ Писаніи Святомъ: Богъ нашъ огонь; а грѣшникъ ожесточенный що есть? Единный камень альбо желѣзо, тяжкосердый, каменно-сердечный. Огонь зъ природы горячъ, камень и желѣзо зъ природы холодни, земны. Вложи камень любъ желѣзо до огня, тотчас увидишь, же и камень и желѣзо природной изъ своей земности позбывши, огненны набываютъ силы, горячости, и самы притворяются въ огонь, червонѣютъ огнемъ, якъ жаристый уголь. Выимижъ зъ огня камень, выими желѣзо, откинь отъ огня да-

леко, не за долгую годину, ажъ оны огненную силу тратять, а до своей природной ворочаются зимности, ажъ шо были якъ жаристое уголье, стали знову какъ людъ холодни. Влѣпи умъ свой, человѣче, въ притомного тебѣ Бога, примѣнися нѣяко въ Бога, розжерихся пламенемъ любви божественной, побудешь и отзвычашся озяблости грѣховной, а зостанешь еднимъ пламенистымъ серафимомъ. А яко отъ Бога ся одорвешь, отъ притомности его умомъ твоимъ удалышся, ажъ ты знову остынешь и зъ пломенистого серафима единымъ людомъ зостанешь. Притомности теды Божой не отступно придержатися каждому, яко самъ себѣ, ражу. Притомности Божой придержатися, то есть: умомъ своимъ богомыслнымъ завше представляти Богови себе и все житіе свое, всѣ дѣла свои и слова, и мысли, мовячи въ себѣ: Богови предстою, лице Божіе притомно мнѣ есть, очи Божіи на меня полно смотрять; не годитмися, ни пристонть предъ очима Божіими, полно на мене глядячими, дѣлати что злого, альбо мовити шо шпетного, альбо помыслити шо непристойное: живъ Господь, ему же предстою. А хто такъ себе умомъ Богови представляетъ, къ нему приближается запевне, не похибно призреть на него Господь милосерднымъ человѣколюбнымъ своимъ очима, призреть литостиве, яко возрѣлъ на нынѣшнюю евангельскую жену; призреть и пригласитъ къ себѣ, призоветъ въ оправданіе и святиню, улѣчивши душевную немощь. Лицемѣре. А шо то зась его мосцѣ, панъ старшій жидовского збору? Обачмо его! Святый Златоустый и святый Кирилль въ томъ старѣйшинѣ собора жидовского постерегають зависть, же то подъ покривкою законохранительства зъ зависти одезвался зъ гиѣвомъ, ганячи чудъ, въ шабатъ учиненный, и уймуючи предъ всѣми добрую Христову славу. Такъ святый Златоустъ мовить: „добрѣ рече къ нему Христось: лицемѣре; ибо (той старѣйшина) лице имѣяше законохранителя, умъ же его бѣ коваренъ и завидяй. Не о томъ бо смущается, яко не хранится субота, но о томъ яко прославляется Христось: не суботу ему шло, ишло ему о чужую добрую славу, яко прославляется Христось“. А святый Кирилль такъ мовить: „неблагодарнаго собора старѣйшина, яко узрѣ жену, абіе единѣмъ прикосновеніемъ Христовымъ простершуюся и Божіа прославляющую величія, возжесе, завистію

о славу Христовой и поношаетъ чудеси (Господню), аки бы о суботѣ попеченіе имѣти мняйся“. Глупче ведвоинасовъ, безумне и несмысленне! А щожъ за кривда дѣется суботѣ, же въ суботу бывають Божіи чуда, и прославляется Богъ. Где бысь былъ благодарень, а уклонившися низко чудотворцу Господу подяковаль за то, же таковымъ чудомъ увелбилъ суботу и ушановаль твое соборище; але зависть не вѣсть полезное предпочитати.

Вспомнемъ тутъ и другій чудъ Христовъ въ суботу учиненный, а отъ святаго Матѳеа описанный. Человѣкъ, имый суху руку, приступи въ день суботный ко Господу въ сонмищи жидовскомъ. И глагола Господь человѣку тому: прости руку твою! И простре, и утвердися пѣла, яко другая. (Мтѳ. XII, 10, 13). Щожъ затымъ? Фарисее же, изшедше, совѣтъ сотвориша нань, како да его погубять. Надъ тою точкою евангелского тексту вижу духомъ Златоустого святаго сѣдячого, замыслившогося и удивляючогося, пытаю: архіерею Божій, учителю церковный, а глумачу Писма Святого поважный! Скажи намъ, чому то ты такъ далеце удивляешься,—чи чудови Христовому, чи злости фарисейской? Есть въ правдѣ обоимъ тымъ рѣчамъ чого удивлятися: есть чого удивлятися чудесной силѣ Христовой, словомъ хоробы улѣчаючой,—дивна дѣла твоя, Господи! Есть чого дивитися и злости фарисейской, же доброму невинному человѣкови, ничого имъ злого не учинившому, о вшемъ много благодѣтельствовавшему, смерть кують,—совѣтъ сотвориша, како да его погубять (Мтѳ. XII, 14). А Златоустъ святой отказуеть: не тымъ я удивляюся рѣчамъ, вѣдаю бовѣмъ всемогущество Христово, вѣдаю адавна и злость жидовскую, пророки набившую; чему яль удивляюся? Тому: вшоль разъ Христось до церкви Іерусалимской видить,—ано тамъ торгъ, чи ярмаркъ, обрѣте въ церквѣ продающія овца, и вола, и голоби, и пѣняжники сѣдящія, що то гроши мѣняють; возьметъ бичъ тнеть одного и другого позашейку, по плечемъ; всѣ вростичь, одинъ другого попыхаючи; досталося тамъ не одному и фарисею, и саддукей тамъ набрался пуду, и шкоды стало не мало, торжникомъ разсыпа пѣнязѣ (Мтѳ. XXI, 12). Що за то Христови? Певне, фарисеи зъ саддукеами збунтовалися на него, а пѣняжники шкоды своей доходити хочуть бы намнѣй? Всѣ

мовчать, якъ по уху; немашь абы хто и полсловца мовилъ, всѣ—всѣ то знесли терпливе, тылько запытали: кое знаменіе являєши намъ, яко сіа твориши? А гды Господь учинилъ добродѣйство, чудо, улѣчилъ усохлую руку, ажъ оны въ бунтъ, въ раду, како да его погубять. Бито ихъ,—не гнѣвались, мовчали; добрѣ имъ учинено, хоробъ злѣчено, ажъ имъ тое добродѣйство горшѣ раны, и якъ бы зраненыи о помстѣ мыслять, како погубять. Панове фарисей, а чи васъ же болятъ тое, же Христосъ вамъ благодѣтельствуеть, слѣпца ваша просвѣщаеть, прокаженныя очищаеть, сухихъ, скорчонныхъ уздоравлиеть? Молчать фарисей, а Златоустый святыи выявляеть ихъ внутрнюю болячую рану—зависть, на которую барзѣи хорууютъ, нѣжъ на заданые не тылько отъ бича, але бы и отъ меча раны, и—мовить такъ: іудеи творимая имъ отъ Христа благодѣянїя имуще, на Христа клеветууть, и гонять его (поучающесе того убити) терпять же ему біемьи отъ него, егда паче бы гнѣватися подобаше; но никоего нанъ являють прогнѣванїя, то-ію вопрошають: кое знаменіе являєши? И придаеть тотъ учитель съ удивленіемъ: виждь зависть несказанную, како добродѣянїя Христова, инѣмъ являемая, іудеовъ на гнѣвъ и ярость подвизаху. О, заправдѣ, Златоусте святыи, маешся чого замыслити надъ вышереченнымъ евангельскимъ пунктомъ, же битье не порушило жидовъ до гнѣва, а добродѣйство и до самага смерти кнованя ихъ побудило. *Чужая добрая слава, добрая фортуна есть завистнымъ* наитяжшая раны, и не такъ имъ болестна есть своя бѣда, своя пендза, якъ чужий доброфортуный бытъ. Праве, есть то имъ пекло, гды чужое видять щастіе. Есть зданье теологовъ, же въ посродѣ воздуха межи небомъ и землею, немало знайдуется печистыхъ духовъ, діаволовъ, свою терпячихъ муку. Пытаю: чему справедливая помста Божїя, зепхнувши ихъ зъ неба, не втрутила ихъ тамъ же посполу зъ княземъ ихъ Люциперомъ до пропастей подземныхъ пекелныхъ, тамъ належити имъ терпѣти муки? И шо за мука на воздухъ діаволомъ? И если отраднѣйшая, нѣжъ въ самой геенѣ? Отказуетъ мнѣ за многихъ единъ знаменитый, бо стародавний и побожный западный учитель: „для того,—мовить,—певная часть діаволовъ моцью Божою на воздухъ межи небомъ а землею удержана, да видять и завидять, и самымъ завидѣніемъ да мучатся“. Шо то есть „да

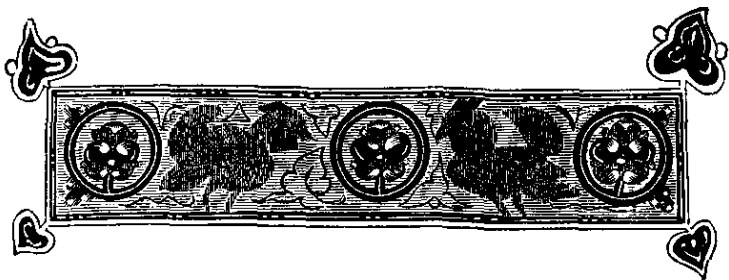
видятъ и завидятъ“? Спойзрять воздушные духи на небо, отколь упали, апо тамъ видятъ на своемъ мѣсцѣ въ почтѣ ангельскомъ пророковъ, аястоловъ, мучениковъ, преподобныхъ, праведныхъ. О, якъ зъ зависти пукаются, видятъ и завидятъ, и самымъ завидѣниемъ мучатся! Тыи жъ воздушныи духи глянуть нижеи себе на землю, видятъ такъ многихъ цнотливыхъ людей, богоугодно живучихъ, такъ много постниковъ, дѣяственниковъ, чистыхъ супружниковъ, ялмужниковъ, всѣхъ заслугующихъ небо. О, якъ зъ зависти терзаются, видятъ и завидятъ, и самымъ завидѣниемъ мучатся! Нужъ гды видятъ бывшихъ негда великихъ грѣшниковъ, а тыи чрезъ истинное покаяніе уже въ небѣ засѣли, яко то: мытарь, блудница, разбойникъ, Маріа Египетская и прочіи; также гды видятъ на земли еще встающихъ грѣшниковъ великихъ, а тыи знеацка справедливою покутою наворочаются до Бога, мукъ вѣчныхъ себѣ наготованныхъ позбываютъ, огонь пекелный слезами гасятъ, царство небесное заслугуютъ. Що жъ? Разумѣемъ, яко то видячи воздушныи духи зъ зависти торгаются, видятъ и завидятъ, и самымъ завидѣниемъ мучатся. И малая жъ то имъ мука? Заправдѣ, такъ великая, же ни трохи не меньшая геены огненной. Мовить Писаніе: жестока яко адъ зависть, крила ея яко огонь пламене, угліе огненно пламы ея (Пѣснь Пѣсн. VIII, 6). Тожъ то есть зависть, що и самое пекло, що и самый огонь пекелный,—якъ адъ зависть: видить и завидить, и самымъ завидѣниемъ мучится. Таковою мукою и пипѣшній евангельскій старшій сборища жидовскаго завистию внутрь мучился, не втерпивъ, вырвався предъ всѣми, глаголаше народу, ганячи знаменитый Христовъ чудъ, котораго было треба хвалити и прославляти. Зависть бовѣмъ щожъ добраго похвалить? Будь предъ Богомъ и предъ людьми якъ злото, зависть, опачне о тебѣ мовячи, змѣшаеть зъ болотомъ; добрыми дѣлы твоими будь слонцемъ,—тако да просвѣтитя свѣтъ твой,—зависть охристится темностію; и самимъ будь небеснымъ ангеломъ, зависть тя и ляда въ люде не поставитъ; утѣкай на край свѣта,—зависть тя и тамъ догонитъ; приправъ крила, залети и вселися въ послѣднихъ моря, —зависть тя и летучаго опачнимъ словомъ, славу твою щиплячимъ, якъ стрѣлою устрѣлить; зложися невинностію твоею, щиростію твоею, цнотою твоею, яко щитомъ,—зависть

тя еднакъ якъ мечемъ, языкомъ ущишливымъ, зоиловскимъ зранить. Недармо Давидъ вопіеть къ Богу: покрый мя отъ сонма лукавнующихъ, отъ множества дѣлающихъ неправду, иже изостриша яко оружіе языки своя (Псал. LXIII, 3—4). Геронимовъ преводъ читаетъ: „иже изостриша, яко мечъ, языки своя“. Давиде святыи! чи не приличѣй бы мовити такъ: во-роги мои изострили на мене мечи свои, уготовали копіи, стрѣлы, оружіе на мя певное настроили, ищуть мене зранити, забити? А Давидъ мовить: изостриша, яко оружіе, языки своя: страшнѣйши,—мовить,—камене людскіи остри, злыи завистливыхъ языки, анежь оружіе непріятельское. Умѣлъ тотъ валеchnый рыцерь мужне стати противъ оружья непріятельского, не страшень ему былъ въ бою мечъ, стрѣла, копіе, але языка злого боялся и оттого защиты у самого Бога ищетъ: покрый мя, Господи, отъ сонма лукавнующихъ, иже изостриша яко оружіе языкъ свой (Псал. LXIII, 3—4). Не страшень,—мовить,—мнѣ Голяеъ, иноплеменници филистими мнѣ дармо, але языкъ злый людскій, языкъ завистливыхъ, языкъ лукавнующихъ далмися въ знаки: укрий мене, Господи, отъ него, покрый мя отъ сонма, иже изостриша языки! Але не десперуй, зацннй мужу, не ослабѣвый въ твоихъ цнотахъ, ни малодушествуй въ твоихъ годныхъ тебе фортунахъ! Мечи тыи мистичныи, мовлю—языки завистливыхъ, внидутъ въ сердца ихъ, да видять и завидять, и самѣмъ завидѣніемъ да умучатся, и постыдятся, яко и нынѣшніи завистники Христовы, о которыхъ мовить Евангеліе: стыдяхуся вси противляющіися ему; вси же людіе радовахуся о всѣхъ славныхъ бываемыхъ отъ него (Лк. XIII, 17).

Радуемся и мы о тебѣ, Господѣ нашемъ, Христе Спасителю нашъ, а молимъ твою благодать: покрый насъ и отъ сонма и оружіа враговъ нашихъ видимыхъ и невидимыхъ, во вся дни живота нашего, уврачуи душевныя и тѣлесныя недуги наши, и вѣчнаго угодившихъ тебѣ наслѣдія не лиши насъ!

Аминь.

Слово на Успеніе Пресвятыя Богородицы.

Въ монастырѣ Печерскомъ. Року 1693.
Августа 15.

Собереть пшеницу свою въ житницу свою.
Мате. III, 12, и Лук. III, 17.

Въ мѣсяцу серпню, въ самый часъ жнива, гды (егда) въ полю пожатые колосы въ снопы вяжутъ, въ житницы звозять, въ стоги (также) складають,—Господарь небесный свою тежъ съ поля збралъ пренаивыборнѣйшую мысленную пшеницу, и до житницъ горницъ зъ веселемъ ныгѣ провадитъ, слухачу православный. Село есть мѣръ,—Евангеліе мовитъ,—поле, нива есть свѣтъ сей, альбо рачей житіе дочасное на свѣтъ; пшеница—праведнѣи; колосы—добрѣи ихъ дѣла, заслуги; жниво—докончаніе житія; серць—долгъ естества смертный. Всего того справца и господарь—Богъ, и Богъ не порождаетъ господарствомъ; жнивомъ бавитъ: Отець мой дѣлаеть, и Я дѣлаю (Іоан. V, 17)—Христось мовитъ. Нива его власная—пречистая и преблагословенная Дѣва, о которой церкви: класъ прозябшая божественный, яко нива неоранная (Акае. п. 3) Явѣ тая нива, чрезъ шестьдесятлѣтнее житія своего наземнаго время, зродила класы обфитые пшеницы, небесныхъ житницъ годныи. Становитъ тебѣ добрый Господарь Богъ жниву певный день сей августа 15, изводитъ дѣлателей на жатву свою—ангельскіе лики; бо ангели суть жатели, собирають пренаивыборнѣйшую отъ всѣхъ урожаювъ земныхъ пшеницу, пречистую и пребла-

гословенную Дѣву Богородицу, и той заслуги собирають зъ землѣ и до житнищъ провадятъ пренебесныхъ, а собирають и провадятъ соборомъ, толокою, бо тоя славятъ усненіе власти и престоли, начала и господствія, силы и херувимы и страшная серафимы. На тую жъ и мы толоку поидемо. Убогая въ Виелеемѣ вдовица Руѣ, послышавши, же добрый челоуѣкъ Воозъ справуетъ жниво, рече къ Ноемми, свекрѣ своей: да иду убо на ниву и соберу класы вослѣдствующи (Руѣ. II, 2). Въ день усненія пречистой преблагословенной Дѣвы Маріи, пѣбы во обфитности Воозово жниво, збирають мысленную пшеницу небо и земля, триумфующая и воюющая церковь. Небо збираетъ Богородичны заслуги, земля—ползы; триумфующая церковь збираетъ ей торжества, воюющая збираетъ похвалы. А мы цю? Руѣ убогой уподобѣмся, идемъ на ниву и соберемъ класы вослѣдствующи. Нива, яко мовится, есть шестьдесятлѣтнее житіе пречистыя Богородицы, мающая своя бразды, свои части, на которыхъ класы ей добри, а надъ всѣхъ святыхъ Богу пріятнѣйшии дѣла. Поидемъ же до той нивы умоуъ нашимъ, хоць позади всѣхъ вослѣдствующи, а оставшіися класы высокихъ ей титуловъ, чрезъ святоблivia дѣла працюете набытыхъ, въ пожитокъ нашъ зберемо; и въ единъ снопъ, я подлоу бесѣдоу, а ваша побожность любовнымъ слуханемъ звяжемо, и до того жъ церковныхъ похвалъ зложимо стогу. Не до всей пресвятаго житія Богородична, которой и ангельское не переглянетъ око,—неудобъ-зримая и ангельскими очима,—ни до всего высокихъ и незличонныхъ ея цнотъ жнива, тупый серпъ ума моего, и неумѣтная вымовы рука дерзаетъ, але тылько до пяти отважаетъ браздъ, досить обфитыхъ, якося во акаенистѣ читаемъ: „радуися, браздо, растящее гобзоваше“, а на нихъ до пяти класовъ, въ число пяти литеръ въ преблагословенномъ имени Маринномъ замыкающихся.

На початку вступѣмъ до первой пресвятаго ея житія бразды, альбо части, которая починается отъ дому святыхъ праведныхъ родителей Иоакима и Анны, и идетъ чрезъ церковь Соломонову, а терминъ ей обрученіе. Тая бразда зродила зацный колосъ и чрезъ дванадцать лѣтъ, на мѣсцу не посполитомъ, бо во святая святыхъ досить варовнымъ, бо за внутреню завѣсоу растила младую отроковицу, предъ вѣки Богови въ матеръ предъизбран-

ную, пречистую Дѣву Марію. Таковыя тоя бразды класъ титулуемъ презацнымъ титуломъ, зъ святымъ Андреемъ Критскимъ,—титуломъ, починаючимся отъ первой въ преблагословенномъ имени Маріиномъ литеры М: „Мудрая Дѣва“. Такъ еси Андрей святой въ похвалномъ своемъ словѣ титулуеть: „Мудрая Дѣва“. Але, Андрее святой, нездоровне учинишь, гды еси и на вышномъ мудрости поставишь степени, назвавши еси мудрѣйшою и премудрѣйшою Дѣвою, яко тую, которой надъ всёхъ болшую признаеть мудрость церковь овymi словы: радуйся, премудрости Божіа пріятелнице! радуйся, премудрыхъ превосходящая разумъ! Предстанте жъ тутъ евангельскіи мудрци дѣвы а сеи мудрѣйшей, якъ Госпожѣ своей, достойную честь выражайте. Але и вы, другии пять глупши, тутъ же пребудите, бы-сте мудрости научилися: тая мудрая, премудрости Божой полная Дѣва, будучи и класомъ хлѣба жизненнаго и лозою грозда зрѣлого, (Богородице, ты еси лоза истинная, возрастившая намъ плодъ животный), а жатвенное время доконаня своего, справуючи живо, оразъ особый столъ для глупыхъ готуетъ, уготова свою трапезу, созываючи съ высокимъ проповѣданіемъ: иже есть безумень да уклонится ко мнѣ; и требующимъ ума рече: пріидите, ядите мой хлѣбъ и пійте вино, еже черпахъ вамъ, оставите безуміе (Притч. IX, 2—6). Якъ бы мовячи: поживите хлѣба зъ колоса, пійте напои злосовинный, а збудете глупства, набудете розуму, мудрости. Дивный то банкетъ, необычный, обычаемъ нашимъ противный! У насъ гды хто до сытости, альбо пресыщенія, наѣтся, вина упьется, той остатнего розуму збудеть, и мудрый зглупѣть. Певне во отечнику старецъ твердилъ о себѣ, же умѣлъ Библию на память зъ толкованіемъ, а гды наѣлся хлѣба доволѣ, всего запоминалъ, якъ пѣгды не читалъ ничего. А виномъ и апостоль упиватися не радить, повѣдаючи, же въ немъ щось есть такового, що зъ розума зводитъ. Мудрой засъ Дѣвы хлѣбъ и вино не таковой вады, не таковыхъ злыхъ приміотвъ (нравовъ): кого накормить, напоить,—не глупства набавить, иле розуму, мудрости научить; сила бовѣмъ того покарму и напою есть родити кровь чистую, дѣвственническую, яко намѣнить (предлагаю) Захаріа пророкъ, мовячи: что доброе ея, и что красное ея, развѣ пшепца избранныхъ и вино родящее Дѣвы. Уважаймо тое

слово,—вино родящее дѣвы. (Захар. IX, 17): гдѣ вино нечистоту родить, а тутъ самая зѣ вина чистость, дѣвство,—вино, родящее дѣвы; а дѣвы певне неглушип, мудриі; якова матка, таковіи дщери: мудрая матица винаая,—мудрое вино, мудрое питомство, и прето: иже есть безумень, да уклонится къ ней, да ясть еи хлѣббъ и пиеть вино; певне и буйи ъвогда умудрится. И мудриі и глушии класъ сей мысленный обыйдемо вколо, набожнымъ аффекомъ оточемо, умные очи влѣпѣмо, ползу съ него жмѣмо, мудрости учѣмося.

Іосифъ старозаконный, гды фараонови сонъ о видѣнныхъ колосахъ піекне выложилъ, а о зебраню многой пшеницы и житниці наполнею здорово порадилъ; внетъ его царь учинилъ всему Египту маистромъ педагогомъ, бояръ, князатъ своихъ—ему дисциплинами: наказати князи его, яко себе, и старцы его умудрити (Псал. CIV, 22). Гды твоими высокими годностми, мысленная пшеница, небы класами выборными житниці небесной, а благодѣяніи твоими, питательнице наша, яко самую пшеницею, житниці церковниі духовне наполяютися, видимъ, даемъ тебѣ сами на науку. Мудрая Дѣво, твоими дисциплинами быти хошемъ, да накажеш насъ, да умудриши насъ, яко Іосифъ египетскія князи и старцы. Учитъ Мудрая Дѣва не словомъ, але дѣломъ, собою, прикладомъ своимъ. А то яко? Смотрѣмъ, на которомъ мѣстѣ, въ которой браздѣ той зацныи колосъ дѣвическаго еи стану вырощенъ? Въ церквѣ, во алтарѣ, на такъ святомъ мѣстѣ, которое святая святыхъ звано, гдѣ святобливые тылько люде входили. Учися жъ и знай кождый, же доброго дѣла а поспѣху цноты много можетъ святое мѣсце, и зѣ святолюбливыми людьми конверсація.

Два были вожды Израилскаго люду, Моисей и Іисусъ Навиннъ: той выпровадилъ зѣ Египту, сей впровадилъ до земли обѣцанной. Щасливый тотъ, который зѣ тяжкой неволи египетской и самъ вышелъ и другихъ вывелъ; але щаслившій тотъ, которой до земли обѣцанной и самъ вполъ и другихъ съ собою впровадилъ. Але чему жъ великій угодникъ Божій Моисей не заслужилъ себѣ у Господа Бога того щастья, которое выслужилъ Іисусъ Навиннъ? Домысляются причины, отколь Моисей зачалъ свое житіе? Отъ царскаго двору, отъ двореккой службы, отъ свѣтской политики, отъ роскоши и пестованія и

пещоть въ палацу царскомъ, за сына у дочки царской: возмужавшу отрочати, воведи и (доилица) дщерѣ фараоновой и бытъ ей въ сына (Исх. II, 10). А сынъ Навиновъ отколь житіе свое зачинаеть? Отъ побожности, отъ пилюванія церкви Божой. Мовить Писаніе: слуга же (Моисеовъ) Исусь, сынъ Навинъ, юноша не исхождаше изъ храма Господня (Исх. XXXIII, 11). Выбачъ же, святой Моисею, же до землѣ обѣцанной не внідешь, бо-сь молодость свою утратилъ на службѣ свѣцкой; а ты, Навиновъ сыне, входь щасливе, бо молодость твою ронилъ на службѣ Божой, не исхождаше изъ храма Господня. Пiekне то уважаетъ Амвросій святой, мовячи: „не исхождаше отъ храма юноша, егда старцы издалече стояще, Божіихъ трепетаху чудесь, и въ лѣпоту (юноша) въ такового возрасте мужа, да воспятитъ быстрины рѣчныя, и речеть: да станеть солнце, и ста солнце. И еже Моисеови возбранено есть, сей единъ избрася ввести люди въ землю обѣцанную. Оваго же честнѣйша, сего же благополучнѣйша“. Такъ святое мѣсце, храмъ Господень, пощастилъ Навинову сыну. Що зась бо ся покажетъ зъ святобливыми людьми конверсація? Яко въ добродѣтель челоувѣка вправуетъ: Лоть — прикладъ. Удивлятися треба его цнотѣ, же, въ посродь беззаконнѣйшаго люду въ Содомѣ живучи, цноты своей, святобливости своей, не тратилъ. Отколь въ немъ такъ мощно святобливість была угрунтована, же ей намѣй не повредили страстніи беззаконія? Приклады видоки: отоль, же воспитался при святобливомъ челоувѣку Аврааму, и отъ него збитинства до добродѣтели ся заправилъ. Розумѣніе то святого Златоустаго, мовячого такъ: „праведнаго Лота на толікій добродѣтели верхъ возведе дружество, еже имѣ со патриархомъ Авраамомъ, и то въ немъ дѣйствова, яко и въ Содомѣ слѣдамъ оного послѣдоваше“. Все беззаконнаго того града нечистоты цноты Лотовы не зепсовали, бо зъ молоду ей напился отъ святобливаго Авраама; то конверсація съ побожными. Пречистая и преблагословенная Дѣва Марія юностный вѣкъ свой проводила на святомъ мѣсцу—не исхождаше изъ храма Господня, между людьми святобливыми, бо межи архіереами. Въ якую жъ чрезъ тое уросла силу; смотрѣмъ: воспятала быстрины рѣчныя, праве потопись высушила, якъ Моисей море, потопись грѣха первороднаго, который забиралъ души и невинныхъ, — парь-

ствова смерть и на несогрѣшившихъ по подобію преступленія Адамова. Тотъ потокъ она перешла немокрыми ногами, непорочное зачатіе и рожденіе свое мѣвши, и такъ народъ людскій зъ самого пучины тоей дна вывела насухо, — потокъ преиде душа наша воду непостоянную (Псал. СХХІІІ, 4—5). А преиде руководствомъ мудраго вожда—пречистой Дѣвы: то празднують людие твои, вины грѣховныя избавльшися. Застоновила солнце силнѣй, неже Иисусъ Навинъ: тотъ матеріальное, а сіа мысленное солнце правды Бога; тотъ противу Гаваона, а сіа въ дѣвической пречистой утробѣ; тотъ насколко часовъ, дондеже людие Израилевы отместина врагомъ своимъ, а она на девять мѣсяцей. Що мовлю—на мѣсяцы девять? На 33 лѣта, ажъ поки до конца врагъ діаволь на голову былъ стертый. И Лота тожъ праведнаго своею не упослѣдила святянею. Тотъ во единомъ безецномъ городѣ, а пречистая Дѣва во всемъ мірѣ, въ злѣи положенномъ, непорочного своего не повредила житія. Весь міръ якъ тернье, она едина въ немъ рожа, кринь посредѣ тернія. Весь міръ якъ блато, она едина въ немъ злато. Весь міръ, якъ море, горними водами наводненное, огорченное, она едина въ немъ яко струмень водъ солодкихъ, горести непричастна. Повѣдаютъ свѣдоміи, же есть гдѣсь въ морѣ нѣяка рѣка, которая чрезъ море впоперекъ течеть, а наинмѣй водъ своихъ солодкихъ (знать, то чудомъ особливимъ Божиимъ дѣется) зъ морскими горкими водами не мѣшается, а не можетъ море рѣки тоей перервати, и водъ ей зъ своими помѣшати. Воспоминаеть то святой Григорій Назіанзенъ въ своихъ вѣршахъ, въ которыхъ дѣвствующимъ законы полагаетъ, а тыя его вѣрши мѣются такъ:

„Обрѣтается рѣка; чрезъ море текуща,
Воды сладки зъ горкими не смѣсны имуща:
И мощно черпсти зъ моря сладку воду тогда.
Рѣку ону навклири улучать ли когда?“

То святой Назіанзенъ. Житіе зъ насъ кождаго въ семь мірѣ есть яко рѣка; яко вода изліяхся, Давидъ мовить; а рѣка солодная — святой крестъ положенный. Гды въ страстей мірскихъ впадаемъ въ море и сладкость свою трагтимъ. Великій ты, Днѣпре, и многихъ напаяешь, але приидешь до моря, ажъ тебѣ ни знати, и водъ твоихъ никто

и до усть привести не схоцеть, внеть станеша несмач-
нымъ, солонымъ, горкимъ, зъ морскими ся водами солоними,
горкими змѣшавши. Великими есте рѣками вы, которіи
усплуете, стараетея Богови работати, о васъ въ небѣ Бого-
слову въ Откровеніи мовятъ: воды, яже видѣлъ еси, народы
суть (Апок. XVII, 15). Але то на васъ страшно и поглядѣти,
же скоро страстного міра моря доткнетея, внеть по васъ ни-
чого, внѣтъ стортѣте: прикасаяи пеклѣ, очернитея ею, со
строптивимъ развратишися. Щасливый струмену, чрезъ море
плынуцій, а зъ моремъ ся не мѣшаюцій! Щасливый рабе Бо-
жіи, впосродѣ міра живучій, а зъ міромъ ся не общаюцій, якъ
Лотъ впосродѣ беззаконшиковъ! Таковымъ струменемъ мысленно,
таковою рѣкою была Мудрая Дѣва, пречистая и преблагосло-
венная Марія; чрезъ море міра житія своего теченіе мѣла, а
пріобщилася жъ хочъ трохи грѣховной страсти мірекой? Бы
памѣнїи! Коштуеть тыхъ безгрѣшного житія еи солодкихъ водъ
Духъ Святый, а яко въ превыборнѣйшемъ нектарѣ смакуючи,—
въ Пѣснехъ пѣсней мовить: вся добра еси, ближняя моя, и
порока нѣсть въ тебѣ (Пѣснь пѣсн. IV, 1). Не зъ мочеными
погами сынъ Навиновъ преходить Иорданскіи струи. Незепо-
ванымъ святобливости правомъ Лотъ ходить посродѣ Содомы.
Непорочно Пресвятая Дѣва житіе свое провадитъ, жиючи въ
тѣлѣ, въ мірѣ, посредѣ рода строптива и развращенна. А по-
чатокъ того отъ храма Господня и зъ святобливыми конвер-
саціи. Атожъ входитъ нынѣ во обѣцанную сторону небесную
зъ радостью, а насъ яко Мудрая Дѣва, прикладомъ своимъ, и
мѣсць святыхъ храмовъ Господнихъ завше пилновати и съ по-
божыими конверсовати учить. Кто на таковыхъ браздахъ часы
житія своего ронить, сѣть, певне уростеть пожиточнымъ ко-
лосомъ, и, яко пшеница Христова, въ горнюю житницу собранъ
будеть. Учить Мудрая Дѣва своимъ прикладомъ и чистоты, а
чистоты сугубой, виѣшнѣй и внутрней, тѣлесной и душев-
ной. О ней Духъ Святый въ Пѣснехъ пѣсней: чрево твое яко
стогъ пшеницы, затворенный въ кринахъ (Пѣснь пѣсн. VII, 2).
Стогъ пшеницы знаменуеть отъ нея рожденнаго Христа, рек-
шаго: Азъ есмь хлѣбъ. Аще зерно пшенично падши на земли
не умреть, который любо единъ есть лицомъ, але покармомъ
всѣмъ изобилнымъ, якбы стогъ пшеницы и наибольшій, всѣхъ

бо вѣмъ насыщаетъ доволнѣ: отверзаеши руку твою и насыщаеши всяко животное благоволеніа; отверзшу тебѣ руку всяческая исполнятся благодати (Псал. СIII, 28). Кринны зась знаменуютъ непорочное Пресвятыя Дѣвы дѣвство.

Годная рѣчь помыслити, чему плодность дѣвическую Духъ Святой описуючи выражаетъ въ единственной одинаго пшеницы стога; дѣвство зась выражаетъ въ множественной личбѣ криновъ, лелѣй. Единъ стогъ у ней пшеницы, бо разъ породила одинаго Христа, але кринны чистости не едины. Мовить о ней святой Епифаній: „Дѣва бѣ не точію тѣломъ, но и духомъ“. Чистость тѣла — то кринъ единый, чистость духа — то кринъ другій; Христось посродку межѣ дѣвствомъ Пречистыя Матере своя виѣшнимъ и виутримъ, тѣлеснымъ и душевнымъ, якъ стогъ пшеницы межѣ кринами. Гдѣ кринъ единъ тылько, гдѣ едно тѣло ховаеся чисто, а духъ вшетечнымъ мажетъ, тамъ пшеницы Христа не ищи, не тылько стога, але ни одного благодати его зернати. Шекне то единъ зъ учителей уважаетъ, — не глаголетъ Писаніе: стогъ въ кринѣ, но въ кринахъ, двоихъ ради криновъ дѣвства: одинаго, иже вутрь, въ предложеніи духа; другаго же, иже виѣ тѣла, нерастлѣніе. Прочее же безъ крина вутрпего кринъ виѣшній ничтоже есть, ибо безъ произволеніа духа, тѣла нерастлѣніе есть суетно. Такого розуму отъ Мудрой Дѣвы научившися, беремъ класъ ея, зъ бразды первой, житія ея части, а держимъ въ руцѣ незабвенной памяти нашей, нѣмъ (донелѣже) до того другія приберемъ класы и зъ нихъ цѣлый снопъ учинимъ.

Зъ первой пресвятаго житія Богородичина бразды поступимъ до другой; а тая есть въ кровѣ Іосифовѣ, въ дому Іосифовомъ; починается отъ Соломоновой церкви, а термѣнь ей ажъ во Виѣлеемѣ въ вертепѣ, при нивѣ старой Саломин, мѣщанки виѣлеемской. Тая бразда зродила зацный, высокой цноты Маріиной класъ, починаючися отъ другой въ преблагословенномъ ея имени литеры А: „Агница Христова“. Таъ титулуесть святой Германъ и святой Георгій Никомидійскій въ своихъ словахъ, а особливе святой Іоаннъ Дамаскинъ въ словѣ 40 на Рождество ея, мовячи такъ: „агница, изъ нея же пастыръ во овцу облечеса, ветхія мертвыици раздравъ одежды“. И во акаѣстѣ читаемъ: „радуйся агнице, порождая Божіаго Агнца“. Але, о

пречистая Дѣва, не безсловесныхъ, лещъ словесныхъ и умныхъ тварій именованія ты еси достойна; годна, съ бы ты вси вкупу церковній згромадившиися учителя утитуловали ангеломъ единымъ надъ инные ангелы вышшимъ—ангеловъ всѣхъ парницею, яко херувимовъ честнѣйшую, серафимовъ славнѣйшую. Годна заправдѣ; але гды еи агницею титулуютъ, тымъ бараѣй годность показываютъ, царскую ей надъ ангелами корону объясняютъ. Скоро вымовится устнами тое словко: агница, рожшая агница, вчеть приходитъ на мысль крѣпость, и сила, и слава, и царство Агница, о которыхъ святой Богословъ повѣдаетъ: всяко созданіе, еже есть на небеси и на земли, и подъ землею, и въ мори яже суть, и суцая въ нихъ вся, слышахъ глаголющія: сѣдѣщему на престолѣ и Агнцу блословеніе, и честь, и слава, и держава во вѣки вѣковъ (Апок. V, 13). Такъ кажутъ, же левъ надъ всѣмъ звѣромъ царь, и дужіи медвѣде и срогін (лютыи) парды предъ его силою млѣють (трепещуть). Але Агнець, сядящій на маестатѣ, не тылько надъ звѣрятами, але и надъ всѣмъ сотвореніемъ, еже на небеси и на земли, и подъ землею, царствуетъ. Ангелы и людѣ ему кланяются, и всякая тварь ему повинуется. Отколь же тому Агницеви таковая сила, отколь всемошная власть? Пытаймо святаго Иринеа, въ той матеріи бесѣдующого такъ: „Нихто же инъ можаше отверсти книгу отчу, ниже видѣти ю, развѣ Агнець закланный, яко незлобивъ есть, грѣха не сотвори, и лещъ не обрѣтесе во устѣхъ его. А тожь знаемъ, що агница на такъ высокую царскую годность возвышаетъ, яко незлобивъ есть. Самое его незлобіе царемъ чинить, а всякое созданіе еже на небѣ и на землѣ, зъ наинижшимъ ему поклономъ стелется подъ ноги, яко незлобивъ есть“. Гды пречистую и преблагословенную Дѣву святіи выше воспомяненіи отцы агницею титулуютъ, готуетъ тутъ еи подданство все сотвореніе: небо готуетъ ей царскую зъ звѣздъ корону, ясную зъ солнца порфиру, вспанялый (прекрасный) зъ мѣсяца подножокъ. Херувими стантесе еи престоломъ, серафими ассистуйте ей рабски, якъ монархинѣ. Все ангелы, якъ царицѣ своей, должный поклонъ отдайте; и все созданіе придите, припадите, поклонитесе ей, мовячи: „благословеніе, честь и слава пречистой и преблагословенной Дѣвѣ Маріи; яко агница есть, яко незлобива есть, яко грѣха не сотвори, яко лещъ не обрѣ-

теся во устѣхъ ея". Самое ея агничество всесилою владычицею чинить, самое незлобіе царствомъ ю коронуеть, и назвати ю агницею тожъ то есть, що назвати и ангеловъ царницею. Чрезъ незлобіе, чрезъ паніенскую невинность вѣчнаго царства святится корона. Тая непорочная агница, зъ церкви Соломоновой до дому праведнаго мужа святаго Іосифа бывши запроважена, своимъ незлобіемъ обернула на себе очи Бога Отца, мовячаго: на кого призрю, токмо на кроткаго и смиреннаго и трепещущаго словесъ моихъ (Ис. LXVI, 2). Подобалася Богу Сыну мовячому: усердни насъ сотворила еси, сестро наша, не вѣсто. Усердни насъ сотворила еси во одномъ отъ очію твоєю, то есть въ чистомъ твоємъ въ сумнѣнью, въ которомъ, якъ въ чистомъ оку, нѣсть запорохи, то око свѣтлое, чистая совѣсть, на которое смотреть Богъ; бо человекъ зреть на лице, а Богъ зреть на сердце, на совѣсть. Приближилася тая незлобивая агница Богу Духу Святому мовячому: незлобивци и правци прилѣпляхуся мнѣ, а прилѣпляйся Господеву единъ есть духъ со Господемъ (Псал. XXIV, 21; I Кор. VI, 17). Такъ Богу въ Тронци незлобіемъ своимъ агническимъ, якъ золотымъ руномъ залепившися, звабляеть (взываеть) къ себѣ небесныхъ жителей. Архангель Гавріилъ спускается быстрымъ ліотомъ, во кровѣ Іосифовѣ скоро предста безплотный, въ трошъ (во слѣдѣ) за нимъ Богъ Слово со Святымъ Духомъ, а Богъ Отецъ, любезно (такъ бо возлюби міръ, яко и Сына своего даль есть) на то съ высоты славы своя смотрячи, благовольтъ. Трѣшится небо, земля чудится, небесная любовію веселяхуся, и земная со трепетомъ ужасахуся, егда пресвятый гласъ найде на тя, Богородице! О сило незлобіа агническаго и годности дѣвическія, чего ея удостояешь, чрезъ свою невинность, яко незлобива? Потымъ, завитавши до мѣстечка, домомъ хлѣба именующагося, то есть до Вилеема, стается единымъ класомъ жизненнымъ, ово же выдаетъ на свѣтъ, яко колосъ зерно пшенично, Христа; ово же рожденному изъ нея агницеви стается пшеничною пакитію. Видятъ сего яко агница непорочна во чревѣ Маріинѣ упасшася. Облобызаемъ тя сердечною любовію, о одушевленный агническимъ незлобіемъ уздобленный класе! А тую твою щасливую въ Вилеемѣ гостину, глыбоко въ сердца нашемъ, якъ сѣмя пшеничное всѣваемъ и вкореняемъ въ бытню и незлобіа

твоего хоть наипослѣднѣйшую часточку могли вкоренити, и той наслѣдовати.

Отъ Виелеема починается третья бразда пресвятого Богородичнаго житія, а идетъ чрезъ Египеть, зъ Египту до Назарету поворотъ чинить и сягаетъ ажъ подъ гору Голгоеску близко. Тая бразда уростила не малою намъ клась, починающійся отъ третьей въ преблагословенномъ еи имени литеры Р: „Раба Господня“. А тымъ самася еще прежде подчасъ благовѣщенія утитуловала, гды рекла до ангела: се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему (Лк. I, 38). И любь еще отъ дитинства своего, отъ триѣхъ лѣтъ по нароженю своемъ введена бывши въ церковь, уже работала Богови, найбарзѣй еднакъ особлившими послугами почала ему работати, гды его нетлѣнно рождши пеленами повивала, пѣствовала въ Назаретѣ отрочески его, ажъ до мужеского возраста честнымъ воспитаніемъ опатровала. Працею рукъ своихъ по умертвіи святаго Іосифа, себѣ и ему пищу и одежду выробляла, на той часъ власнѣ была раба Господня, опрочъ работы духовной, тѣлеснѣ рабскую ему послугу зъ материнскою вѣсполъ любовію выражаючи. Раба Господня: работа Господеви особлившая, въ Писмѣ Святомъ часто кротъ выражается чрезъ херувимовъ. Іезекиль пророкъ видѣлъ, же домъ Божій оточень былъ херувимами: и херувими стояху одесную дому, изаде слава Господня отъ непокровеннаго дому и възде на херувими, и воздвигоша херувими крила (Іезек. X, 3, 18—19). И гды казалъ Богъ Моисеови зробити себѣ храмъ свѣдѣнія, весь той храмъ велѣлъ приоздобити херувимами: подобія херувимовъ да будутъ окрестъ. И въ храмѣ свѣдѣнія и въ церквѣ Соломоновой опрочъ тыхъ двоихъ, що надъ кіотомъ завѣта, гдѣ глянъ всюди, по стѣнахъ, по дверяхъ, по столахъ, по завѣсахъ и опонахъ полно было видѣти херувимовъ выobraженъя, а то на знакъ притомности Бога зъ раболѣпно предстоящими ему херувимами. И хоць у Господа Бога вси ангели суть раби, служащіи ему, предстоящіи ему, — не все ли суть служебніи души; херувими еднакъ способомъ особливымъ (особлившимъ): тамъ тые посылаются на службу по писанному: во служеніе посылаеміи, а херувими прочимъ неотступны. Ангелы, пойдѣте людей хранѣте. Архангелы, идѣте, благовѣстите. Господствіа, идѣте, царствіаи языковъ управляйте. Силы—на войну, вла-

сти — на чудовъ чиненья, прочіи лики до наложитыхъ себѣ послугъ мѣйтеся; а херувими при покою Божомъ стойте,—херувими стояху одесную дому,—его маестату уставичне пилнуйте. Непрестанно носѣте,—сѣдяй на херувимѣхъ, взыде на херувимъ и летѣ възлетѣ на крылу вѣтрню. И то власне въ храмѣ Господнемъ, гдѣ была притомна слава Господня,—исполнь славы храмъ Господень. Мнозствомъ подобій херувимскихъ было обваровано, же херувимскою службою оточается Богъ всюди; и хто хочетъ добре ему услужити, поработати, мѣеть работати по херувимску. Такъ о трѣхъ отрокахъ въ Вавилонской печѣ Богови работавшихъ взмѣнкуеть (вспоминаеть) церковь: „херувимомъ подобящеся отроци въ печи“. А по-херувимску Богови работати яко? Херувимъ, ведлугъ Августина, зъ еврейского языка значить „множество разума“, то хто хочетъ Богови работати по-херувимску, мѣеть работати ему разумно, мудре, а не глупе. Суть бовѣмъ нѣкоторіи, отъ нихъ же и азъ могу быти, которіи работаютъ Богови не разумне, але барзо глупе. Работаетъ ли хто, працуеть, а працуеть и дуже, чинить еднакъ то не власне для самого Бога, але альбо для суетной отъ людей похвалы, яко да видѣнъ будетъ человекъ, або хочъ и укрывается людского ока, самъ еднакъ въ себѣ, во умѣ своемъ, тщеславить и святымъ быти мнится. Мнїйся быти нѣчто, ничтоже есть: тутъ глупе, не по херувимску, неразумно Богови работаетъ. Суть друзіи, которіи работаютъ Богови хочъ и не для тщеславія, ни для о себѣ якового мнѣнія, для своей еднакъ приваты, пожитку, жебы ему было небомъ то нагорожено, а не власне для Бога; и тая работа не херувимска, але человекъска, ни по множеству разума херувимскаго, але по самолюбію человекъскому, себѣ барзѣй зычить (наипаче желаетъ), себе барзѣй любить, неже Бога. Таковая работа есть власне наемническа: якъ наемный для того господареви служить, жебы ему заплатилъ господарь его. А херувимская работа, яко работаетъ Господеву по множеству разума, разумне, мудре, не для своей яковой приваты, не для тщетной на земли похвалы, не для небесной нагороды,—что ми есть на небеси, и отъ тебе что восхотѣхъ на земли? але для самого тылько власне Бога, для любви его божественной. То работа особнѣйшая Богу вельми прїятна, бо по множеству разума, по херувимску; таковая ра-

бота становить раба въ чину сына. Годность ему даетъ сыновскую, яко и ангели, работающіе Господеви по множеству разума, сынами Божиими именуется, по писанному: пріидоша сынове Божіи предстати предъ Господемъ; такъ и работающій Богови человекъ по херувимску, мудре, любви ради божественныя, а не себе ради, стается сыномъ Божиимъ, же Бога, яко истаго отца любить. Але повернемся до истинной рабы Господней, до пречистой Дѣвы Маріи, въ себѣ мовлячей: се раба Господня! Тая якъ работала Господеви своему? Вы бачте (простѣте), премудрїи херувимове, а дайте старшее у маестату Божого мѣсце, премудрѣйшей служебницы Божой, пресвятой Дѣвы, которая не тылько по херувимску, але и надъ херувимовъ особнѣйшею своею работою услужила ему по множеству разума, любячи его всею душею, всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ. Любила всею душею разумнѣ, всѣмъ сердцемъ сладнѣ, всѣмъ помышленіемъ непрестанно, любви ради его божественныя, а не для своего якового самолюбїа и приваты. Наближши Божому маестату зъ своимъ раболѣпнымъ предстояніемъ херувими, але отъ нихъ ближайшая пресвятая Дѣва, о которой Дамаскинъ: „вся чертогъ духа, вся близъ Бога“. Межи Богомъ а херувимами раздѣляетъ божественная слава. Межи Богомъ воплощеннымъ а пречистою Дѣвою или во утробѣ еи дѣвической, которое могло быти раздѣленіе? Весь Богъ въ ней, и она вся въ Богѣ: вся чертогъ Бога, вся близъ Бога. Херувими Богу неотступно; пречистая Дѣва когда жъ безъ Бога? Богъ зъ нею и она съ Богомъ въ наимоцнѣйшимъ любви союзѣ. Привязалася духомъ Богови естествомъ матерства, такъ, же нѣ Богу отъ ней, а она отъ Бога когда разлучитися можетъ; завше ему неотступна. Херувими суть ли Богу престоломъ, носятъ ли на себѣ Бога? То престоль херувимской дѣвица. Богъ на лошѣ ея, на пречистыхъ рукахъ ея по Виѣлеемѣ, по Іерусалимѣ, по Египтѣ носится, якъ на крылахъ херувимскихъ: престоль херувимскїй дѣвица. И вся работа еи божественному изъ нея Христу Богу, ажъ до воараста его мужеского, была херувимска по множеству разума, мудра, бо любви неизреченной, а ще матернїа любви работа была исполнена. И прето зъ рабы Господней уросла въ дщерь Бога Отца, такъ о ней Номенкляторъ мовить: „дщерь Божїа перворожденная, дщерь превозлюбленнѣйшая Отца Пре-

вѣчнаго“. Такъ высоко класъ служебничества рабы Господней въ працахъ около выкормленя отрока божественнаго, Христа, такъ высоко выросль, же засталъ дщерію Божію; абы—хмо и мы научилися херувимски, разумне, работати Богови, певне быхъ-мо за любыхъ дѣтей были у Бога почитаны.

Четвертая бразда пресвятого житія Богородичина на Голгоѣ подь крестомъ, а тая зродила класъ высокого титулу, починаючогося отъ четвертой въ преблагословенномъ имени Маріиномъ литеры І: „Источникъ Жизни“. Такъ минея Іаннуарія 27, пѣснь 9: „радуйся златоструйный безсмертія источниче, истинную сладость проливающъ. Источникъ жизни на крестъ Христось, источникъ подь крестомъ—Маріа. Тотъ гвоздми, влючною (копіемъ) ископанный, тая оружіемъ предвозвѣщеннымъ отъ Богопріимца: тебѣ же самой оружіе душу твою пройдетъ (Лк. II, 35). Зъ источника Христа плынуть потоки крове, зъ источника матери— потоки слезъ. Обы два тын пренаисвятѣйшіи источники омывали болото грѣховъ нашихъ, овъ кровью, овъ слезами. Источникъ Христось во изліаніи своея крове приносилъ Богу Отцу о насъ жертву, за ны пожресе Христось. Источникъ Маріа, во изліаніи слезъ своихъ зъ жертвою духа тужъ стояла, — жертва Богу дужъ сокрушень. А Богъ Отець свышше на жертву Сына своего поглядаючи, тужъ смотрѣль и на жертву дщере своея, и охочими тыми жертвами былъ умоляемый, благаемый, абы милостивъ былъ намъ грѣшнымъ: приндетъ яко источникъ жатва твоя. Власне на Голгоѣ ты сбылися слова. Была то тамъ единая жатва грѣховъ нашихъ, — вземляй грѣхи міра тернистое беззаконій нашихъ выжалъ поле, а повязавши въ снопы, взялъ на рамена, на тѣлѣ своемъ вознесъ на древо. Было тежъ жнпво и всѣхъ образъ трудовъ Христовыхъ, на земли для спасенія нашего подъятыхъ, которые вси, при сконаню на крестъ Христовомъ згромадилися, абы весполъ зъ его страданми презентовалися Богу Отцу. При тыхъ жниввахъ достъ працовитыхъ пречистой Дѣвы, которая притомностю своею въ тяжкой праці додавала нѣякис охолоды умордованному спасенія нашего дѣлательви, и была тая яко источникъ жатвы. Святый Григорій Неокесарійскій пресвятую Дѣву назвалъ источникомъ свѣта. Треба было на Голгоѣ, гды солнце правды Христось позна смертныи западъ свой, а

темности грубые весь свѣтъ крыли,—тма бысть по всей земли. Источникъ свѣта Марія стала подѣ крестомъ, абы заходящу солнцу, свѣтилу свѣта, на его мѣсци, яко свѣтопримная свѣща, хоць тму просвѣщала; абы, Богу умершу, не упаль свѣтъ, она свѣтениемъ своимъ вспирала. О, свѣте нашъ Богородице! Просвѣщай тму нашу! О, источниче жизни! оживляй душевную мертвость нашу!

Пятая остатная пресвятаго житья Богородична бразда отъ горы Голгоевскія, идетъ подѣ гору Олѣвную до Геесимани; бо отъ того часа поять ю ученикъ во своя си (Іоан. XIX, 27). Тоя бразда возрастила класъ прчестиѣишій особливой поваги межи святыми, въ той часъ въ тѣлѣ бывшими въ церквѣ первенствующей, а даймо тому класу титулъ зъ *акаѣиста нынѣш-*наго усненского, починаючійся отъ пятой а остатной въ благословенномъ имени Маріинномъ литеры А: „Апостоломъ Вѣнецъ“. Такъ во икосѣ 1 четется: „Радуйся, апостоломъ прчестный вѣнче“. Во тежъ кончачи класовъ збираніе, треба учинити обжинки, треба уилести вѣнецъ зъ тыхъ же класовъ.

По волной страсти и смерти Господа своего, апостолы святіи, внимлѣмъ, были сѣтованни; приходило имъ lamentовати зъ плачучимъ пророкомъ: разсыпая радость сердцеъ нашихъ, обратися въ плачь ликъ нашъ, спаде вѣнецъ съ главы нашея (Плачь Іерем. V, 15—16). Мѣли еднакъ печали отраду, же еще въ живыхъ зъ ними зостала Мати Богородица имъ, прчистая Дѣва, а тая скорбящимъ радости.

По вознесеніи тежъ Господнемъ печалій, скорбій наше апостоловъ немало; выполнялися слова Христовы: въ мирѣ скорбѣ имѣти будете, восплачетесь вы и возрыдаете, а миръ возрадуется, вы же скорбни будете (Іоан. XVI, 20). Во всѣхъ тыхъ скорбныхъ печалехъ святымъ апостоломъ едина была утѣха, отрада, притомность въ тѣлѣ прчистая, преблагословенная Дѣвы, на которую, по свидѣтельству многихъ, бы кто и наискорбнѣишій спозрѣлъ, веселіа духовнаго исполнися. Особая бовѣмъ отъ ней исходила нѣкая благодать, плачуція утѣшающая, скорбяція увеселяющая, сѣтуюція обрадующая. И была тогда въ первенствующей церквѣ пресвятая Дѣва, яко вѣнецъ радости.

Забралися на горницю въ Сіонѣ святіи апостолы, а посередѣ ихъ пресвятая Дѣва, на вышшомъ сѣдитъ мѣсцу, яко вѣнецъ. Чинять соборніи молитвы, пресвятая Дѣва посередѣ ихъ, яко вѣнецъ. Кидають жребія на проповѣдь, ставятъ діаконовъ, общее житіе устрояють, — пресвятая Дѣва межи ними, яко вѣнецъ, а вѣнецъ радости, въ скорбѣхъ утѣшающій.

Порвали убойцы святаго первомученика Стефана и въ долину Иосафатову, межи Елеономъ и Іерусалимомъ лежачую, до потока Кедрскаго запровадили, убійственныя руки возложили; а пречистая Дѣва отдалече на одномъ холмѣ стоячи зъ святымъ Іоанномъ Богословомъ, а на смерть его глядячи, прилежныи о немъ къ Сыну своему и Богу творила молитвы, и то справила, же самъ Христось въ отворенномъ стоячій небѣ показался побиваемому и умираючому святому Стефану.

Возложи Иродъ царь рупѣ озлобити нѣкіа отъ церкви, уби Іакова брата Іоаннова мечемъ, а пречистая Дѣва сама тѣлу его мученическому погребеніе отправуеть, до гробу провадить, душу zaś его святую молитвами своими въ небо впроважаеть, предъ престолъ Божій ставить, залѣцаеть.

Вкинено святаго Петра до темницы, стражу мощную приставлено — четыре четверицы войновъ, а пречистая Дѣва въ дому тезоименитой себѣ Маріи, матере Іоанновы, зебравши первенствующую церковь, молитву за него чинить, молитва же бѣ прилежна, бываемая отъ церквѣ о немъ къ Богу (Дѣян. XII, 5). И справила то, же ангель Господень посланъ бысть извести Петра изъ темницы. О, якъ много помогала святымъ апостоломъ притомность еи въ тѣлѣ! О, яко была щаслива первенствующая апостольская церковь, же таковую въ скорбехъ отраду, въ трудѣхъ помощь, въ печалѣхъ утѣху, въ тѣлѣ межи собою мѣли, яко едину собранію своему корону, яко единый трудомъ и болѣзнемъ своимъ вѣнецъ почести! Радуйся, апостоломъ пречестный вѣнче, въ таковую повагу и почесть межи святыми апостолами, яко нѣкій межи выбранною пшеницею класъ добродѣтели Богородичной урощи (возрастши)! Уже ты божь приближился до щасливаго своего жнива. Молился Петръ, же жниво есть житія докончаніе, серпъ — долгъ естества смертний, класы добродѣтели — заслуги, жатели — ангели. Перешли — смо хоць лѣнливими тескливого ума стопами ниву житія пречистой Дѣвы

Богородицы, присмотрѣлисея пяти зацнымъ высокихъ титуловъ класомъ ея, и яко бы подлою мовою нашею въ единъ снопъ зебрали, але неискусный, неумѣтный: не красна похвала отъ устенъ нечистыхъ. Уступѣмъ искуснѣйшимъ, умѣтнѣйшимъ жателемъ святымъ ангеломъ: ангелы—жатели. Въ пятнадцатъ лѣтъ по Господнемъ отъ земли на небо вознесеніи, стала радѣ на емпирейскомъ небѣ, въ троичномъ совѣтѣ, перепровадити отъ міра до премірныхъ обителей Богоматерь. А пречистая Дѣва въ самый той часъ на горѣ Оливной обычныи свои молитвы отправуетъ. Высылается отъ маестату Божого благовѣстникъ зъ райскою палмою, той же архангелъ Гавриилъ, который першъ Божіе зъ неба на землю благовѣстилъ снисхождение, абы благовѣстилъ пречистой Богоматери зъ землѣ на небо ей со славою восхождение. А единъ же тую послугу отпавуетъ ангелъ? Не единъ, але якъ на онъ часъ, такъ и теперь, быеть со ангеломъ множество вой небесныхъ, зъ которыхъ едни апостоловъ по воздуху восхищаютъ, и якобы снопы зъ далекихъ нивъ, зъ отлеглихъ земель въ домокъ Богородичицъ, якъ бы до гумна и стогу зносятъ, другіе животныи книги пресвятаго Богородичнаго житія вартуютъ, великіи еи добродѣтели, высокіи цноты, заслуги, добре уже маестату Божому вѣдомыи, и на небѣ давно записаные, для большей еи почести и похвалы, докупы сносятъ, якъ бы класы зъ браздъ жнутъ, въ снопы вяжутъ; бо то есть певно, же при сконаню каждого человекѣ дѣла его ставаютъ, и якъ кто сѣялъ, такъ пожнетъ. Добрая была сѣвба, благословенни въ жневахъ Господнѣ, хоць то часомъ было и зелцами ходяще, — хождаху и плакахуся, метающе сѣмена своя, але о якъ щасливое жниво, грядуще же придуть радостію вземлюще рукоятія своя. Сѣющии слезами, радостію пожнутъ. На вси помяненныи пресвятаго Богородичнаго житія бразды, зо вѣхъ ангельскихъ хоровъ высыпалися ангелы купами на толоку, на збране добродѣтельныхъ ея класовъ.

Зъ первой бразды, гдѣ класъ утитулованный Мудрая Дѣва, ангелы збирають класы ей ново на свѣтѣ зачатыхъ дѣвства обѣтовъ, бо она первая въ женскомъ полу дѣвство начала и тое навѣки Богови обѣтовала.

Зъ другой житія ея бразды, гдѣ класъ утитулованный Агница Христова, збирають класы: власти—незлobie агичее, бо

незлюбивымъ, яко реклося, дается высокая власть; силы збирають агнчую ей кротость, господствїа агнчое ея смиренїе, за которое на всемірное господжество промовается: смиряяй себе вознесетя.

Зъ бразды третьей, гдѣ класъ Раба Господня, херувими збирають класы ея серафимскїа любве къ Богу, которою подь крестомъ палала.

Зъ бразды пятой престоли збирають класы ей, въ первенствующей церкви годные похвалы и чести: прилѣжная о всѣхъ попеченїя. А то все до купы зебравши, знесши, сношь скорый удивительный учинили, и до житници небесной зъ радостїю провадити прїуготовалися.

Щасливая при тымъ настала сконанїа дѣвическаго година! Рушается самъ всего свѣта Господарь съ пренаивышшего маестату своего Христось Богъ своею божественною челоувѣческою притомностью, хотячи видѣти тое жниво. Подвинулася зъ нимъ, и вся его ассистенція, дваналесять четьри сенатори встали зъ кресль своихъ, а зъ паремъ своимъ и Богомъ въ походся прибрали. Подвинулося все небо такъ, же заледво (едва) кто остаетъ въ немъ; вси ликами, полками зъ браздъ небесныхъ, широко отверстыхъ, восходятъ; весь воздухъ наполняютъ, къ дому Богородичному зближаются. И уже очевидно, Богъ Сынъ къ своей Богоматери приходячи сказуется, и пресладкими своими усты витается зъ нею; а яко повѣствуеть Сардїйскїй епископъ Мелетїй, мовить къ ней Господь: „прїиди ближняя моя“, а она падши поклонилася Господу Богу своему со многимъ благодаренїемъ. Подоймуетъ миле Сынъ Матку свою пречистую, любезными словы увеселяетъ. О, якъ радостно на той часъ пречистая Дѣва претворила давнюю пѣснь свою: величить душа моя Господа, и возрадоваея духъ мой, и прочая. А въ тымъ пречистую и пресвятую душу свою въ руцѣ Сына и Бога своего со многою сладостїю влагаетъ. А тожь уже конецъ жатвѣ, веселии внетъ чинятся обжинки, вѣнцовъ зъ тыхъ же колосовъ уплетуется немало. Зъ тыхъ же бо вѣнцовъ пречистой Дѣвы высокихъ, благодать и на всѣхъ изливается, и всѣхъ вѣнчаеть, бо тою веѣ спасаются: и спасетъ Богородицею мїръ, перковъ спѣваеть. Зъ класа Мудрой Дѣвы уплетается вѣнецъ веѣмъ дѣвствующимъ, истязаячимъ чистоту хранити.

Зъ класа Агницы Христовой уплетается вѣнецъ незлобивымъ, кроткимъ, смиреннымъ. Зъ класа Рабы Господни уплетуется вѣнецъ вѣзмъ рабомъ Божіимъ, вѣрне а разумне Богови работающимъ. Зъ класа Источника Жизни уплетуется вѣнецъ вѣзмъ исходяща водная изводящимъ отъ очесъ своихъ и плачущимъ ово въ распомытиваню страстей Христовыхъ, ово грѣсѣхъ своихъ жалѣющимъ. Зъ класа Апостольского пречестного Вѣнца уплетуется вѣнецъ вѣзмъ, иже на властехъ, царемъ и архіереомъ. Радуйся честный вѣнче царей благочестивыхъ! Радуйся честная похвало іереевъ благоговѣныхъ! Але и самыя тыя класы, въ снопѣ при сконаню Богородичномъ зебранные, вѣнчаются славою и честію, по словеси апостолскому: слава же, и честь, и миръ всякому дѣлающему благое. Оточають одръ Богородичинъ свягій апостоли вколо, то вѣнецъ по писанному: окрестъ вѣнецъ братіи; окружають лики безилотныхъ умовъ: подьяша ю престолы и силы (кондакъ 12); окружиша начала и власти, и то—вѣнецъ. Самъ Христось надъ нею, яко вѣнецъ надъ главою. И выполнилось тутъ то, що предрекль пророкъ Исаіа: въ той день будетъ Господь Саваоѣ, вѣнецъ надежды, сплетенный славою (Ис. XXVIII, 5); але и душа пресвятая пресвятыя Дѣвы въ рукахъ Господнихъ, якъ найцікнѣйшой вѣнчокъ, по писанному: будеши вѣнецъ доброты въ руцѣ Господни, и главизна царствія въ руцѣ Бога твоего (Ис. LXII, 3). Такими обжнками провадится пшеница Божая, Дѣва пречистая, въ житниці горніе во гласѣ радованія и исповѣданія, шума празднующихъ, и презентуется тронному маестатови, гдѣ Богъ Отець слова Исааку подобные мовить: се воня дщере моя, яко воня нивъ, полныхъ множества пшенична (Быт. XXVII, 27). И такъ Богъ, въ Троицы единый, собралъ пшеницу свою въ житницу свою.

Іосифъ старозаконный повѣдаеть нѣгды сонъ свой братіамъ своимъ: мнѣхомся средѣ поля вѣжуще снопы, и ста мой снопѣ простъ, ваши же снопове, окрестъ стояще, кланяжуся моему снопу. Толковано то такъ, же мѣль Іосифъ царемъ быти, а братія ему мѣли кланятися; рѣша же ему братія его: егда ты царствуя царствовати будеши надъ нами, и владыи владыти будеши надъ нами? (Быт. XXXVII, 7). Такса потымъ стало.

Не ровнымъ, але далеко вышшимъ, честнѣйшимъ сталося способомъ зъ снопомъ добрыхъ дѣлъ Богородичнымъ. Ста снопѣ

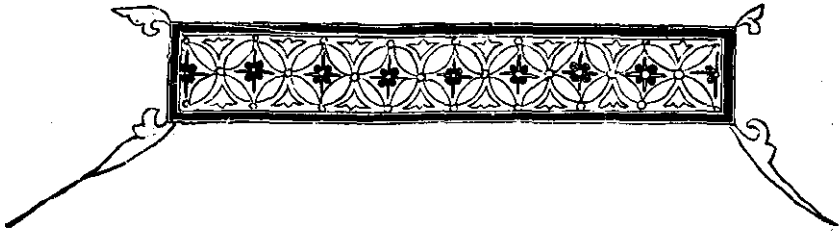
прость, поставлено той снопъ на честномъ мѣсцы, по правицы Божого престола,—предста царица одесную тебе,—на мѣстѣ высокомъ,—воистину вышше всѣхъ еси, Дѣво чистая, и царствуя царствуетъ надъ всѣми, и владычествуя владычествуешь надъ всѣми. Небо и земля ей повинуются, гондуютъ: хто стараяешься пшеницею Христовою быти, збери свои вси побожныи аффекта въ снопъ, а ставъ предъ тымъ мысленнымъ снопомъ въ поклоненіе. Кланяются тому снопу снопы земной пшевицы зацныя, царскою короною оадобячіе, припадають царіе, кланяются архіереи, іереи, духовный чинъ и мірскій, богати и убоги,—лицу твоему помолятся богати людетіи. Але певне изъ остаючої пшевицы святыхъ снопы тому жъ снопу достойный поклонъ выражаютъ. Овыи двадесять и четири старцы, вѣнцы полагающе, и тыи жъ, що къ Сыну ея, слова и къ ней мовять: „достойна еси, госпоже, пріяти славу, и честь, и силу“. Ба и вси горніе и доліе едностайне зъ наближайшимъ поклономъ то признають: достойно есть, яко воистину блажити тя, Богородице.

Отдаемъ должный поклонъ и мы вси тебѣ, о пренебесная хлѣба животнаго пшевице, и нѣбы (аки) снопы по путехъ, на стогнахъ простертымъ тѣломъ пометаемъ у пречистыхъ и пресвятыхъ ногахъ твоихъ. Наши снопове кланяются твоему снопу. А кланяючися молбы наши грѣшніи вносимъ, жебручи (алчущи) вси пріяти отъ исполненія твоего пшевицу крупицъ благодати твоея. Мудрая Дѣво, уцѣломудри насъ! Агнице Христова, незлобіа, кротости, смиренія научи насъ, и сотвори ны быти овцы десницы Христовы. Раба Господня, до работы не лѣнностной Богу взбуди и заохоти насъ! Источниче Жизни, оживи насъ животными благодати твоея водами! Апостольскій Вѣнче, увѣнчай насъ милостію и щедротами празднующихъ радостно обживки духовнаго твоего жнива! О пренебесная пшевице, питай насъ хлѣбомъ и душевнымъ и тѣлеснымъ во вся дни житія нашего! А гды приидеть жатва смертная временному житію нашему, въ которомъ наибольшъ плевеловъ а пшевицы мало, овшемъ у другого яко и у мене грѣшного ни зернети: ты преблагословенная, умолившая Сына претворити воду въ вино, тыми жъ молитвами плевелы наши претвори въ пшевицу, и сама тую пожни, сама собери, сама запровадь насъ до небесныхъ жит-

ницѣ, абысмо тамъ не якъ теперь здалека, але уже зблизка, лицомъ ко лицу Сыну твоему и Богу нашему, животному хлѣбу, а по Бозѣ тебѣ пречистѣй Богородицы, духовной пшеницѣ, поклоненіе, честь, славу и благодареніе воздавали со всеми святыми во вѣки.

Аминь.

Слово на Рождество Христово.

Въ лѣто 1698 въ Чернѣговѣ. Декаврія
25 день.

Таинство странное вижду и преславно:
небо сущу пещеру.

ыдался Богъ зъ секретовъ зъ таинствъ, слухачу православный. Недивно: пришолъ межи люде, на земли явися и съ человекѣки поживе; а межи людми щожъ коли утаитися можетъ? ничтоже утаено. Поки сидѣлъ Богъ на небѣ, на своемъ Божскомъ маестатѣ, сѣдяи во славѣ на престолѣ Божественномъ (Варух. III, 38), поти никто не зналъ Его секретовъ, Его таинствъ, а нѣ приближшии его покоевии святѣи аггелы: отъ вѣка утаенное и аггеломъ недо-вѣдомое таинство. А яко зступилъ зъ неба на землю, скоро завиталъ межи люде, ажъ о его секретахъ, о его таинствахъ, нетылько побожныи люде, яко то святѣи Иосифъ, праведная Соломіа; нетылько поважныи персоны, яко то три восточныи царіе, але и быле простацтво, пастухи, динскуруютъ, говорятъ, секрета розносятъ: сказаша о глаголѣ, глаголанномъ имъ о отро-чатѣ семъ. (Лк. II, 17).

Одинъ тылько волъ зъ осломъ молчатъ, хоць и долгии языки мѣютъ. Що вѣдаты, если бы осель мѣлъ розумъ людскій, чи чи не помыслилъ бы стоячи при яслехъ: колибъ тутъ былъ мой продокъ, осель той, що возилъ на себѣ пророка Валаама, а говорилъ по человекеску: певне бы той тутъ не молчалъ,

щось бы проговорилъ, бо онъ доброе чуль ушима своима, що оный пророкъ на немъ сѣдячи мовилъ: возсіяетъ звѣзда отъ Іакова и востанетъ человекъ отъ Израиля (Числ. XXIV, 17). А вошь шо? если бы и той мѣль розумъ, певне бы помыслилъ: гды бы тутъ былъ вошь оный, котораго Іезекіиль пророкъ видѣлъ межн шестма крилами херувимскими, лице телче, той нетылько бы заговорилъ, але и заспѣвалъ бы воплощенія Божія тайну: воспѣша четыре животна (Іезек., I).

Еднымъ словомъ выявилися секрета Божіи, таинства; спѣваетъ нынѣ церковъ: таинство странно вижду и преславно. А еще чировныи секрета? цѣлое небо, зъ солнцемъ, мѣсяцемъ, зъ звѣздами, ба зо всѣмъ маестатомъ Божимъ втиснулося въ одну шуплюю Виѣлеемскую пещеру: небо суцу пещеру. Цѣлый хоръ херувимскій, котораго личба несказанная, тысящи тысящей, тмы темъ, на нихъ же Богъ почиваетъ, уступили функціи своей единой дѣвицы, пречистой и преблагословенной Дѣвѣ Маріи,— престоль херувимскій дѣвица. Цѣлыи скарбы, богатства, сокровища Божіи незличоныи, неопалованныи, всѣми небами незмѣщонныи, въ едины тѣсныи яселка зложено, змѣщено и горсткою сѣна открыто: ясли вмѣстилища. О заправдѣ таинство великое, странное и преславное въ нынѣшній Рождества Христова праздникъ свѣту есть явленно! а явлено на то само, бы о немъ люде не молчали, говорили; бо то тылько тайну царя земного добро есть таити; а царя небеснаго таинства, дѣла Божіи проповѣдати преславно есть.

И дивная натура секретовъ Божіихъ, не якъ секретовъ людскихъ! Секретъ человекскій, гды скажешь разъ другій, одному, другому, ужежъ всѣ его добрѣ знаютъ; а секрета Божіи имъ болшь о нихъ мовишь, дишкуруешь, имъ множайшимъ проповѣдуешь, тымъ суть секретнѣйшии, труднѣйшии, недовѣдомщи: неиспытаны суть судове его, неизслѣдованы суть путіе его. Мовити еднакъ о нихъ треба: бысь былъ камень, возопій, неумолчи, проповѣдуи и прославляй таинства Божіи странныи и преславныи.

Давши жъ покой (для короткости часу) инымъ таинствамъ Божимъ страннымъ и преславнымъ при Рождествѣ Христовомъ дѣючимся, сіе тылько едино возмѣмъ себѣ до уваги и толкованія таинство: небо суцу пещеру: для чего и яко небомъ есть пещера, и шо за секрета, яковыи таинства въ томъ небѣ?

Секретъ то неменьшій таинство, ба и чи догадаемся, яко то земная пещера стала небомъ? чи то земля претворилася въ небо, читежь небо премѣнилось въ землю? обѣ тыи рѣчи суть неподобны. Що до матеріи, суть тѣлеса небесная и суть тѣлеса земная, но ина есть небеснымъ слава, ина земнымъ: ина матерія небо, ина матерія земля; ни матерія небесная можетъ быти землею, ни матерія земная небомъ. Еднакъ що до нынѣ дѣющагося таинства, не помиллимся, гды на обое произволимъ; не на стѣны пещерныя, но на матерію земли гляючи, але на таинство, въ пещерѣ дѣючоеся, смотрячи, безпечнѣ речемъ: стала земля небомъ, стало небо землею.

Двое гости нынѣ на опочинокъ до пещеры завитали: зъ земли и зъ неба. Первый человекъ отъ земля перстный, то гость единъ, странный зъ Назарету, во утробѣ дѣвической принесенный; второй человекъ Господь съ небесе, то гость другій, странный, не зъ близка, зъ неба. Въ первомъ естество отъ брєнія взятое, земля то; въ другомъ естество отъ превыше небесъ сошедшее, мовлю, же небо то, Господь съ небесе. Стается Богъ человекомъ, а человекъ Богомъ: стается то небо землею, а земля небомъ: и не такъ стается небо землею, бы престало быти небомъ; ни земля такъ стаетъ небомъ, бы престала быти землею. То есть: не такъ стается Богъ человекомъ, бы престалъ быти Богомъ, ни человекъ такъ стается Богомъ, бы престалъ быти человекомъ, але обое то такъ зъ собою злучактся, якъ во ономъ сакраментѣ, о которомъ апостоль: будета оба въ плоть едину (Ефес. V, 31). А тутъ въ лице едино, яко красне глаголетъ Дамаскинъ: „не во двоицу раздѣляемъ, но во двойцы естество несмѣсно познаваемъ“. Такое таинственное небо зъ землею, ба зъ человекомъ злученіе, въ Виелеемской пещерѣ, гды совершается, ажъ пещера небомъ: небо суцу пещеру; але простѣй уважаючи: стала пещера небомъ, гды пріяла внутрь себе небснаго Бога и вся небсныя силы. Богъ со всѣмъ небомъ въ пещерѣ, прето пещера небомъ: небо суцу пещеру.

Былъ той часъ, же колисъ и небо походило было на пещеру, на вертепъ, а на вертепъ разбойниковъ, гды въ немъ затаился былъ единъ лотръ, збойца, которого апостоль зоветъ человекубійцею исконѣ, затаился, бо рече въ умѣ своемъ: на небо взыйду, — то нишкомъ, потаеннѣ, здрадецко, позлодѣйску, и

поразбойнишку, да украдетъ и убіетъ, а еще зъ чи малою гвардією: хоботь его отторже третію часть звѣздъ, то есть аггеловъ. (Апок. XII, 4). Покижъ то постережено, поки того разбойника, злодѣя зъ гвардією его зъ неба выпхнено, выгнано, на той часъ небо походило было щось на вертепъ разбойниковъ; а теперъ—хвала Богу—вертепъ земный много походилъ на небо: небо сущу пещеру.

Где стоитъ быдло,—хлѣвъ то, гдѣ живутъ люде святыи,—рай то. Гдѣ туляется разбойникъ,—вертепъ то; гдѣ водворяется Богъ,—небо то. Богъ въ пещерѣ, пещера небомъ; и рай колисъ на хлѣвъ былъ походилъ, гды въ немъ человекъ, преступивши заповѣдь Божію, приложився былъ скотомъ несмысленнымъ и уподобился имъ. И небо, яко рекъ, было накшталъ вертепа, а о вертепѣ Виелеемскомъ яко на сей часъ разумѣти? лѣпшъ дѣжъ о раю, яко о самомъ небѣ. Въ Виелеемской теперъ пещерѣ на кого глянь, все люде святыи: святой Іосифъ святъ, старица Саломіа свята, и пастушковъ почитай межи святыми, и царей восточныхъ хоць въ календаръ пиши, нужъ самая надъ святыхъ святѣйшая, пречистая и преблагословенная Дѣва; а Христось есть древо животное, отъ него же ядый не умираю. Лѣпшимже ты теперъ естесь, вертепе, за Христа раемъ, анѣжъ колисъ за Адама едемскій рай, але що тебе звати раемъ, гды ты церковь самымъ титулуешь небомъ: небо сущу пещеру.

Небо престолъ есть Божій, а и въ пещерѣ Богъ сѣдитъ на престолѣ святѣмъ своемъ, на рукахъ дѣвическихъ. Чимже пещера теперъ менша отъ Бога? Гдѣ Богъ, тамъ заисте небо, посвѣдчитъ того единъ трипѣснець предпразднственный на павечерѣ читанный, въ которомъ на концу стихокъ таковый: „обхождаху аггелы, якоже престолъ херувимскій, ясли, вертепъ бо небо зряху, лежащу въ немъ владыцѣ“. Уважаймо тыи словка: „вертепъ небо, лежащу въ немъ владыцѣ“: поки въ вертепѣ не было владыки Христа, вертепъ былъ вертепомъ, а яко положился въ немъ владыка Христось, ажъ вертепъ уже не вертепъ; щожъ? небо. Самыи то аггельскіи увидѣли очи, вертепъ небо зряху, лежащу въ немъ владыцѣ.

Добрѣ въ Богоявленскихъ гимнахъ (пѣніяхъ) сѣвають на литіи: „идѣже цареве пришествіе, тамо и чинъ его приходитъ“. Вшолъ царъ небесный до земнаго вертепа, вшолъ весполь и

чинъ его небесный, вошло съ нимъ небо, зъ цѣлымъ маестатомъ своимъ небеснымъ, на сей часъ Богъ зъ эмпирейскаго неба перенеслся до Виелеемскаго вертеца. Не тылько бовѣмъ тутъ Богъ Сынъ рожденный, але и Богъ Отець, родивый предвѣки Сына, тутже есть. Глядячи бовѣмъ на Сына, глядимо на Отца, яко самъ Сынъ мовить: видѣвый Ми, видѣ Отца (Іоан. XIV, 9); тутже и Духъ Святыи, дивное и несказанное рождество Христово справуючий. Ажъ тутъ въ вертецѣ цѣлая святая Троица, царь то небесный. Щожь далѣй? тужъ при немъ и чинъ его небесный, ассистенція небесная, двадесять четьри старцы, поважны оны сенаторове, шендивыи старушкове, що то въ коло маестату Божого, окрестъ престола агнча сѣдять честно, а гусли въ рукахъ ихъ: тыи видячи Господа своего агнца, же на сей часъ обраль себѣ вмѣсто неба вертецъ Виелеемскій, вмѣсто престола небеснаго ясли, и яко агнецъ въ яслѣхъ на сѣнѣ: и оны зъ своею повагою тудыжся до вертеца всунули. А оточивши яселка около, достойнымъ новорожденного своего царя поклонномъ учили: двадесять четьри старцы надоша и поклонившася, а взявши гусли свои, приигравають маленькому дѣтинци, тѣшатъ плачущаго, воспѣвають текстъ овыи: достоинъ еси, агнче, пріяти силу, и богатство, и премудрость и крѣпость, и честь, и славу, и благословеніе (Апок. IV, 10--11). А гдежь бовѣмъ тою вдячною власне агнеци принадлежачею пѣсенкою привитано агнца напродь, ажъ не въ стайнѣ, гдѣ Сынъ Божій напродь почаль быти агнцемъ? гдѣ бовѣмъ онъ агнцемъ почаль быти? заправдѣ не въ небѣ. Въ небѣ не агнцемъ, але лвомъ былъ страшнымъ, дрижали предъ нимъ горы, по писанному: аще отверзеши небо, трепеть принмуть горы. Траслися предъ нимъ фундамента земныи: призираяи на землю и творяи ю трястися, прикасайся горамъ, и воздымятся (Псал. СІІІ, 32); яко на Синаи, гдѣ просятъ Израильтяне Моисеа: да не глаголетъ къ намъ Господь, да не когда умремъ (Исх. II, 19). Левъ былъ сргій, живучи на небѣ. Где жъ zostалъ агнцемъ? на земли. Въ которомъ мѣсцу? въ Виелеемской стайнѣ. Напродь гдѣ положися? на сѣнѣ. Тамъ теды и пѣснь тая, достоинъ еси агнче и прочая, скомпонованна и не въ небѣ, але тамъ напродь отъ сенаторовъ небесныхъ заспѣвана: то сенаторове, нужъ слуги, жолнѣрство.

Архистратигъ Михаилъ, архангелъ Гавриилъ, овъ яко передпѣйшій чести Божой сторожь, а овъ яко першій воплощенія Божія секретарь, оба тутъ же, а еше не самы, але со вѣми небесными силами: бысть со аггеломъ множество вой небесныхъ, хвалящихъ и поющихъ Бога (Лк. II, 13). Уважити тыи двое словка: вой поющихъ: и вой и пѣвчїе, и музыканты и жолнѣрство. Въ одной руцѣ кантика, а въ другой мечъ. Такъ то власне, якъ Давидъ мовить: возношенія Божія въ гортани ихъ и мечи обоюду остры въ рукахъ ихъ. (Псал. CXLIX, 6). Едни небесніи концерты спѣвають, а реентуеть имъ святой архангелъ Гавриилъ, неувядающею хоць въ зимѣ, даючи такты лелѣю (Гавриила имуще чиновачальника); другїи готовы до бою, сотворити отмщеніе, а воевождствуетъ имъ святой архистратигъ Михаилъ зъ мечемъ обнаженнымъ, даючи гасло: кто яко Богъ, Богъ воплощенный? Такъ святыи аггелы своего, аггеловъ, Творца, отъ чистѣйшой надъ аггеловъ дѣвицы рожденного, и пѣснями славятъ, здоровья его въ натурѣ людской новопріятой остерегаютъ: сотворити отмщеніе. Вара, неприятель, ты Ироде, вара; представлено тутъ множае дванадесяти легионовъ аггелъ.

Такъ, гды зъ новорожденнымъ въ вертепѣ царемъ небеснымъ весь чинъ его небесный прошоль въ вертепъ, опустивши небо: будь же ты на сей часъ, небо, порожнимъ вертепомъ, а ты, вертепе, будь полнымъ небомъ,—небо сущу пещеру.

Нужь що до иныхъ оздобъ небесныхъ, яко то солища, мѣсяца, звѣздъ, все то на сей часъ въ Виелеемской пещерѣ, яко въ истомъ небѣ знайдешь. Младенець во яслѣхъ,—то солнце наше, свѣтъ нашъ, сіяніе славы Отча: тебѣ кланятися солнцу праведному. Пресвятая Богородица при яслѣхъ—то мѣсяць молодой, оразъ и вповнѣ. Молодой, бо новый, яко мовить Писаніе: ново сотвори Господь на земли, жена окружи мужа. Новина то, же дѣва небрачная раждаеть, и по рождествѣ царя дѣва; новинка то на свѣтѣ первая и послѣдняя, таковая дѣвица, которая Мати Богу и дѣва, раждаючи и дѣвствующи, паки: два роги того мѣсяца: дѣвство и матерство. Дѣвство вышше аггелъ сягаеть а и матерство ставаеть обокъ маестату Божого: предста царица одесную (Пс. XLIV, 10). Той молодой мѣсяць оразъ есть и вповню, благодати Божой полная. Тужъ святой праведный Иосифъ, а и старица Соломіа не зъ грѣшныхъ личбы:

звѣзды то годныи неба, опрочь той звѣзды, що надъ вертепомъ; пришедши звѣзда ста верху. Не мѣйтежь той пещеры за простую пещеру, але за истое небо, бо мѣеть въ себѣ солнце, мѣсяць и звѣзды,—небо сущу пещеру.

Небомъ пещера, а небомъ таинственнымъ: таинство вижду. Секрета то суть, въ томъ небѣ, а якъ же бь намъ донти тыхъ секретовъ? Зъ имени часомъ познавають дѣло, изъ назвиска самой рѣчи доходятъ. Уважайможь едно словко тое: небо, и доходмо таинства.

Небо на самомъ своемъ початку, скоро только стало отъ Бога сотворенное, яко было названно, яковымъ словомъ, яковымъ языкомъ, яковымъ именемъ—кто знаетъ? А хто-жь лѣпшѣ мѣеть знати, яко святой пророкъ Моисей, который писалъ Бытейскую книгу, а писалъ не зъ себе, лечь зъ усть аггеловыхъ. Есть знанье церкви святой, яко о томъ мѣсяца Марта въ 26 день пишется, же, повелѣниемъ Божиимъ, святой архангелъ Гавріилъ диктовалъ Моисеови о созданиіи міра, и що онѣ диктовалъ, то Моисей писалъ. Хто жь бовѣмъ, и якъ бы могль знати, яко создалъ Богъ свѣтъ тотъ, если бы о томъ не открыто чрезъ аггела? тутъ же еще пытаніе: якимъ же языкомъ диктовалъ аггелъ, а Моисей писалъ? Знанье есть учителей, же неиншимъ языкомъ диктовалъ аггелъ, а Моисей писалъ, тылько еврейскимъ языкомъ, бо то былъ языкъ најчестнѣйшій и святѣйшій отъ иныхъ языковъ, а до писанія Божественныхъ книгъ приличнѣйшій. И если то треба уже было почати въ свѣтѣ, божественный святыи книги писати, то треба было почати писать святымъ Еврейскимъ языкомъ. Поеврейску теды святой Гавріилъ говорилъ, а святой Моисей поеврейску писалъ. Скажижь намъ, Моисею святой, якесь ты поеврейску написалъ „небо“? Далекъ святой Моисей до розмовы, близко суть книги его толковники; тыи скаауютъ, же Моисей святой, во своемъ языку святомъ написалъ небо: скамаимъ. Непервѣи люде умѣли звати небо небомъ, первѣе его звали „скамаимъ“.

Щожъ тое словко разумѣется „скамаимъ“? въ нашемъ языку, якъ его назвати? Повѣдають толковники, же тое словко выкладается: „водное“, скамаимъ—водное, альбо воднистое, и выводить то такъ: воды безденныи, надъ ними же ношашесе Духъ Божій, въ еврейскомъ языку зовутся: скама. Въ тыхъ водахъ,

певную часть воды Богъ отлучивши, огустилъ, ствердилъ, якъ кришталъ, альбо діамантъ презорчистый, рече Богъ: да будетъ твердь посредѣ воды, и бысть твердь (Быт. I, 6). Тую твердь назвалъ Господь скамаимъ, то есть: водная, же отъ воды со-творенная, якожь и наши очи видятъ, же небо воднистой есть барбы; а такъ небо напочатку званно: скамаимъ, воднистое.

Туть же приступѣмъ до таинства неба пещернаго; мовится, же пещера есть небомъ (небомъ мистичнымъ, таинственнымъ, нематеріальнымъ); тѣ таинственное небо пещера и другіе небеса также таинственны въ себѣ мѣеть. Раздѣлѣмъ же тое все на трое небесъ, а то кшталтомъ апостола Павла, до третіаго небеси восхищенна бывшаго.

Першое нижшое небо будъ Виѣлеемская пещера.

Другое вышшое небо—пречистая и преблагословенная Дѣва, такъ ей и зовутъ: что ты наречемъ, о обрадованна? небо.

Третее — наивышшое эмпирейское небо, бо оттоль сошедый Богъ воплощенный въ дитинномъ тѣлѣ, лежащій въ яслѣхъ, пеленами покрывающися, яко небо облаками.

Що до першого неба, пещеры Виѣлеемской, тая положеніе свое мѣеть при Виѣлеемѣ, въ земли еврейстѣй, не барзо далеко отъ Іерусалима, столицы еврейской, и если кому зъ побожихъ: чи то святому Іосифу, чи старицы Саломіи, чи пастушкомъ, чи парамъ: если треба было пещеру тую, для застаючою въ ней Христа назвати небомъ, то неиначей ю назвалъ, ено поеврейску, яко въ земли еврейской: скамаимъ, воднистое.

А и самую рѣчью походило на воднистое, бо якъ повѣствуется отъ достовѣрныхъ, въ самый той часъ, въ которой чистотою вѣчною запечатлѣнная, и дѣвствомъ хранимая, дѣвическая врата Господь нашъ прешель есть,—заразъ жродло живой воды, въ той же пещерѣ зъ землѣ выплынуло, и трвало тое жродло. Поки тамъ оставалъ младенецъ Христоръ и пресвятая Богородица, и святой Іосифъ, ажъ пещера тая заисте на той часъ была небомъ воднистымъ.

Що до другого неба, до пречистой и преблагословенной Дѣвы Маріи, небо то заисте, небо высокое: воистинну вышше всѣхъ еси, дѣво чистая, небо широкое: чрево твое пространнѣйшее небесъ содѣла. Небо свѣтлое, солнцемъ Христоромъ просвѣщаемое, небо воднистое, дождя и росы Духа Святаго испол-

ненное, и всёхъ насъ благодати своими орошающее: всёмъ скорбящимъ радости,—все то роса благодати, зъ того неба на насъ изливаючихся.

Що до третіаго неба, до младенства Христова, и то небо есть воднистое, воднистому небу зъ водъ безденныхъ сотворенному подобное, альбо рачей: воднистаго неба, зъ водъ безденныхъ учиненного, образованіе, подобіе въ себѣ мѣеть, а мѣеть таинственно: таинство вижду. Станмо ено умомъ нашимъ при входѣ пещерномъ, а внутренне жши очи, хоць притупленные суетою, пошлѣмъ внутрь, и влелѣмъ ихъ въ лежащаго въ яслѣхъ младенца а слезы зъ очесъ гочащаго и пытаймо самыхъ себе въ самѣхъ себѣ: що то за младенець? есть то струмень, потокъ водъ животныхъ, отъ Бога Отца предвѣки истекшій, а напоследокъ лѣтомъ отъ пренайчистой утробы дѣвической, на подолъ земный сплынувшій, и хоць тое немовятко еще не говоритъ, а уже у него на языку тые слова: жакдай да грядеть ко Мнѣ и піеть (Іоан. VII, 37—38). Що мовлю потокъ? есть то рѣка, ба рѣки: отъ чрева его потекутъ рѣки воды живы, есть то море глубины безденной: о глубина богатства, премудрости и разума. Божія; есть то бездна судебъ, бездна милосердіа: неизслѣдную милосердіа твоего призываю бездну,—скама воды безденной.

Надъ тыми водами безденными, надъ тою бездною, носится Духъ Божій, бо отъ Отца исходяй, и на Сынѣ почиваяй, и воплощенія Слова совершаетъ Духъ Святыи [воплощагося отъ Духа Свята]. Мѣеть же тутъ конечнѣ быти и твердь; смотрѣмъ ено пилно.

Твердь въ той божественныхъ судебъ и безмѣрнаго милосердіа безднѣ, зъ тыхъ безденныхъ духовныхъ водъ походячая, не иная есть, ено твердая его любовь къ роду человѣческому: положилъ еси къ намъ твердую любовь твою, Господи. Твердая то любовь, для которой Сынъ Божій опустивши небо, вступилъ на землю, зъ Бога стался человѣкъ, зъ богатаго жебракомъ, зъ пана слугою: не придохъ [мовить] да послужать ми, но да послужу имъ (Мтѣ. XX, 28): тако возлюби Богъ міръ. Твердая то любовь, для которой Богъ нашъ, Творецъ нашъ, не стыдится насъ братією нарицати: вы друзи мои есте (Іоан. XV, 14), мовить. Твердая то любовь, для которой без-

смертный пришоль умерти: крѣпка яко смерть любви. Твердая то любовь, для которой пришоль положить за насъ душу свою: болши сея любви никто же имать, да аще кто положить душу свою за други своя (Іоан. XV, 13); колибже за други, не диво бѣ: а то не за други, але за недруги, за головныи свои непріятели, за грѣшники, яко мовить апостоль: составляетъ свою любовь въ насъ Богъ, яко грѣшникомъ намъ сущимъ, Христосъ за ны умре (Римл. V, 8). Знайможь яко улюбилъ насъ твердо,—такъ возлюби Богъ.

Описуючи апостоль Христово отъ Дѣвы рождество, мовить: равень Богу, себе умали (Филипп. II, 6—7). Иеронимовъ переводъ читаетъ: „себе истоши“, вынищилъ, выдалъ; такъ насъ улюбилъ Богъ, же вынищилъ себе, выдавши намъ вси skarби пренебеснаго богатства своего, и якобы уже немѣючи болшъ, що дати, далъ намъ наостатокъ себе самага, себе истоши; а истошилъ такъ, же свѣтъ непрístupный будучи, темностію окрылся, слово отчее предвѣчное суци, пророками глаголавшее, зосталъ немовяткомъ; крѣпкій и сильный будучи, маломоществовати изволилъ въ младенческомъ тѣлѣ; потокъ жизни, самъ жаждеть; хлѣбъ аггельскій будучи, алчетъ; вездѣ сый и вся исполняй, не имать, гдѣ главы подклонити, бѣжитъ въ Египеть: такъ себе для любви нашей истошилъ, вынищилъ,—такъ возлюби.

Досвѣдчили тыи, которые збытною любовью назвали восхищеніемъ ума, захвѣченемъ, жеся чловѣкъ запинаеть. Зъ збытною любви своей къ намъ Господь Богъ [же такъ повѣмъ] якобы себе запоминаеть, бо себе вынищивши и якъ бы себе оставивши, весь умъ свой, весь разумъ свой, имъ же и вѣки сотвори, всю свою премудрость, влѣпилъ въ насъ, во спасеніе наше, пославши намъ Сына своего: такъ возлюби Богъ міръ, яко Сына своего единороднаго далъ есть (Іоани. III, 6).

Госноди, щожъ тебѣ по насъ непотребныхъ? ты естесь свѣтъ пренебесный, всю тварь озаряющий, а мы едина грубая Египетская осязательная темность. Ты естесь чистоты жродло [источникъ], а мы скверный потокъ смрадный. Ты естесь піенкность, всякую оздобу преходячая: красота въ десницѣ твоей въ конецъ (Псал. XV, 11); а мы едина шкаредная шпетность, яко о насъ Іереміа мовить: потемнѣ паче сажъ образъ ихъ (Плачь,

IV, 8). Ты естесь, еже естесь, а мы единое ничего, есмы и не есмы, и яко бы насъ не было противъ твоей бытности. Къ чему жъ мы тебѣ придамося? Але превеликая его любовь есть яко экстазисъ, ничего ни уважаетъ, якобы себе запоминаеть; и хоць естесмо темни, скверны, шетны, и ничего: любовь единакъ его божественной, превеликой, [если тылько сами до него ся съ покаянiемъ горнемъ], естесмы [иле въ людехъ святыхъ] и свѣтлы, и чисты, и шекны, и шось надъ аггеловъ: не отъ аггелъ бо когда приѣмлетъ, но отъ сѣмене Авраамля приѣмлетъ. Такъ къ намъ положилъ твердую любовь свою Господь,—такъ возлюби (Евр. II, 16)! о любви твоя, человекѣлюбче! атожъ то твердь въ той безднѣ: любовь въ его милосердiю къ намъ твердая, божественная.

Тая твердь, твердыя къ намъ любви Божiа есть намъ правдиве небомъ; а небо тое есть скамаимъ, воднистое, Христось Господь наливаючiй нынѣ зъ очей своихъ слезы. А наливши потомъ на крестѣ зъ пречистыхъ ребръ кровь и воду, выполнить слова Давидовы: яко вода изляхся (Псал. XXI, 15). Ба и самая натура наша, отъ него нынѣ прiятая, есть водѣ подобна, яко Фекуитыа мовить до Давида: вси бо умирающе умираемъ (II Пар., XIV, 14), и яко вода, изливаемая на землю, не соберемся. И народы для которыхъ откупленiа пришлоъ сынъ Божiй, все то суть воды (Апок. XIX, 6): воды, яже видѣлъ еси, народы суть. Воднистое теды есть небо въ пещерѣ Виелеемствiа, новорожденный младенецъ въ естествѣ нашемъ доводъ того ясный: якъ зъ неба сходить дождь альбо роса, такъ зъ пренасвятѣйшихъ очесъ Христовыхъ, въ младенчествѣ плачущихъ, исходятъ слезы. Молили праотцы: да кропятъ небеса свыше росу; атожъ мѣють желаемую росу, слезы Христовы, зъ таинственнаго неба, естества въ немъ человекскаго.

Дождь зъ неба, или поливень, гды поидеть, люде идучiи зостановляються трохи десь подъ дахомъ. Мысленный дождь отъ мысленнаго неба, слезы зъ очесъ Христовыхъ видячи, зостановимся тутъ трохи въ матерiи о небѣ, але барзо небу близкою матерiею: о слезахъ Христовыхъ.

Не вопрошалъ былъ причины (вины) слезъ Христовыхъ, гды былъ не видѣлъ необычнаго рождества его. Всѣмъ младенцомъ, дѣтемъ, звычайно плакати: мѣють то зъ природы ро-

дившиися плакати. И младенецъ Христосъ, взявши на себе натуру нашу, плачетъ ведлугъ естества чловѣческаго, яко младенецъ; але не ровно всѣмъ прочимъ младенцомъ, якъ бовѣмъ рождество его, такъ и младенчество его, а затымъ и плачь его есть необычный. Посполитіе маленькіе дѣти плачуть, сами не знаютъ, чего плачуть, бо не имѣють еще розуму, не мыслятъ, ажъ то толисъ зачасомъ подростуючи, почнуть потроху смыслити и разумѣти. Плачетъ Христосъ маленькій, але уже и знаетъ, чего плачетъ.

Есть зданье учителей святыхъ, же Христосъ Спаситель, хоць въ маленькихъ [яко несетъ трыбъ натуры людской] члонкахъ родился, але зъ цѣлымъ розумомъ, яко Божія премудрость. Росль тѣломъ, а розумъ у него жадного не потребоваль рощенія, зъ совершеннымъ тымъ розумомъ родился, которомъ было треба во все время житія его земнаго, skutечныи спасенія нашего вынаходити сродки; отоль то святой пророкъ Исаіа о немъ мовить: отроча родися намъ, сынъ дастся намъ, отецъ будущаго вѣка (Ис. IX, 6). Отроча вкупѣ и отецъ: отроча по естеству младенческому, отецъ по розуму совершенному; еще отроча тѣломъ, уже старый дѣдъ розумомъ: ветхій денми младенчествова волею, для чого и церковь спѣваетъ: рождество твое, Христе Боже нашъ, возсія мірови свѣтъ разума; показуючи то ясно, же Господь нашъ зъ совершеннымъ розумомъ родился и всего міра научиль розуму. Если теды Господь нашъ съ совершеннымъ розумомъ родился, то уже вѣдаетъ, чего плачетъ. Ищѣмъ же причины плача его.

Можемъ о дѣтехъ маленькихъ мовити, же хоць безъ розума плачуть, еднакъ же ихъ може щось долѣчаетъ: чи то будеть дитинѣ зимно, чи потуго пеленами стиснуть, чи тежъ голодно, покарму персій материнскихъ хочеть. Могло, ба и муѣло хоць волею и отроча Христосъ, яко въ натурѣ людской, тоежъ утерпѣти. Было и зимненно суфтелнымъ члоночкамъ, и пеленами вязано, и сосца материя было треба: естество младенческое, младенческии слезы зъ очей его вытискало; але розумъ его божественный, не младенческии, лечь мужескій, не безпричинныи зъ зреницъ его пренайсвятѣйшихъ выпроважалъ слезы. И не такъ плакаль для своихъ яковыхъ пассій, для своихъ яковыхъ младенческихъ долегливостей, яко для нашихъ бѣдъ и золь.

Скоро глянуль въ міръ всего лиха полный [весь міръ во злѣ лежитъ (Іоани. V, 19), заразъ слезами залился; а сіи его слезы, въ первыхъ дняхъ житія его проливаемыи, ровны суть тымъ слезамъ, которыя потомъ проливалъ въ тридцать въ полчвартомъ году надъ Іерусалимомъ.

Читаемъ въ евангеліи отъ Луки святаго: ѣдетъ Христосъ Спаситель на оселку до Іерусалима, а то уже на страсть волну; зближается до брами Іерусалимской, ажъ тутъ противъ него поважная стрѣча: подвижеса весь градъ, шаты стелють подъ ноги, ваіа отъ древесъ, маленькіе дѣти ссущіи съ сосца выкрикають: осанна сыну Давидову, благословень грядый (Мтѣ. XXI, 15)! Въ такъ поважномъ зпотканю и плявцахъ, Христосъ Господь нашъ почнетъ разомъ плакати рено: мовить Лука святыи, яко приближися, видѣвъ градъ, плакася (Лк. XIX, 14). Вопросиль бы кто: чесо ты, Господь нашъ, въ такъ радостномъ тріумфѣ плачешь? отказаль бы кто: недивно, видить, яко всевидецъ, же поколку днїи тойже народъ, который ему снѣваецъ осанна, будетъ предъ Пылатомъ кричати: распни, распни (Лк. XXIII, 21). Видить предъ очима крестъ, видить столпъ, видить гвозди, копіе, гробъ, однимъ словомъ все свое страданіе видить, и прето прослезився плакаше. Я не иму вѣры, пытаю Луки святаго: святыи евангелисто, хоцесь ты и не былъ на той часъ при Господѣ, босъ уже по вознесеніи его присталь до апостоловъ, еднакъ же отъ самѣвидцовъ слова добре моглесь о томъ слышати, чого то Господь нашъ, вѣѣжжаючи до Іерусалима, плакаль? Скажи намъ. Лука святыи отсылаецъ до евангельской своей книги, а въ той пишеть такъ: видѣвъ градъ плакася о немъ гмаголя: аще бы еси разумѣль ты, яко прїидуть днїе на тя, и обложатъ врази твои острогъ о тебѣ, и обйдуть тя, и обоймутъ тя отвсюду, и разбїють тя, и чада твоя въ тебѣ, и не оставятъ камене на камени въ тебѣ (Лк. XIX, 41—44).

Смотрѣмъ причины слезъ Христовыхъ: не плачеть о себѣ, видячи крестъ свой, гробъ свой: плачеть о бѣдѣ людской, видячи зближающееся разореніе Іерусалима.

Щожъ бысмо розумѣли о слезахъ Христовыхъ въ его младенчествѣ, въ пеленахъ, въ яслѣхъ чого плачеть? Подобно при рождествѣ своемъ заразъ видить, яко всевидецъ, крестъ свой,

трьсть, гвоздіе, копіе, гробъ, и прето яко [хощь младенець але] совершенно розумный плачетъ. Але блаженный Августинъ мовить: множае болѣзнуеть сердцемъ о нашихъ винахъ, неже о своихъ язвахъ: бараѣи долѣгають ему наши бѣды, а бѣды адовы, въ которыя самоволно грѣхами нашими себе вкидаемъ, аиѣжь его яковыи страданія.

Скоро взглянулъ очима въ міръ [якъ бы въ якую дымную пзбу], видить ано безчисленны въ мірѣ грѣхи людскіи, якъ бы яковое огненное вагромаженіе: дрова, сѣно, тростіе; а тое курится запалами грѣховными. Видить походячіе оттоль, яко дымъ, горести, бѣды, пометы Божіи, отъ праведнаго гнѣва Божіа находячіи; видить къ тому неблагодарство и затвердѣлость грѣшниковъ, же у нихъ вотще будетъ трудъ его, [въ трудѣхъ отъ юности— Псал. LXXXVII, 16), вотще страданіе его, вотще вильянье крове его, все то запамяталый грѣшникъ ногами потопчетъ, и прето плачетъ: дымъ нашъ той ему очи выѣдаеть.

Остро ему свѣтъ сей ставится, написано о грѣшнику: неимать прозябнути грѣшникъ яко тернь изострень; а тожь той тернь, очи ему колетъ. Мовить о грѣшникахъ Давидъ: прегорчиша Бога (Псал. V, 11); попросту мовячи: горко доѣли Богу такъ, же и въ Сердцу ему и во очахъ отъ нихъ горко: же мы смѣемся, прето Христось плачетъ. Еднымъ словомъ: горестъ бѣдъ нашихъ грѣховныхъ слезы Христу Спасителю зъ очей точить.

Заправдѣ воднистое то небо, дождь слезный выливаетъ, незадолго почнетъ и кровавою росю кропити при обрѣзаніи. Написано о небѣ: даждь дождь раненъ и позденъ (Іак. V, 7). Сіе наше небо, воплощенное Слово Отчее, даеть теперь дождь раненъ, въ младенчествѣ своемъ кропячи слезами и [при обрѣзаніи] кровію; даеть дождь и позденъ на крестѣ, гды свѣтъ померкнетъ, а онъ источить кровь и воду.

Але не десперуймо: якъ бовѣмъ кровь его, такъ и слезы его, не на тщету нашу, але на ползу и спасеніе наше изливаются.

Страшилъ колісь Моисей: будетъ надъ главою твоею небо мѣдно, подѣ ногами земля желѣзна (Второз. XXVIII, 23), якожь и было тое чрезъ 5000 лѣтъ и болшь. Былъ Богъ твердый,

яко мѣдъ и желѣзо, якъ бы неужитый. Але гды тую твердость нынѣ змягчить, въ плоть младенческую обернуть, и почаль слезами дождити: ужежъ добрая надѣя, же земля наша дастъ плодъ свой (Псал. LXVI, 7). Мовить Богъ: яко же снїдетъ дождь или роса на землю, сице будетъ глаголь Мой (Ис. LV, 10—11). Зъ мысленнаго нашего неба зъ очей плачущаго младенца Христа, нынѣ плынуцій слезный дождь упонть изсохшую сердца нашего землю, отъ того то дождя напоитея умиленїа мытарь въ церквѣ, грѣшница у ногъ его, Петръ внѣ двора Каиафина, и на крестѣ разбойникъ.

Слезы любве суть знакомъ: прослезися Иисусъ надъ Лазаремъ, и глаголаху жидове: видждь како любляше его (Іоан. XI, 36). Слезить Иисусъ въ пеленахъ: видите жъ и вѣдайте, како любить насъ,—возлюбль своя сущая въ мїрѣ, до конца возлюби я (Іоан. XIII, 1).

Быль той, що назвалъ слезы аггелскимъ напоемъ: слезы кающихся вино есть аггелское, ибо радость бываетъ аггеломъ о грѣшници кающомся. Христосъ Господь безгрѣшный, пришолъ на свѣтъ за наши грѣхи ратовати—вземляя грѣхи мїра, плачетъ въ пеленахъ, аки грѣшникъ, але тые его слезы виномъ суть для аггеловъ. Видить, же на его родины завитали гости зъ неба, святыи аггелы, точить для нихъ вино — слезы своя: слезы вино аггелское. Подвеселили аггелы святые виномъ тымъ непосполитымъ, радость аггеломъ, учинили себѣ пѣвнїа и лики, спѣвають: слава въ вышнихъ Богу.

Текутъ слезы зъ очей Христовыхъ, дождь то зъ неба сходитъ. Ба суть то криницы небеснїи на охолоду нашу, на угашенїе огня нашего. Пришолъ Господь нашъ впровадити насъ въ рай, видить при дверехъ райскихъ пламенное оружіе, точить зъ очесъ яко зъ жродель слезную воду, абы тымъ угасиль пламенный херувимскїй мечъ: пламенное оружіе плещи даетъ, и азъ райскїа пици насыщаюся, спѣваетъ церковь.

Але доситъ о дождѣ томъ мысленномъ слезномъ зъ мистичнаго неба, зъ младенческихъ Христовыхъ очесъ исходящомъ, о самомъ небѣ далѣй мову провадмо.

Небо въ латинскомъ языку называется „целюмъ“ отъ „целяндо“, отъ закрытїя, отъ затаенїя. Чого жъ бовѣмъ небо не закрываетъ, не утаиваетъ? Закрыло предъ очима нашими небо

Бога сѣдячого на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ, и серафимовъ окрестъ; закрыло предъ нами диспозицію тріехъ іерархій небесныхъ; утаило многіа обители святымъ зготованные; утаило Божіа богатства невиданные, нислыханные, ихъ же око не видѣ, и ухо не слыша (I Крнѣ. II, 9). Видится, бѣ треба погнѣватися на небо, же такъ поважные, хорошіе, пожаданные рѣчи предъ очима нашими потаило, покрыло; але немнѣй и подяковати небу треба, же и наши немощи покрываетъ, якъ покрывка. Чого то подъ небомъ на свѣтѣ не дѣется? чого люде не чинять? а небо усе то покрываетъ: тылько небо знаетъ да земля. Небо—отъ закрытія, отъ утаенія.

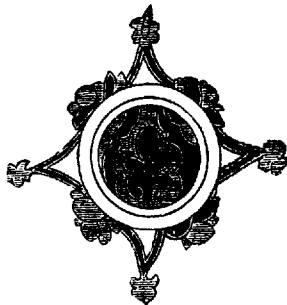
Таинство вижу, небо пещеру, альбо рачей небо въ пещерѣ. Пещерное духовное небо що тежъ въ себѣ закрываетъ и таить? Таить секрета, таинства: закрыло въ себѣ скарбъ неопашованный, отличенный на окупъ нашъ, кровь Христову въ младенческихъ его членахъ: не тлѣннымъ бо златомъ искупитесь (I Петр. I, 18—19), — глаголетъ Писаніе, — но честною кровію агнца непорочна; закрыло въ себѣ Бога зъ небесными чинми. То штука, то секретъ: малый вертепъ великіи въ себѣ змѣстимъ рѣчи невомѣстимы, цѣлымъ свѣтомъ неогорненны.

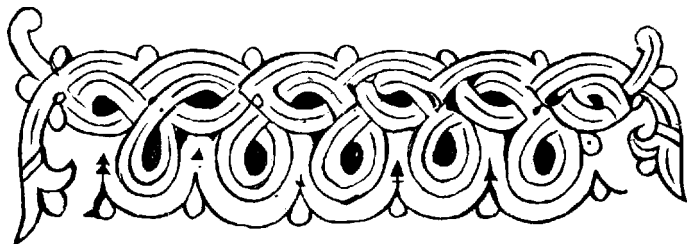
Можется тутъ о пещерѣ той мовити тое, що святой Макарій Египетскій дашкуруетъ о человѣческомъ сердцу; пишетъ бовѣмъ такъ: „сердце сосудъ малъ есть, но въ немъ пріаты бывають вся вещи: тамо Богъ, тамо аггелы, тамо животь и царство, тамо небесныи грады, тамо сокровища благодати“. Подобнѣ можемъ мовити о Виелеемской пещерѣ: пещера мала есть, но въ ней вмѣщаются великіа вещи: тамо Богъ въ лиціи Христовомъ, тамо животь и царство, и сокровища благодати. Вколо аггелы, ба и святой Іосифъ чистъ душею, яко аггелъ; въ лицы Пречистой Дѣвы небесныи грады: преславная глаголашася о тебѣ, граде Божій! Такъ то великіи рѣчи небо пещерное въ себѣ змѣстило, закрыло, утаило, а утаило такъ, же ни знати, ажъ хйба треба альбо звѣзды зъ неба, яко царемъ восточнымъ, альбо аггела доброго, показуючого по знакахъ, якъ постушкомъ, — обрячете младенца, се вамъ знаменіе (Лк. II, 12). То уже що до пещернаго неба; нужъ що до другого вышшого, до Пречистой Дѣвы.

Другое небо Пречистая Дѣва, утаило въ себѣ секретъ непосполитый: тайну тую, о которой апостоль: тайну сокровенную отъ вѣковъ и отъ родовъ, яже пшнѣ явися (Колос. I, 26); и знову: велиа есть благочестія тайна: Богъ явися во плоти (I Тим. III, 16). А утаило предцѣкавымъ довиѣпомъ людскимъ то: яковымъ способомъ родила Бога, и сама дѣвою zostала. Радуйся, свѣтъ неизреченно родившая, радуйся, еже како, ни единого же научившая! Еще тежъ утаило тую тайну и предъ диаволомъ, яко мовить Дамаскинпъ святыи: „да и дѣвство пресвятыя Богородицы и воплощеніе Бога Слова утаятся предъ тмы впаземъ“.

Що до третіаго неба [мовлю] до младенчества Христова, и тое утаило въ себѣ, и, якъ покрывка, покрыло грѣхи, зброднѣ безчисленныи всего міра. А то яко агнецъ Божій, взявляй грѣхи міра, позбиралъ всѣ грѣхи людскіе до купы, абы за нихъ былъ офѣрою, Бога Отца благодаючо. Тутъ преступленіе Адамово, тутъ отцеругательство Хамово, тутъ шкарета Содомитовъ, сирсность Гоморитовъ, балвохвалства, вшетеченства, и инныи пслыханые зброднѣ и беззаконія Израелитовъ, и всего свѣта грѣховныи тяжести въ едно бремя зобрапо, звязанно, и звязанному пеленами Агнцу наложено: взявляй грѣхи міра! А того очима тѣлесными ни видати, ни дозрѣти, бо тайна: тапство вижу, хиба пегулнымъ окомъ вѣры по апостолу: нѣра есть обличеніе вещей невидимыхъ (Евр. XI, 1).

Аминь.

Б р а н ь

Святаго Архистратига Михаила, воеводы силъ небесныхъ, и аггеловъ его съ седмоглавнымъ змиемъ.

При дорочномъ собора аггельскаго празднованіи въ бого-спасаемомъ градѣ Кіевѣ, въ церквѣ Михайловской Златоверхой, проповѣдію слова оголошенная въ лѣто 1697 Ноемврія 8 день, въ прилучившуюся тогда недѣлю 23 по сошествіи Святаго Духа.

Ополчится Ангель Господень окрестъ боящихся Господа.

Цсаломъ XXXIII, ст. 18.

Пришедшу Иисусови въ страну Гадаринскую.

Луки VIII, ст. 26.

Михайль и ангелы его брань сотвориша съ змиемъ.

Апокалипсисъ, гл. XII, ст. 7.

авная небесныхъ духовъ на небѣ бывшая зъ Люциперомъ война обновилася на земли въ сторонѣ Гадаринской, слухачу презащній.

Брань на небеси съ змиемъ, брань на земли съ легеономъ бѣсовскимъ, о которомъ въ нынѣшнемъ недѣльномъ пишется Евангелин: вопросы его Иисусъ, что ти есть имя? онъ же рече: легеонъ, яко бѣсы мнози внидоша въ онъ (Лк. VIII, 30). Сверженній бовѣмъ змій древній, великій, на-

рицаемыи диаволь и сатана, збравши легеонъ свой бѣсовски, впасть порабойничку до стороны Гадаринской, гдѣ опутавши одного мизернаго челоуѣка, бракуеть, бѣгаючи по горахъ, по пустыняхъ, по гробовискахъ, на гостинцахъ застѣдаетъ, лють зѣло, яко не моши никомуже минути путемъ тѣмъ. О, треба того збойцу, збродню и оттоль [якожь негдысь зъ неба] вигнати, а вигнати ангельскою, узброенною рукою; треба на него знову Михаила зъ мечемъ и ангеловъ его, яко и предъ тымъ Михайль и ангелы его брань сотвориша съ змиемъ. И кды въ нынѣшній годъ церковь Святая недѣлю по сошествиі Святаго Духа двадесять третію, о легеонѣ бѣсовстѣмъ евангеліе мѣуючю, зъ соборомъ святого Архистратига Михаила и прочихъ небесныхъ силъ безплотныхъ вкупу въ единъ день злучаетъ, власне того собора ангельского съ легеономъ бѣсовскимъ до бою, до брани зводитъ, гдѣ ангеловъ творецъ Іисусъ Христосъ Господь нашъ передводя до стороны Гадаринской входитъ, а при немъ воевода силъ небесныхъ со всѣми полками ангельскими тужъ поступаеть, вооруженный на древняго непріятеля. А такъ: пришедшу Іисусови въ страну Гадаринскую, Михайль и ангелы его брань сотвориша съ змиемъ.

Ба и нынѣ въ мірѣ семъ, якъ въ сторонѣ Гадаринской, при обѣцности Іисусовой [обѣщаль бовѣмъ Господь нашъ съ нами быти до скончанія вѣка] Михайль и ангелы его, хранители рода челоуѣческаго, брань за насъ творять съ змиемъ, съ небесъ сверженнымъ, и челоуѣковъ вреждающимъ.

Мы впросродку якъ на цѣлю положенные той ангельскаго собора съ легеономъ бѣсовскимъ бранѣ, умными нашими приглядѣмся очима, и узримъ, якъ суть потужныи зъ обоихъ сторонъ войска и хто ихъ предводители, якъ ся узброили до бою, и кто кого одолѣваетъ! Будеть то на честь Богу!

Пришедшу Іисусови... Михайль и Ангелы....

Двоякій соборъ дня нынѣшняго церковь святая умнимъ нашимъ представляеть очамъ, слухачу презацный! соборъ ангельскій и соборъ бѣсовскій; соборъ ангельскій въ дорочномъ нынѣшнемъ празденствѣ, соборъ бѣсовскій—въ евангельской исторіи; соборъ ангельскій въ семъ пречестномъ, преславномъ, ангельскомъ, златоверхомъ храмѣ, соборъ бѣсовскій въ сторонѣ Гадаринской. Обыдва тыи соборы, себѣ противныи, въ единъ день

ся собрали, не на що иное, тылько на войну, на брань. Михайлъ то и ангелы его хотятъ брань сотворити съ змѣмъ. Щожъ за оказія войны тоей? Не иная, — тылько мы христіане; о насъ идеть сторонамъ обоимъ: легеонъ, соборъ бѣсовскій поразити насъ хочеть. Остерегаеть апостоль: се супостать діаволь, яко левъ рыкая ходитъ, искій поглотити (I Петр. V, 8). А соборъ ангельскій оборонити насъ тщится, по приказу Творца нашего; ангеломъ бовѣмъ своимъ заповѣдалъ о насъ сохранить насъ (Псал. XC, 11). Починаючи теды приглядоватися [при Христу Іисусу] Михайловой и ангеловъ его съ легеономъ бѣсовскимъ бранѣ, напродъ на войско неприятельское, на легеонъ бѣсовскій глянмо; слышно бовѣмъ первѣй сопротивныхъ полки звѣдати, вышпѣровати и силы ихъ арозумѣти, тажъ на нихъ ударити.

Стало войско неприятельское отъ стороны поганской, отъ области западнѣй [гдыжъ Гадара западному царству голдовала, а населники ей были погане]; обозъ войска того зовется легеонъ, то есть мнозство бѣсовъ, яко бѣсы мнози внидоша въ оны (Лк. VIII, 30). Въ легеонѣ якъ многая ратниковъ личба, не одинаково исчитается: нашъ лексиконъ въ легеонѣ личитъ пять тысящъ, инны шесть тысящъ, а инны дванадесять тысящъ повѣдають; а то певнѣй, же безъ числа, — правѣ вся сила бѣсовская. Колько жъ ихъ есть, то злѣ: и одинъ много лиха здѣлаеть, зане сила его крѣпка; нужъ такъ многое ихъ мнозество, же и личбы имъ певной нѣтъ. Мы еднакъ легеона того можемъ видѣти раздѣленнаго на седмь частей, на седмь полковъ, а то доходячи зъ тогожъ мѣсца у Луки святого, гдѣ нынѣшнюю евангельскую описуеть исторію; пишучи бовѣмъ Лука святой о бѣсномъ и о легеонѣ бѣсовствѣмъ въ главѣ осмой, въ тойже главѣ на початку замѣнкуюеть о Маріи Магдалинѣ, изъ нея же изгна седмь бѣсовъ (Лк. VIII, 2). А бѣсовъ тыхъ седми святой Теооплакть и святой Григорій Бесѣдовникъ разумѣють быти началнѣйшихъ княжатъ бѣсовскихъ, принципаловъ и справовъ седми грѣховъ смертельныхъ. По вигнаню тѣхъ, вполнѣ главы нынѣшнюю евангелистъ той о бѣсномъ и бѣсахъ исторію провадитъ; и есть нѣкоторыхъ домыслъ, же то тыи жъ седмь, недавно зъ Магдалины вигнанныи, прослынулися въ иномъ краю, въ сторонѣ Гадаринской, але уже въ множайшемъ своемъ зебраню, кождый княжа съ своею гвардією, зъ своимъ

полкомъ, опутали нѣкоего мужа, мстячися за свое изъ жены выгнанье. Гды ихъ изъ жены выгнано, теды оны, яко льстивыи духи, забѣвши въ далекую страну, на мушизну напали, и гды семь ихъ начальнѣйшихъ зъ полками своими въ единомъ бѣдномъ ся человекѣу зебрали, ажъ ихъ стало легеонъ,—войско великое, яко бѣсы мнози выдоша въ оны. Легеонъ теды непріятельскій есть седмополчищный, седма грѣхами смертными на насъ воюющей, то сила непріятельская.

Глянмо же еще на войско наше, на полки святыхъ ангеловъ, о насъ ся заставляющихъ, а глянмо очима отрочища Елиссеова: отверзе Господь очи отрочищу, и видѣ, и се гора исполнь коней, и колесница огненна окрестъ. Що же то? Ангель то Господь ополчился окрестъ боящихся Господа (Исаал. XXXIII, 8).

Стало воинство небесное отъ востока, отъ области царя славы, Михаилъ и ангелы его: Михаилъ—то воевода силъ небесныхъ, ангелы его—то разъ суть вси девять лики ангельскія, въ три іерархіи расположенныя; повторе, ангелы его суть певныи особы ангельскія, зъ святымъ Михаиломъ въ той же славі престола Божію предстоящи, яко друзи и товариство, гды же и небесный воевода, отъ Царя славы поставленный, не безъ своихъ есть товарищовъ. А вѣдаетъ жъ, святому архистратигу, воеводѣ силъ небесныхъ, хто въ товарищахъ? Хто не знаешь, слухай: при святомъ архистратигу Михаилу (воеводѣ силъ небесныхъ) шесть суть наивышшіи небесныи ангельскаго естества духове, архистратизѣ Михаилу подобочестныи и подобославныи, отъ всѣхъ чиновъ небесныхъ ближайи Богови предстоящи въ неприступной того славі, въ которыхъ шести святой Михаилъ есть седмій, альбо рачей, въ седмичной той личбѣ, оны есть первый отъ тыхъ наивышшихъ седми ангелехъ. Извѣстіе есть во Откровенія святого Іоанна Богослова, во главѣ первой, гдѣ пишется такъ: благодать вамъ и миръ отъ суцаго и иже бѣ и грядущаго и отъ седми духовъ, иже предъ престоломъ его суть (ст. 4). И знову: видѣхъ седмь ангеловъ, иже предъ Богомъ стояху. И въ книзѣ Товиной мовить единъ зъ тыхъ: азъ есмь Рафаиль ангель, единъ отъ седми предстоящихъ предъ Господѣмъ (Товит. XII, 15). А ты седмь по имени и ряду и чину своемъ счисляются такъ: 1 Михаилъ, 2 Гаврииль, 3 Ра-

фанлъ, 4 Уріилъ, 5 Салаѣилъ, 6 Егудіилъ, 7 Варахіилъ. А каждый зъ нихъ особое свое у Господа Бога знаменитое служеніе мѣетъ, которыя ихъ служенія вкоротцѣ изъясняются такъ.

Михаилъ служитель есть Божественныя славы, сторожь, защитникъ и оборонца Божой славы.

Гавріилъ—служитель божественныя крѣпости и изъяснитель сокровенныхъ Божіихъ таинствъ.

Рафаилъ—служитель божественныхъ цѣльбъ, чудеснѣ свыше на немощное естество изливаемыхъ.

Уріилъ—служитель божественныхъ любленій, свѣтъ и огонь, освѣщающъ познаніемъ Бога, и возжигающъ сердца человѣчская любовію божественною.

Салаѣилъ—служитель есть божественныхъ мольбъ, выну къ Богу о родѣ чловѣчествѣ моляйся и чловѣковъ усердне, богомыслиѣ и умиленнѣ молитися поучаяй и на то возбуждаяй.

Егудіилъ—служитель есть божественныхъ хваленій и исповѣданій, помощникъ въ подвизѣхъ и трудѣхъ, укрѣпляяй тѣхъ, иже труждаются въ чесомъ либо славы ради имени Господня и мзду имъ за то ходатайствуяй и уготовляяй.

Варахіилъ—служитель есть Божіихъ благословеній и дарованій, чловѣкомъ благоутробія Божія распосилаемыхъ.

Таковы суть тѣхъ седми превысочайшихъ ангеловъ и архистратиговъ изящнѣйшіи служенія.

Тыи семь наиблизшіи маестату Божиему архистратизи всѣми небесными чинами и іерархами по Божію повелѣнію управляютъ.

Небоймосяжъ седмополчищнаго бѣсовскаго легеона и ихъ седми князей злобныхъ, мѣючи намъ въ защищеніе седми архистратиговъ съ всѣми небесными силами. Большая сила съ нами, неже съ супостатами нашими.

Таковы обоихъ сторонъ воиска силы умнимъ пребѣгши и зревидовавши окомъ, смотрѣмъ, гдѣ пляцъ битвы, брани, гдѣ тыи воиска съ собою ся ударять. Святый евангелистъ Лука певное воинѣ той поле и урочище пазначаетъ, урочище Гадара названное, гдѣ та сила бѣсовская легеонъ зкупившися, Иисусови тамъ приходячему дорогу заходить: пришедшу (мовить) Иисусови въ страну Гадаринскую, срѣте его мужъ, имѣя бѣси мнози (Лк. VIII, 26—27)—цѣлый легеонъ. Але мы Гадару въ

мистичномъ выкладанью разумѣймо быти міръ сей окаянный, весь въ злѣ лежацій, котораго мы населники. Гадара, яко ся выше наменило, была сторона поганская, идолопоклонническая. О, якъ же въ мірѣ семъ, въ насъ,—мовлю,—того поганства, идолопоклонничества много! Що грѣхъ, то Богъ; що страсть грѣховная, то идолъ; що налогъ до грѣха, то идолопоклоненіе: и чрево Богъ, мовить апостолъ, и сребролюбіе—болванъ, и лихоиманіе—идолослуженіе (Филип. III, 19). Въ Гадаринской странѣ бѣ стадо свиней пасомое многое, Богъ же вѣдаетъ и въ насъ, чи много овецъ есть Христовыхъ? чи не больше въ насъ тыхъ, що омывшись лѣземъ знову въ калъ тинный? Гадаринсти люди были не люди, нелюдскіи, пожаданнаго гостя Христа Спасителя не хотѣли у себе и одинъ день альбо одну годину угостити, упокоити: моли его весь народъ страны Гадаринскія отъйти отъ нихъ. (Лк. VIII, 37). А и у насъ чи переначаетъ коли, альбо чи переднююетъ Христось Спаситель въ душѣ нашей, въ сердцу нашомъ, въ мыслехъ нашихъ? а хоць часомъ и пустимъ его къ себѣ на часъ, любь причастившись его божественныхъ таинъ, коли на умиленную ся здобывши молитву, то чи надолго жъ того? Смотри, ажъ мы его знову отъ себе премъ злыми нашими грѣховными налогами. Гадаринская страна была сопредѣлена Галилеи, а правѣ оной сожительствующая; Галилея вкладается ползкость нестатечность, оборотъ и тачанъ ея колесу подобное. А гдѣжъ горьшъ и большъ, якъ въ свѣтѣ семъ полно ползкости, нестатечности, переворотовъ, такъ далеце, же чи можетъ кто остоятися и одержатися на своемъ мѣспу? Недармо остерегають: мняйся стояти, да блюдется, да не падеть (I Кор. X, 12). А тожъ ся то Гадара, міръ сей окаянный есть пляцомъ военнымъ, гдѣ непрестанная брань а рѣдкое звѣтяжьство, гдѣ уставичне воюють духъ на плоть, плоть на духъ, гдѣ такъ зостаемъ, якъ на военномъ полю: брань есть житіе наше,—Говъ святой мовить.

Тутъ же смотрѣмъ духовной той войны, которая не къ плоти и крови, но къ началомъ и властемъ и міродержителемъ тьмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ (Ефес. VI, 12), а смотрѣмъ съ перспективы святаго Іоанна Богослова,—мовлю,—зъ Апокалипсисъ. О святой Іоанне Богослове! учижьже намъ быстраго твоего взроку, быле-мо могли все видѣти

достаточне, а самъ указуй намъ перстомъ твоимъ каждую утарчку!

Влѣпивши умни наши очи пишно въ дѣйство войны духовной, чудъ единый видимъ, а то бо вѣмъ перспектива Іоаннова показываетъ: зъ одной стороны седмоголовый дивъ зъ морскихъ нутровъ выходящій: стахъ,—мовать,—на песцѣ морстѣмъ, и видѣхъ звѣря исходящаго изъ моря, имущаго главъ седмь. (Апок. XIII, 1). Зъ другой стороны показываетъ седморожнаго агнца: видѣхъ агнецъ стоящъ, яко заколенъ, имущъ роговъ седмь (Апок. V, 6). Сходятся тыи на пляцу Гадаринскомъ военномъ, певне зъ собою зточать, брань сотворять. Такъ и аггелъ, Богослову пальцемъ на пекельную оную указуючи гидру, на змѣвы седмь главы, мовать: сѣи со агнцемъ брань сотворять. А есть же яковая надѣя, бы кроткій агнецъ моглъ що зъ страшнымъ тымъ вскурати звѣромъ? Есть,—упевняетъ аггелъ,—агнецъ побѣдитъ я. (Апок. XVII, 14).

Що то зась былъ седмоглавный той звѣрь? Кто жъ не догадается, ба и толковники Божественнаго Писанія ясно учать, же то есть Люцыперъ, мѣючій семь головъ, то есть семь своихъ начальнѣйшихъ аггеловъ, по числу седми смертныхъ грѣховъ, наистаршихъ слугъ, князей, принципаловъ и справцовъ тыхъ седми грѣховъ смертныхъ!

Щожъ зась еще седморожный агнецъ? Не треба много о немъ испытovati, по самой его знать язвѣ: агнецъ заколенъ то певне есть Господь нашъ, сладчайшій нашъ Иисусъ,—агнецъ Божій, взявшагъ грѣхи міра, заколенный въ жертву на ублагане Бога Отца за грѣхи наши,—агнецъ, источникъ намъ отъ язвы своей кровь и воду, воду—на омытіе грѣховъ нашихъ, кровь—на искупленіе и освященіе наше,—агнецъ, его же язвою мы вси изцѣлѣхомъ.

Ещежъ треба увѣдомитися, що то суть седмь его агнчи роги,—имущъ роговъ седмь? але и въ томъ нѣтъ трудности; толкуе то самъ же Богословъ, мовячи: агнецъ яко заколенъ, имущъ роговъ седмь, иже суть седмь духове, посланыи во всю землю (Апок. V, 6); то есть (ведлугъ толковникъ Божественнаго Писанія) седмь аггелы начальнѣйшіи, вышше по именахъ ихъ изочтенныи, князи и вожды вой небесныхъ, силнѣйшіи, потужнѣйшіи одолѣтели и прогонители князя тмы седмо-

главнаго и всего его бѣсовскаго седмочастнаго легеона; то суть семь роги агнчи крѣпкіи, по числу семи даровъ духа Святаго, противу семи главъ змиевыхъ, дарамъ Духа Святаго противнихъ, на брань поставленныи. Але чему суть нареченныи рогами? для того, же яко агнца Божія мысленнаго тыи семь аггелы, якъ на челѣ, на самомъ початку, и суть рогъ и верхъ всѣхъ силъ небесныхъ. О, певне агнецъ заколенный тими рогами избодеть враги своя: агнецъ побѣдитъ я!

Якожь тыи агнцевы семь роги Христовы, семь началѣйшии архистратизи на брань вооружилися? Любъ звычайно святаго архистратига Михаила малюють зъ мечемъ, яко его Исусъ Навинъ видѣлъ, и Давидъ святой о немъ, яко и о прочіихъ, мовить—мечи обоюду острыи въ рукахъ ихъ (Псал. CXLIX, 6); особое еднакъ ихъ вооруженье, каждому зъ нихъ прислушающее, изобразила зографская стародавнихъ христіанъ рука, не тылько живописными на иконѣ шарами, але и краснѣйшою различныхъ коліоровъ мусією по стѣнахъ церковнихъ ангельскаго храма въ столичномъ сицилійскомъ городѣ Панорміи, знакъ взявши съ кунштовъ еермъ, альбо банъ Діоклитіановыхъ, въ церковь христіанскую претворенныхъ, о чемъ повѣствуется такъ.

Діоклитіанъ, нечестивый римскій царь, великій крови христіанской розливца, одного часу для своихъ делицій будоваль каменнымъ зданіемъ еермы альбо теплицы .и банѣ, мастерствомъ коштовнимъ, подъ той часъ гдѣ могъ, и якъ много могъ поймати христіанъ, всѣхъ подъ мощною сторожею а срогими и немилосердными приставами всказоваль до тоей работы, мучачи щоденне тяжкими працами, и працювало тамъ христіанство многими тысячами, камень двигаючи, цеглу, вапно намуръ носячи, и всѣ приналежалыи тамъ дѣла до поту кроваваго робячи. Стало tedy то же працюю христіанскою, а працюю кѣвравою; бо многихъ тамъ и постинано, помучено за Христа Бога цашего. Совершилася піекная структура яко палаць, що звано Еермы, то есть теплицы, альбо баня царя Діоклитіана, гдѣ той поганинъ своихъ уживаль вчасовъ и роскошей.

Потымъ, гды поганство съ шумомъ погнбло, а святая христіанская вѣра взяла верхъ, по лѣтехъ многихъ поглядаючи христіане на піекность той давней Діокліановы банѣ, а помнячи

то, же христіанская рука, працуючи кървавѣ, тую будовала структуру, побудившися горливостію, баню тую очистили и на церковь освятили и нарекли храмъ во имя седми святыхъ наивышшихъ архангеловъ, альбо архистратиговъ небесныхъ, Михаїла, Гавріїла, Рафаїла, Уріїла, Салаеїла, Егудїїла, Варахїїла, и персоны тыхъ по стѣнахъ церковныхъ, ово мулярскою, ово мозаичною штукаю изобразили, чому подражаючи и Панормія, — сицилійскій градъ, — убудовавши церковь въ себѣ значную во имя тыхъ же наивышшихъ седми аггеловъ, таковымъ же подобіемъ и персоны ихъ выобразилъ. Было теды тамъ выображеніе таковое.

Святый Михаїль изображенъ былъ допчущъ ногами Люцыпера, левницею держащъ зеленую палму, а десницею копіе, наверхъ котораго хоруговъ бѣлая, около копіи обвивающаяся, червонымъ крестомъ претикана.

Святый Гавріїль изображенъ держащъ десницею фонарь, альбо лѣхтарню зъ вожженою внутрь свѣщю, а въ шуйцы держащъ звѣрцадло зъ зеленого ясписа камня, зъ червленостію мѣйсцами змѣшанного.

Святый Рафаїль изображенъ шуйцою поднесенною держащъ алавастръ, альбо слойкъ лекарскій, десницею же водящъ Товію отрока, носящаго рыбу, въ Тигрѣ рѣцѣ ятуку.

Святый Уріїль изображенъ держащъ десницею мечъ обнажень, обращенный противу персїй, въ шуйци же низпущенной — пламень огненный.

Святый Салаеїль изображенъ лице и очи долу низпущенные имѣяй, руцѣ къ персемъ согбенныи, по подобію молящагося къ Богу умилениѣ.

Святый Егудїїль изображенъ въ десницѣ носящъ вѣнецъ златъ, въ шуйци же бичъ зъ трїехъ вервовъ черныхъ зъ трема концами.

Святый Варахїїль изображенъ носящъ въ нѣдрехъ въ одеждѣ своей цвѣты рожъ бѣлыхъ.

Все то суть знаки великихъ ихъ у Господа Саваоѳа служеній и особнихъ вооруженій и силъ на седмополчищнаго легеона, седмоглавнымъ звѣремъ начальствуемаго.

Седмоглавный тежъ звѣрь альбо змїй, седмополчищнымъ легеономъ оточаючійся, противу седморожнаго агнца Христа

Господа нашего, седма изиднѣйшими аггелами обстоимаго, вооружился сопротивно, зебралъ свои вси оружія душевредныи, смертоноснымъ ядомъ напоенни, въ которыхъ наибольши и напотужнѣйшии судъ седмъ, то есть седмъ грѣхи смертныи,—гордость, нечистота, обжирство, лакомство, гнѣвъ, зависть, лѣнивство; тыми бовѣмъ набарзѣй всю вселенную воюеть. Оружія то смертныи; бо хоць однимъ зъ тыхъ' которымъ язвель кто будетъ, а не удасться до лекарства покуты святой, то певнѣ на вѣки умерти душею мусить. Тыи смертныи оружія супостать зобравши, скрылъ въ единомъ нѣкоемъ отъ него опанованномъ домку, въ мизерномъ гадаринскомъ обыватели, а скрылъ зрадецкимъ поступкомъ, якобы засѣдаючи, бы его тыхъ штукъ никто а не дойзрѣлъ. Лечь тыя его стратегмата по певныхъ знакахъ дойдены и якобы палцемъ вткнены отъ святыхъ евангелистовъ Луки, Марка и Матѣеа, нынѣшняго бѣснаго и легеона бѣсовскаго описуючихъ.

а. Въ горахъ бѣ вопія: то знакъ перваго грѣха смертнаго—гордости,—горою высокоумія ходити, надъ всѣхъ пястися, много о себѣ разумѣти, а еще вопити, хвалитися, тщеславитися,—то грѣхъ смертныи. О враже! а твоя рѣчь въ безднѣ, въ пропасти жити, а не на гору дертися! А зась не вѣдаешъ писаннаго: все высокое мерзостно есть у Бога?

б. Живяше во гробѣхъ: то знакъ втораго грѣха смертнаго—нечистоты; тая бовѣмъ, стративши ласку Божию, яко душу человека оживляющую, подобна есть трупу мертвому, въ гробѣ смердящему: возсмердѣша и согниша душевныя раны (Псал. XXXVII, 6), вшетечника раны.

г. Въ рыгу не облачашеся: то знакъ третьяго грѣха смертнаго—обжирства, жарлоцтва, пѣянства, которое и праведныхъ Ноевъ облажати умѣеть; щожь бовѣмъ такъ на свѣтѣ человека до наготы, до убозства, до недзи приводить, яко обжорство, пѣянство? Не дармо написано: любяй вино и масло не обогагѣеть, нагъ будетъ.

д. Никтоже можаше минути путемъ тѣмъ: то знакъ четвертаго грѣха смертнаго—лакомства; бо, на гостинцахъ засѣдаючи, разбивалъ, шарпалъ. А которы жъ на свѣтѣ разбойникъ и шарпалъ есть больши и горши надъ лакомство? Тое альбовѣмъ зъ того тылько и живетъ, що кривды ближнимъ чинити, разби-

вати, красти, шарпати, одеймовати, выдирати, бы несытое свое насытити лакомство. Але трудно насытитися можетъ; писано бовѣмъ есть: адъ и погибель ненасыщается; сице и чловѣчи очи несыты суть.

Ѥ. Растерзая узы желѣзныя: то знакъ пятого грѣха смертнаго—гнѣва, ярости, лютости, которая чого жъ не порветъ, не поломаеть, не покрушитъ? и желѣзо ей, якъ солома, и ланцухи, якъ паутина.

Ѧ. Толча каменіемъ: то знакъ грѣха шестаго смертнаго—зависти; тая альбовѣмъ, яко каменіемъ, злыми словами на ближняго кидаетъ издалека, бы и за сто миль и въ чужомъ краю досягаетъ, опачне предъ людми удаючи, осуждаючи, добрую славу уймуючи, праве каменуетъ.

ѧ. Въ храмѣхъ не живяше: то знакъ седмаго грѣха смертнаго,—лѣнивства, а лѣнивства до хвалы Божой; тое альбовѣмъ не радо до храмовъ Божіихъ вчащати, а хоць коли якъ роковий и побываеть, то тескнить набоженствомъ, и радъ бы якъ найскорѣй почути: „со миромъ изыдемъ“!

Таковый седмоглавный змій, зъ седмополчищнымъ своимъ легеономъ седмочастныхъ грѣховъ смертныхъ, отъ евангелистовъ помяненными знаками выявленный, оружія въ одномъ опутаномъ чловѣку зебравши, и яко бы утаивши, заходитъ дорогу седморожному агнцу—срѣте его. Срѣте—то уже то военная потичка, зышлися войска, зточилася брань; каждо до своей порвался бронѣ, до своего оружія. Брань бысть: Михаилъ и аггелы его брань сотвориша съ зміемъ.

Сунется настрашная змиева голова гордостная: възйду на небо, буду подобенъ Вышнему. Святый архистратигъ Михаилъ, чести и славы Божой оборонца, ткнетъ по змиевой той главѣ отмстителнимъ мечемъ, обоюду острымъ, который зъ одной стороны наощренъ познаніемъ Бога Творца своего, зъ другой стороны наощренъ познаніемъ себе, же суть створеніе создателяво. Тымъ мечемъ обоюднимъ ткнетъ зміа крикнувши: „Господь сотвори насъ, а не мы!“, а оразъ и триумфалную подносить хоруговъ свою, хоруговъ бѣлую, напротивъ очерненаго огнемъ кары Божой угля и головнѣ пекелной Люцыпера, бѣлую хоруговъ на знакъ того, же естество аггельское, отъ Бога не отпадшее, есть,—по писанному,—убѣленіе жизни вѣчныя; хоруговъ, чер-

вленімъ крестомъ оздобленную, на знакъ того, же ангельска паденія руины небесныи наполнятся людьми святыми, крестомъ и кровію Сына Божія искупленными. Подносить и знаменіе побѣды палму, всегда зеленѣющую, негда неувядающую, а то на знакъ вѣчнаго своего Господу Богу постоянства и неотпаденья. Лети жъ, гордостная главо зміева, ажъ до пропастей пекелнихъ. Которая встпналася до неба, до ада низвержесе; а трупъ, по горахъ пившися, палъ архистратигу подъ ноги. Дончи жъ, воеводо небесный, того аспида и василиска, попирай льва и зміа. (Псал. ХС, 13).

Порвется затымъ другая голова зміева, голова нечистоты, вшечеченства, пащекою своею весь міръ озѣнути хотячая; бо вся, яже въ мірѣ, похоть плотская; голова помраченная, умъ чловѣчій потемняючая груботмистымъ глупой ночи колоромъ, альбо шкаредными, въ тмѣ ночной дѣючимися, тѣлесноостми ошкарженная, для чего и нощницею альбо совою страсть тая въ святой Лѣствицы есть названа.

Стаеть противъ той нечистой головы святыи Гавриилъ, чистый Пречистой Дѣвы пречистаго зачатія Еммануилева благовѣстнихъ, а стаеть зъ свѣтлюю (яко въ ночи) лихтарнею, тму вшечеченства отгоняющею, а якобы на грѣху застаючи, обличаючи, громячи, завстизаючи, и казнь наносячи, оразъ и съ презорчистымъ стаеть звѣрпадломъ, абы тое шкаредное головиско, якъ зразливый базѣлешекъ свою въ звѣрпадлѣ шпѣтностъ увидѣвши, само отъ своего вароку здохло. Лежишь трупомъ, зразливая бестію! а твоего смроду, отворочаються вси цѣломудренныи, душу свою въ тѣлѣ, якъ свѣчку въ лихтарнѣ, тьмою нечистоты непомраченную, заховати усилюючи, а въ сумнене свое чистое, якъ въ зеркадло, що разъ вглядаючи, и поправуючи то, що бы мѣло яковаго потребовати исправеня.

Повстаеть потымъ до бою голова третья зміева, голова обжирства, пиянства, жарлоцтва. А тая цѣвлии городы и мѣста пожерти, толкнути усилюеть, що дается знать зъ оваго во отечнику прикладу: пустынникъ единъ въ сторонахъ Египетскихъ, приспособивши своего щось рукодѣлія, понеслъ то продати до столечнаго въ Египтѣ града Александрии; идетъ дорогою; приближается къ граду, а видячи уже и самый той городъ Александрию, молится къ Богу, абы ему далъ безсоблазенное

тамъ пребываніе и возвращеніе. А въ тымъ, по Божію откровенію, стало ему видѣніе таковое: видитъ зміа великаго и страшнаго, такъ великаго, же весь городъ Александрійскій тѣломъ своимъ окружилъ, и якъ стѣною огородилъ въ около, а голову свою внутрь града вприводивши и страшную отворивши пащеку, всѣхъ вобецъ людей, старыхъ и молодыхъ, свѣцкихъ и духовныхъ пожираетъ. Станетъ пустелникъ той ужасенъ, присмотретъся тому диву зъ страхомъ, боячися, бы и самъ не попалъ въ тую пащеку; алитъ слышитъ голосъ къ себѣ свыше таковой: „се змій, егоже видиши, есть змій сластолюбія, аще хоцеша его избыти, не входи въ градъ!“ А то (прави) пащека роскошнаго сластнаго обжирства, которая поглощаетъ всѣхъ, сласть мнящихъ быти (по словеси апостольскому) вседневное насыщеніе, ба и вседневно, а часомъ и всенощное пѣанство, и що потомъ въ сладострастномъ уростае сердце.

Противъ той несытой головы зміевы третій ангель Рафаиль, служитель божественныхъ цѣльбъ, заставляетъ зъ лекарствомъ; бо поневажъ зъ обжирства, пѣанства наибольшъ хоробъ, не тылько тѣлесныхъ, але и душевнихъ ся родить, для чого и остерегають: блюдѣтеса, да не когда стягчаютъ сердца ваша объяденіемъ, и пѣанствомъ, и печальми житейскими (Лк. XXI, 34). Тутъ теда и лекаря добраго зъ лекарствомъ skutечнымъ треба, а тожъ таковой лекарь—Рафаиль святой, котораго лекарство skutечною есть зміевы трутизною, а человекомъ skutечною цѣльбою. Кладеть той лекарь сердце на жаристое угліе, ажъ діаволь бѣжитъ ни-обзиръ, яко въ Товіиной пишется книзѣ: дымъ той прогонитъ всякъ родъ демонскъ или отъ мужа или отъ жены. А святой Рафаиль не тылько гонитъ, але и догоняетъ, и якъ плененнаго раба вяжетъ: восхити Рафаиль демона, и увяза его въ пустынь выше Египта. А тымъ поступкомъ кожного учитъ: клади сердце твое на жаристое угліе любве Божія, а вилогтность тѣла твоего страстную высушь, выпаль воздержаніемъ, постомъ! умертви уды твоя, суція на земли, будь дымъ благоуханія [чистымъ житіемъ] Богови! певне оструишь, звияжишь, проженешъ діавола и звязати его можешъ; бы тебѣ большъ не шкодилъ.

Поткнется четвертая голова зміева, голова сребролюбія, любимѣнія, многостязанія. Четвертый ангель святой Урииль, слу-

житель божественныя любви, на тую голову добываетъ меча а оразъ и огня, мечемъ абы поразилъ и убилъ, огнемъ абы спалилъ въ порохъ. И мечъ и огонь то суть любви божественныя знаки. Кто мѣетъ сердце свое любовію Божіею увязленное, яко мечемъ, кто мѣетъ сердце свое желаніемъ Бога распаленное, яко огнемъ, той зъ апостоломъ отзывается: вся сія, и сребро, и злато, и имѣнія, и вся богатства суетнаго міра уметы вмѣннихъ быти, да Христа пріобрѣщя (Филип. III, 8). И кто ны разлучить отъ любви Божіа, — мечъ ли вещественный, или огонь? ни мечъ, ни огонь! (Римл. VIII, 35).

Повстаеъ затымъ пятая голова зміева, голова гнѣва, ярости, лютоги на насъ вражіа, хотячая насъ оразъ всѣхъ згладити зъ свѣта, яко въ откровеніи святой мученицы Евдокіи враждебникъ той просить: „послаби ми мало узъ, имиже связанъ есмь! узриши, како во мгновеніи ока родъ человѣческій отъ земля потреблю и ниже наслѣдіа его оставлю!“ Стаеъ противъ той зміевой яростной головы святой Селасіилъ, выну къ Богу о родъ человѣчестѣмъ моляйся, а молитвами своими яко рѣкою огонь, ярость огнепалную вражію затопляетъ, и яко мощными стрѣлами голову тую уязвляетъ и убиваетъ, а насъ безгнѣвіа къ ближнему, незлобіа учачи, упоминаеъ кождаго Давидски: престани отъ гнѣва, остави ярость (Псал. XXXVI, 8), быхмо въ безгнѣвіи ставали предъ Бога на молитву, по писанному: хошу убо, да молитвы творять мужіе на всякомъ мѣстѣ, воздѣюще преподобныя руки безъ гнѣва (I Тим. II, 8).

Шестую голову зміеву зависти шестыи ангелъ святой Егудіилъ бичемъ тревєрвнимъ чернымъ цвѣтитъ: чернымъ, — то естъ срогимъ караньемъ; тревєрвнимъ, — то естъ отъятіемъ отъ него благодати Вожой — то вервь единъ; вѣчнымъ ожесточеніемъ — то вервь другій; и безконечнымъ потемненіемъ — то вервь третій. А то за завидѣніе спасенію человѣческому, въ благодати Божіей залежачому, побожнимъ сердцемъ искомому, и вѣчной въ небѣ короны удостояемому, короны златовидной за претерпѣніе вражіа зависти, чимъ яко злато въ горнилѣ люде бывають поморовани и Бога стаются годни: покуси ихъ и обрѣте достойны себе. А цвѣчачи и убиваючи святой Егудіилъ завистную бѣсовскую голову, простираеъ десницу свою зъ вѣнцемъ златымъ, коронуючи тыхъ, которые претерпѣвають крѣпко зависть

такъ отъ враговъ видимыхъ, отъ друзей и сосѣдовъ враждебныхъ, яко и отъ враговъ невидимыхъ.

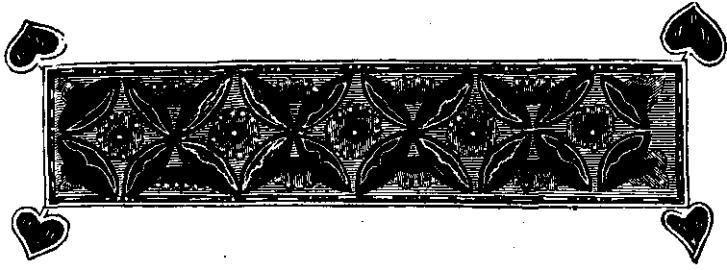
Семую голову зміеву седмаго грѣха смертнаго лѣности святыи Варахіилъ запахомъ рожъ бѣлыхъ, которыми суть благодарованія и дарованія Божіи человѣкомъ чрезъ руки его подаваемыи, тыми оную труить и убиваетъ.

О цвѣтѣ рожномъ повѣдаютъ естествословцы, же яко пчеламъ есть користь, — медъ зъ него збираютъ; такъ хрущомъ дознавая трутизна, — скоро того цвѣта вкусають, здыхають.

Духовный цвѣтъ небесныхъ благословенствъ и дарованій Божіихъ, чрезъ бѣлыя рожи святымъ Варахіиломъ въ нѣдрехъ носимыи образуемыхъ, заисте есть отрутою діаволу, — идѣже бо осіаетъ благодать Божія, оттуду прогонится діаволя сила, а животъ дательная есть користь человѣку. Якъ бовѣмъ рожа запахомъ своимъ повабляетъ пчелу до збранія меду, такъ духовный оный цвѣтъ влчностію своею побуждаетъ человѣка до нелѣностныхъ праць подвиговъ и трудовъ, заслучуючихъ себѣ въ небѣ сладкость вѣчнаго благословенства онаго: приидите благословенныи (Мтѣ. XXV, 34).

Атожъ звитяженъ есть седмоглавный змій седма агнца заколеннаго рогами, седма изящнѣйшими Богови предстоящими ангелами; упражднени суть седмополчищнаго легеона силы седмочастныхъ смертныхъ грѣховъ; коварства штуки, яко оружія вражія, зломани.

Триумфуй же, небесный воевода, святыи архистратиге Михаиле, зъ аггелы твоими, съ товариствомъ твоимъ знатнѣйшимъ и со всѣми небесными силами! пой пѣснь побѣдную: агнецъ побѣдитъ, яко Господь господемъ есть, и Царь царемъ есть!

Пирамисъ

альбо столпъ во блаженной памяти преставлшагося висоцѣ въ Богу превелебнаго, его милости господина отца Иннокентія Гизеля, архимандрита Святой Великой Чудотворной Лавры Печерской Кіевской, ку вѣчной памяти въ годъ по погребеніи его при соборной понахидѣ, проповѣдію слова Божого поставленный року 1685 мѣсяца февруаріа въ 24 трудомъ грѣшнаго іеромонаха Димитрія Савича, на онъ часъ казнодѣи печерскаго.

Во вѣки память его въ благословеніе.
(1 Мак., III, 3).

Не отыдетъ память его, и имя его поживетъ въ родъ и родъ, премудрость его повѣствуютъ языци, и хвалу его исповѣсть церковь (Сирах. XXXIX, 12—13).

Въ смерть а часъ на то настоять здавна, абы и людій и ихъ памяти пречъ гладили зъ свѣта, слухачу прещазанный, якожь и доказуютъ своего: смерть людій въ нелюде, часъ людскую память въ непамять обертаеть; смерть кожного въ гробъ, часъ немалъ кожного пускаеть въ забвеніе. Смерть о якъ много отъ Адама людій змѣшала зъ землю! часъ о якъ много отъ потопа дѣль людскихъ сровналь зъ землю! смерть человекѣи посѣцаеть, а часъ и памяти ихъ поядаетъ, отколь поядачомъ рѣчій отъ мудрыхъ есть названный. Лечь гды и острая коса смертная на камень, и гартовни часа зубы на мрамуръ трафяты, налатво чого докажутъ: гды, мовлю, трафяты на такъ

святоблываго челоуѣка, котораго смерть не естъ смерть, але начало вѣчныя жизни, котораго добрии дѣла и въ книгахъ небесныхъ и въ сердцахъ людскихъ на вѣчную записаны память,— тамъ и коса смертная тупѣти, и зубы всѣхъ рѣчій поядача часа крушится мусать. О такомъ бовѣмъ челоуѣцѣ самъ Духъ Святыи у Сираха мовить: не отидеть память его, и имя его поживеть въ родъ и родъ, премудрость его повѣствуютъ языци, и хвалу его исповѣсть церковь.

Таковому челоуѣкови въ Богу зешлому, висоцѣ превелебному его милости господину отцу Иннокентію Гизелю, архимандритѣ сей святой великой чудотворной лавры печерской Кіевской, отцу и пастыреви нашему, рочную нынѣ отправуемъ память, котораго память не отидеть, а имя его и въ потомніе вѣки жити будетъ, котораго мудрость и постороннимъ значна, а за добрии свои дѣла въ устахъ всѣхъ мѣеть похвалу. Тутъ и ты, смерти, не верхъ водишь, бо упованіе его безсмертія исполненно, и ты, часе, своими забвенія зубами такого челоуѣка не згризешъ памяти, бо во память вѣчную будетъ праведникъ. (Псал. СХІ, 6).

Старовѣчни люде, пилюся о томъ стараючи, абы ихъ память могла бити вѣчна, трудомъ великимъ и коштомъ немалымъ будовали недобыти грады крѣпкин, столпы великіе, вежи высокія, пирамиды.

Ноево по потоцѣ размноженное потомство, зебравши о томъ раду, мовить: приидите, да созиждемъ себѣ градъ и столпъ, емуже верхъ будетъ до небесъ, и сотворимъ славно имя наше (Быт. XI, 4).

Авессаломъ, втожъ прагнучи вѣчной у людей памяти, поставилъ бѣ столпъ себѣ во удоли царстѣмъ, рече бо: нѣсть ми сына на память имени моего, и нарече столпъ именемъ своимъ (I Цар. XVIII, 18).

Симонъ Маккавей, такъ же хотячи родичамъ и братамъ своимъ, тутъ тежъ и себѣ память учинити, созда на гробъ отца своего и братій своихъ и вознесе его видѣніемъ, каменіемъ тесанымъ создади и преди, постави наня седмъ пирамидъ: едину противу единыя, отцу и матери и чetyремъ братіамъ, и симъ сотвори ограды, и обложи столпы великими, и сотвори на столпехъ знаменіе къ памяти вѣчнѣй; але прожно таковыя,

любъ зъ цеглы, мрамору и алябастру, памяти себѣ будовали, гды то все мусѣло подлегти часови. Якъ бовѣмъ ихъ самыхъ смерть, такъ и памяти ихъ, овья грады, столпы, пирамиды, долгій часъ такъ згладилъ, же теперь и мѣсца ихъ не знайдешь.

Нынѣ поминаемый высочѣ въ Богу превелебный его милость господинъ отецъ Иннокентій Гизель, архимандритъ печерскій отецъ и пастыръ нашъ, вѣчную по себѣ зоставилъ память,— въ чомъ же? не въ мраморахъ и алябастрахъ, не въ подлеглихъ забвенному часови вежахъ, столпахъ, пирамидахъ, але въ добрыхъ, побожныхъ, благоразумныхъ и богоугодныхъ своихъ дѣлѣхъ, которыя и предъ Богомъ нѣгды забвенныи, и предъ людьми долгопамятныи, зоставилъ память въ великой святобливости своей, праве несмертелную, же можетъ рещи о себѣ тыя у Соломона слова: сея ради приму безсмертіе и память вѣчную симъ, иже по мнѣ, оставлю (Прем. Сол. VIII, 13). Которую его память бысъ моглъ лѣпшѣ видѣти и должей памятовати, презацный слухачу, умыслилемъ помощію Божию, подражаючи древнихъ родовъ, при гробѣ его поминателными похвалными словесы, хочъ неумѣтный, создати пирамиду альбо столпъ не зъ бранныхъ, але зъ духовныхъ, матерій и вложити на него знаменія, а знаменія особлившихъ въ житіи преставляшагося дѣлъ добрыхъ, а то ко памяти вѣчной. И не треба мнѣ тутъ хотящему столпъ создати, сѣдши разчести имѣніе, аще имамъ еже на совершеніе, гды скарбница высокихъ цнотъ въ Богу зешлаго высочѣ превелебнаго архимандрита, въ памяти ласкъ вашихъ еще забвеніемъ незатворенна. Тылько ты, Христе Спасителю, повелѣвый, чрезъ апостола намъ поминати наставники наша, въ зачатомъ дѣлѣ благодатію своею поспѣвши, а ласки ваша нетескливимъ слуханіемъ поможете.

Не отидеть память его, и имя его поживеть въ родъ и родъ, премудрость его повѣствуютъ языцы, и хвалу его исповѣсть церковь.

Пирамиду альбо столпъ ку вѣчной памяти въ Богу зешлому высочѣ превелебному его милости господину отцу Иннокентію Гизелю, архимандритѣ сей святой великой чудотворной лавры печерской Кіевской, отцу и пастыреви нашему, адати начинаючи, слухачу презацный, шукаю себѣ образца, которымъ бы кшталтомъ тое зачати аданіе. Не подобалнися кшталтъ вежи Ноевыхъ

потомковъ; альбовѣмъ и самъ Господь Богъ въ ней не благоволилъ: сниде Господь видѣти градъ и столпъ, иже здаша сынове челоувѣчестіи, и рече: приидите, сошедшеся, размѣсимъ языки ихъ (Быт. XI, 5—7).

Не подбѣбалмися и образецъ столпа Авессаломова, альбовѣмъ и самъ въ немъ не сподобился, яко мыслилъ, быть положенъ, але гдѣсь въ глубокую пропасть яко здрайца, вкиненъ, и каменіемъ завалианъ. Не подобалмися и визерунокъ пирамидъ Маккавейскихъ; альбовѣмъ тыя подобны были таковымъ пирамидомъ, яковья Мемфисъ, полный балвохвалства и чаровъ градъ Египетскій, надъ власцовъ своихъ трупами ставиль. Инымъ кшталтомъ такъ заднаго въ церквѣ Божіей прелата гробъ и память приоздобити треба. Знахожу въ церкви Соломоновой образецъ столповъ надобный, которыхъ столповъ была матерія мѣдь и золото, оздоба ихъ золотая, сѣть лѣлѣй и яблка, въ тожъ золотомъ оздобленній и вѣнечнымъ коломъ на капителяхъ вложеніи. Таковымъ кшталтомъ збудуймо пирамиду въ Богу зешлому высочѣ превелебному архимандритѣ, таковой столпъ ему духовнѣ поставмо; мовлю, столпу его, въ церкви Соломоновой стоячому, золотою сѣтю лѣлѣями и яблками приоздобленному, уподобѣмо; альбовѣмъ былъ онъ заправдѣ единымъ столпомъ въ церкви Божой, яко згоднѣ всѣхъ російскихъ сыновъ уста завше твердили, же Иннокентій Гизель, архимандритъ печерскій, есть то столпъ, есть філяръ въ церкви Божой. Яко теды за живота своего былъ самъ столпъ церкви, такъ по смерти вспомнѣнное его добродѣтельное житіе предъ умными очима нашима нехай стаеть столпомъ, а столпомъ въ святая святыхъ стоячомъ: якоже и не вонтпимъ, же якъ прежде въ церкви воюющей, такъ теперь въ церкви тріумфующой, есть столпомъ таковымъ, яковымъ каждого оборонцу церковнаго учинити обѣцуетъ Господь, мовячи: побѣждающаго сотворю ст. лпа въ церкви Бога моего (Апок. III, 12).

Столпъ церкви Соломоновой былъ, якося рекло, зъ двоякой матеріи, зъ мѣди и золота: зъ мѣди учиненъ, а золотомъ позолоченъ. И мѣдь и золото суть симболя терпѣнія въ скорбѣхъ и статку въ добрыхъ дѣлѣхъ; же мѣдь тыхъ цнотъ есть симболюмъ, показаль то Господь Богъ въ своемъ зъявленьюся возлюбленному ученику Іоанну, гды указаль ему нозѣ, подобныи

мѣди распаленной: нозѣ его подобныи мѣди яко въ печи раждеженнѣ (Апок. I, 5). Черезъ таковыя Христовы нозѣ разумѣтъ Амвросій святой вѣрныхъ тыхъ, которіи подѣ часъ лютого отъ антихриста гоненія жити будутъ, и на тотъ часъ безчисленныхъ бѣдъ и скорбей узнаючи, небы въ огнистой печи въ терпѣніи молчнѣи, и въ добромъ житю статечны покажутся. Же тежъ и злото тыхъ же цнотъ есть образомъ, знатъ то зъ словъ Духа Святого: яко злото въ горнилѣ искуси ихъ, и обрѣте ихъ достойны себѣ (Прем. Сол. III, 5). Кто теды вшелякія бѣды и скорби зноситъ, терпѣливе и статечне въ добрыхъ дѣлѣхъ трваеть, тотъ есть единымъ столпомъ зъ духовной мѣди и злота учивеннымъ. Але такъ есть, же въ Богу зешлый архимандрита утерпѣлъ скорби немало, и статечне добродѣтельное свое проводилъ житіе, зачимъ былъ столпомъ зъ духовной мѣди и злота утвореннымъ. Же утерпѣлъ скорби немало, яко мѣдѣ и злото въ горнилѣ, каждый уважный обачити то можетъ; несчастливая бовѣмъ сѣя година шожъ цного есть, ено печь, бѣдами и скорбми раждеженная? Истятся нынѣ слова Христова: будетъ тогда скорбъ велия, якова же нѣсть была отъ начала міру; услышати имате брани и слышанія бранемъ,—то скорбъ; востанетъ языкъ на языкъ и царство на царство,—то бѣда. Предадятъ вы въ скорби и будете ненавидимы всѣми,—то скорбъ; будутъ глады и пагубы по мѣстамъ (Мтѣ. XXIV),—то бѣда. Ознаменуетъ Богословъ: дѣти, послѣдняя година есть, и якоже слышасте, яко антихристъ грядетъ,—то скорбъ; и нынѣ антрихристи мнози (I Иоан. II, 18),—то бѣда. Зо всѣхъ сторонъ свѣтъ огнемъ бѣдъ и скорбей запаленъ: бѣды отъ языкъ, бѣды въ градѣхъ, въ лжебратіи бѣды (II Кре. XI, 26). Въ той горящей печи, въ тыхъ, мовлю, бѣдъ полныхъ временехъ, якъ много въ Богу зешлый архимандрита утерпѣлъ скорбей, тлумачити не треба,—досить речи, же подѣ тридцять лѣтъ на преложествѣ въ сей святой обители зостаючи, немалъ въ уставичныхъ бѣдахъ, въ фрасункахъ, въ скорбѣхъ, въ клонотахъ вѣкъ сей провадилъ, гды отсколь войны немалымъ трвожили страхомъ завше: внѣуду брани, внутѣуду страхи. Неразъ ускаржатися зъ Давидомъ мусѣлъ: изчезе въ болѣзни животь мой, и лѣта моя въ въздыханіихъ (Псал. I, 11); видѣти бовѣмъ войнами сплюнтовавную крайну хрестіанскую. аязажъ то не болѣзнь? слышати

проливающуюся кровь людей правовѣрныхъ, азажъ то не воздыханіе? видѣти неразъ утѣсненную отъ непріятелей обитель святую, азажъ то не болѣзнь? слышати близко шермующій мечъ бесурманскій, азажъ то не воздыханіе? видѣти волковъ мысленныхъ, нападающихъ на духовное его стадо, азажъ то не болѣзнь? старатися каждого отъ братій представити непорочна Христу, аки слово о немъ воздати хотяща, азажъ то не воздыханіе? въ тѣхъ всѣхъ болѣзняхъ и воздыханіяхъ былъ яко мѣдь въ печи раждеженнѣ, единымъ тилько охоложался Богомъ, мовячи: Ты еси прибѣжище мое отъ скорби обдержажія мя, радости моя, избави мя отъ обышедшихъ мя (Псал. XXXI, 7).

Показалъ тежъ и статокъ, яко единъ зъ тыхъ, которіи чрезъ Христовы мѣдяны нозѣ знаменуются. Видѣлъ, яко слышалихмо, Богословъ Христа зъ мѣдяными ногами. Противнымъ способомъ видѣлъ Навходоносоръ идола золотого зъ глиняными ногами, голени желѣзни и часть нѣкая скуделна; то есть сами плесна, на которыхъ тотъ болванъ стоялъ, были глиняны. Чему глиняны, латвоя догадати причины: если нозѣ Христовы, по Амвросіеву разсужденію, для того мѣди подобны, абы презъ нихъ вираженъ былъ статокъ людей побожныхъ; то нозѣ идола глиняны суть для того, абы презъ нихъ познанъ былъ нестатокъ людей непобожныхъ. Якъ бовѣмъ глиняныи нозѣ поти тилько стояли, поти на себѣ своего двигали болвана, поки не отторжеса камень; а яко палъ камень, ажъ оразъ не тилько самися скрушили, але и всего болвана своего въ порошокъ обернули: такъ и люде нестатечніи поти тилько здаются стояти въ побожности, поки не падеть на нихъ небы камень яковое досвѣдченіе. Поти другій терпѣливъ, поки не трафилса яковый поводъ до нетерпливости; поти тривый, чистый и добрый, поки немашъ окказіи до пьянства, грѣху и злости; поти побожный, поки нѣтъ причины до неизбежности; а яко падеть на нихъ небы камень на скудельныи нозѣ яковое искушеніе, ажъ оныхъ виѣтъ крушатъ свой статокъ и добродѣтель свою неправдивую, небы золотого а бездушнаго болвана на землю кинуть и въ порошокъ обернуть. Не такъ нозѣ Христовы, мѣди уподобленны; не такъ, мовлю, тыи люде, которіи суть статечные въ добрыхъ учинкахъ: любъ пойдуть и посередѣ множества каменій претыканія и соблазни, не преткнутъ о камень

ноги своя, не падуть, и не разбѣются. Таковъ былъ въ Богу зешлый архимандрита, не яко скудель, але яко мѣдь въ статку своемъ стоялъ якъ уритій и неподвижимый, такъ, же его анѣ вѣтры отъ міра на его и на всю обитель напастей поколебали, анѣ рѣки искушеній его затопили, анѣ зевнутрныя и внутрныя скорби и бѣды его, якъ бы яковый скудель, зкрушили, анѣ сѣти вражія такъ ему прецяли, абы въ глыбокую яковую и значную спасенія своего палъ руину; але завше былъ столпъ, а столпъ въ Богу угрунтованный, отъ Писанія мовячи: утвердися сердце мое во Господѣ, Господь утверждение мое и прибѣжище мое (Псал. XVII, 3). Зъ таковыхъ духовныхъ матерій, зъ терпливости и статку, въ Богу зешлый висоцѣ превелебный архимандрита созидался, а созидался въ столпъ не тылько Соломоновъ, въ церкви стоячій, але и въ столпъ Даниловъ, въ Екватанѣ Мидстѣй мистернѣ збудованный.

Пишетъ историкъ жидовскій Іосифъ, ижъ святыи пророкъ Данииль, будучи въ поганской крайнѣ, а еще въ плѣненіи, яко тотъ, который тамъ много моглъ, бо возвеличи его царь и постави надъ всею страню Вавилонскою и князя воеводамъ, збудовалъ въ Екватанѣ, столицы Мидстѣй, столпъ барзо великій и дивне піенкній, коштомъ немалымъ, которымъ столпомъ всперь уначую славу люду израильскаго въ землѣ непріятельской. Тотъ столпъ мѣлъ до себѣ двѣ особливе значніи рѣчи: первая: яко мовитъ тотъ историкъ, по мноземъ времени ново бѣ дѣло, аки нынѣ создано, покилку сотъ лѣтъ ажъ до часовъ того историка таковая была структура, якъ бы теперь збудованна, завше нова быти здавалася; другая: въ немъ погребяхуся мидовъ, пареовъ и персовъ царіе; единымъ былъ центаромъ тамтыхъ панствъ монархомъ.

Въ таковый столпъ созидался въ Богу зешлый висоцѣ превелебный архимандрита; мѣлъ бовѣмъ до себѣ обѣ двѣ тыи Даниилу столпу отъ историка приписанныи рѣчи. Щось ткнетъ всегдашній того столпа новости, то тутъ тою назову великодушіе, которое, вшелякіе отвиѣ паходящіе фрасунки зносячи мужественно, въ единомъ Бозѣ утѣшается; якъ бовѣмъ Даниилова столпа новость воздушними непогодами, вѣтрами, дождями не была запсованна, такъ извнѣ находячими клопотами, великодушіе мужественнаго человекъ не бываетъ измѣненно.

Хто въ скорбѣхъ не пренемогаетъ, хто фрасунками не бываетъ свитяженный, хто не обѣтшаваетъ малодушіемъ и маловѣріемъ, а вею свою печаль возложивши на Бога, въ немъ надѣю мѣють, и имъ сердце свое охоложаетъ, тотъ завше есть новъ, тотъ есть въ Бозѣ весоль, аки безпечаленъ, по писанному, аки скорбяще а присно же радуешеся (II Кре. VI, 10). Извѣтъ бовѣмъ находящія скорби богодухновенному мужу барзѣи духовную радость о Бозѣ, а нѣжъ печаль, множать. Спѣваетъ Аввакумъ пророкъ: смокви плода не сотворять; не будетъ плода въ виноградѣхъ; солжетъ дѣло маслинно, и поля не сотворять яди; оскудѣша овцы отъ пици, и не будетъ воловъ при яслѣхъ, азже о Господѣ возрадоуюся и возвеселюся о Бозѣ Спасѣ моемъ (Аввак. III, 17—19). Смотрѣте, отколь тотъ Духа Святаго полный пророкъ помножается въ радость, азажъ не отъ скорбей, фрасунковъ и печалей? Сады, мовить, огороды и винограды не зародятъ, не будетъ сбожа въ полю, голодъ на людей и на быдло, и волы хтось отъ яслей заведеть на сторону? азажъ то господареви не фрасунокъ? азажъ не печаль и клопотъ? а пророкъ що? Въмѣсто фрасунку и печали, спѣваетъ: азъ же о Господѣ возрадоуюся, возвеселюся о Бозѣ Спасѣ моемъ. Чему? бо мовить: притрафляючимися тыми печальми, если ихъ занесу мужественно и не буду въ противностехъ таковыхъ малодушествовати, прииду до досконалости, и буду отъ Бога подвышенный. Господь Богъ мой, сила моя, и учинить нозѣ мои на совершеніе, на высокая возводя мя (Аввак. III, 19). Видите, яко богодухновенну мужу находящія скорби духовную о Бозѣ радость множать! Пиеакне Кипріанъ святой, стосуючися до словъ пророческихъ, мовить: не будетъ ли плода во виноградѣ? солжетъ ли дѣло маслинно и, зелію отъ зноя увядающе, исхнеть ли поле? что се къ христіаномъ? что се ко Божіимъ служителемъ, ихже рай призываетъ, ихъ же благодать всякая и богатство царствія небснаго ждеть? Да радуются о Господѣ, злая же и противная міра сего мужественно да носятъ, егда будущихъ благъ чаютъ.

Таковая духовнаго столпа нашего новость, таковое богодухновеннаго мужа нынѣ поминаемаго, высокоцѣ превелебнаго архимандрита, великодушіе мужественное, таковая въ Бозѣ радость была завше! Не бысть ли плода въ виноградѣхъ, то есть,

добра обители святой, нѣбы яковие винограды спустошенными нашествіемъ иноплеменикъ? Оскудѣша ли овца отъ пища, то есть, унято ли интратъ послѣковъ словеснымъ въ богородичной овчарнѣ овцамъ? Не бысть ли воловъ при яслѣхъ, то есть, отнято ли такъ много маестности въ сторонѣ польской, и отъ святой обители якъ воликовъ отведено? Зайсте немалымъ то скорби, фрасунки, клопоты, еднакъ тотъ столпъ своей новости, тотъ—мовлю—богодуховенный мужъ своего великодушія, въ Бозѣ упованія и радости духовноя не тратилъ, але въ тайныхъ своихъ молитвахъ на сердца зъ Аввакумомъ пѣснословилъ,— азъ же о Господѣ возрадоуюся и возвеселюся о Бозѣ Спасѣ моемъ. Вѣдалъ бовѣмъ добрѣ овый святаго апостола Іакова совѣтъ,—всяку радость имѣйте, братія моя, егда во искушенія то есть въ скорби, въ печали, въ противныи повоженя, впадаете различная (Іак. I, 2).

Що засься ткнуть другой рѣчи значной, которую до себѣ мѣлъ столпъ Даниловъ, же въ немъ погребяхуся мидовъ, паревовъ и персовъ царіе, и то въ духовномъ нашемъ столпѣ мысленными очима обачитися можетъ. Нехай ми тутъ волно будетъ грѣхи смертелни назвати царями, а царями нечестивыми. Даетъ ми до того поводъ апостолъ овими словесы: да не царствуетъ грѣхъ въ мертвенномъ вашемъ тѣлѣ (Римл. VI, 12), то тутъ апостолъ грѣхъ царемъ называетъ, якожь и правда; якъ бовѣмъ царь подданнымъ своимъ владѣеть, такъ грѣхъ за носъ водить кого осѣдлаеть, и въ чѣмъ сердцу чрезъ злый налогъ укоренится. И якъ много человекъ грѣхолобивый маеть грѣховъ и страстей, которыя совершаеть, такъ много маеть нечестивыхъ царей, которымъ голдуеть и не еже хоцеть сіе творить, но и еже не хоцеть сіе содѣваетъ (Римл. VII, 19). Тыи цари нечестивыи, грѣхи—мовлю—смертніи, у кого живутъ и царствуютъ, а у кого умирають и погребаются. Живутъ они и царствуютъ у того человекъ, который не маеть смерти предъ очима, а обѣцуетъ себѣ долгое на свѣтѣ житіе, и мовить: „увесь часъ предо мною, успѣю на старость покаятися“. Въ томъ грѣховное царство столицу свою заложило. Посвѣдчаеть то Давидъ, мовячи, яко нѣсть восклоненія въ смерти ихъ. Святый Геронимъ зъ еврейскаго языка читаетъ такъ,—яко не помышляху о смерти своей, сего ради удержа ихъ гордыня до конца, одѣяшася не-

правдою и нечестіемъ своимъ, изыдетъ яко пзъ тука неправда ихъ, преидоша въ любовь сердца (Псал. LXXII, 4, 6—8). Же—мовитъ—не мыслили о смерти своей, прето вси грѣхн въ нихъ вощарили. Умирають зась и погребаются тыи нечестивыи цари у того чловѣка, который завше мѣеть смерть предъ очима. Кто поминаеть послѣдняя, тамъ грѣхъ непостоитъ, во вѣки не согрѣшшии. Пиенкпе апостоль, въ особѣ всѣхъ насмерть памятующихъ, мовитъ,—смерть въ насъ дѣйствуетъ, а животь во васъ (II Кор. IV. 23), якобы тежь рекль, — „прето вы много себѣ позволяете безпечне грѣшн, же дѣйствуетъ во васъ животь, сподѣвается долго на свѣтѣ жити, мы зась жиемъ скромнѣ въ страсъ Божомъ, грѣшн вистерегаемъ, бо въ насъ смерть дѣйствуетъ, смерть маемъ предъ очима, въ гробъ глядимо, страхъ смерти нападе на ны“.

Туть вертаемъ до духовнаго столпа нашего, тѣломъ въ гробъ уже упалаго, а душею въ небѣ поставленнаго, до висоцѣ превелебнаго, его милости (господина) отца архимандрита печерскаго, и твержу, же въ немъ мидовъ, пареовъ и персовъ царіе, то есть грѣхн, отъ свѣта, тѣла и діавола на чловѣка воюючіе, погребахуся; погребахуся, а не царствоваху, умирали, а не жили, побѣжденныи были, а не побѣждали; ибо въ немъ смерть дѣйствовашеся; памятовалъ о смерти. Миръ той, полный зради и ошуканя, яко царь персовъ, на волхвованіе и ворожки себе вдавшихъ, плоть на духъ похотствующая, яко царь пареовъ, скверную Венеру почитающихъ, діаволь, погубляющій духовніе наши плоды, яко царь мидовъ, неплодную маючихъ свою крайну,—тыи злыи а потужннн цари, если коли добывали той недобытой вежи, если коли до того мощнаго столпа припускали свои штурмы, певне сами отъ него разтрушившиися, яко младенца о камень, мусѣли трупомъ при немъ пасти, мусѣли быти мертви и погребены.

Погребень былъ въ немъ міръ, гды зъ молодыхъ лѣтъ остави міръ и вся, яже въ мірѣ, и жылъ въ чинѣ иноческомъ до кончины живота своего, безъ приганы. Вѣдалъ бовѣмъ, же переходитъ образъ міра сего (I Кор. VII, 31), а переходитъ такъ, якъ Давидъ о единомъ въ мірѣ вынесломъ кедрѣ мовитъ: мимо идохъ, и се не бѣ (Псал. XXXVI, 36). Тое словко „мимо идохъ“ халдейскій парафрастесъ въ третіемъ лицѣ кладеть и

читаетъ такъ: „мимо идѣ, и се не бѣ“. Такъ власне мѣръ сей минаетъ, мимо иде и се не бѣ. А еще не мовить Писаніе „и се нѣсть“, былъ а уже немашь, але и се не бѣ, якъ бы мовячи,— „и тогда, коли былъ мѣръ, то по старому не бѣ, бо що колѣѣкъ въ собѣ маеть, все неправдиво, все непостоянно, все за неболюе; маеть богатства, але неправдивые, бо скоро погибающіе; маеть гоноры, але неправдивые, бо скоро отмѣняющіеся; маеть роскоши, але неправдивые, бо скоро упливающіе; и прето хочь и есть мѣръ, то якъ бы его немашь, и не было, и се не бѣ“. Уважне тутъ поступилъ въ Богу зешлый архимандрита, гды якъ Маріа, благую часть избра: избра отверженіе мѣра, яко рѣчь правдиве добрую, противъ бовѣмъ неправдиваго и непостояннаго мѣра правдивая и постоянная есть рѣчь отверженіе мѣра, яко тое, которое вѣчный себѣ въ небѣ збыть заслугуетъ.

Погребено въ немъ было мудрованіе плоти, на духъ повстающей, гды по совѣту апостолескому умерщвлялъ уды своя, сущія на земли (I Кор. IX, 27), абы жилъ съ Христомъ Господѣмъ вѣдалъ бовѣмъ, же не инако мѣлъ доступити живота вѣчнаго, ено чрезъ умерщвленіе себе самого, яко написано: умростѣ, и животь вашъ сокровенъ есть съ Христомъ въ Бозѣ (Колос. III, 3). Первѣй мовить умросте, а умросте умерщвленіемъ своего тѣла, тожъ животь со Христомъ обѣцуетъ. Не первѣй Моисей зъ людомъ израильскимъ зъ Египту вышолъ до земли обѣцанной, ажъ поки первородніи египетскіи не были убиты смертью; не первѣй человекъ видеть въ жизнь вѣчную, ажъ поки умерщвленіемъ себе не избіеть въ себѣ своихъ страстей. Убилъ въ себѣ того египетскаго первенца въ Богу зешлый, гды трудами духовными, воздержаніемъ, постами, неспаніемъ, поклонами, такъ истнилъ свою плоть, такъ себе высушилъ, же только былъ скура а кости. Выборнѣ могъ зъ Давидомъ о себѣ мовити: кости моя яко сушило сохшося, и азъ яко сѣно иссохъ (Псал. CI, 4).

Паль побѣжденъ при той вежи и діаволь, которого молитвою якъ мечемъ звитяжилъ. Молитва бовѣмъ мечемъ есть, ведлугъ святаго Златоустаго, такъ мовячаго: идѣже бѣсы узрятъ ны молитвою вооруженныхъ, отбѣгають отгуду не инако, якоже разбойницы и злодѣе, идѣже аще узрятъ воинскій мечъ на главу свою обнаженный. Якъ отъ меча злочинцы голову свою

уносятъ, такъ отъ молитвы діаволъ каркъ своей ухилиеть. Але такъ есть, же но блаженной памяти преставльщійся отецъ нашъ весь былъ на молитвахъ, весь на пилюваню церковнаго и келейнаго правила; зачимъ молитвою якъ мечемъ звитязалъ челоуѣкоубійцу искони—діавола. А такъ при томъ духовномъ столпѣ, яко негда при Даніиловомъ, персовъ, паревъ и мидовъ царіе, то есть свѣтъ, тѣло и діаволъ, смерть и погребеніе свое мѣли.

Облюбеница райская въ Пѣснѣхъ пѣсней якося почала будованьемъ нѣякихъ духовныхъ столповъ забавляти, алито ей привѣтствуетъ Духъ Святыи: ноздри твои, яко столъ, шія твоя, яко столпъ. Придаеть тежъ и сама о себѣ: сосца моя яко столпъ. Чи не хотѣлъ то тутъ Духъ Святыи въ персонѣ облюбеницы примовити людемъ тимъ, котрии не иншии себѣ въ мірѣ семъ столпы убудовати стараются, ено ноздри, шію, а перси? Тыи бовѣмъ, котории, яко запаху нѣкоего, тщетной людской славы наухатися хотять, и о то усилне стараются и працюють, на то тыи—мовлю—щожъ инога чинять, ено будують ноздри своя, яко столпъ, а столпъ дименъ, въ книгахъ Судейскихъ воспоминаенный: явися огонь исходя отъ града, и столпъ дименъ (Суд. XX, 40).

Якъ бовѣмъ дымъ тамъ есть, гдѣ огонь вещь якую сожигаетъ, такъ тщетная слава зъ працы людекой походитъ; и якъ дымъ по воздуху рааливается и гинетъ, такъ порожная хлюба, якъ димъ, исчезаетъ. Тыи, котерии высоко о себѣ разумѣють, долго шію свою гордостію вытягають, на годности ся вפיнають, на промоціи виглядають, — тиі, мовлю, щожъ инога чинять, ено будують шію свою, яко столпъ, а столпъ третинный? Якъ бовѣмъ третина высокося взростомъ вפיнаеть въ гору, а внутрь порожна, такъ мняйся бытъ нѣчто, ничтоже есть. Коториі засъ всю мысль свою затопили въ богатствахъ, тыи щожъ инога чинять, ено будують сосца своя, яко столпъ, мовячи до души своей: имаши многа блага, лежачи на лѣта многа, еси якъ сосца, яждь, пій, и веселся (Лук. XII, 19)! Могль такъ Духъ Святыи въ томъ облюбеницы своей до столповъ прировнаню, нѣкоторымъ людемъ примовити, еднакъ барзѣй показуется, же тутъ мѣлль взглядъ Духъ Святыи на особливые богословскіе въ облюбеницы своей добродѣтели, на вѣру,

надежду и любви. Гды мовить: ноздри твоя яко столпъ, тутъ показуеть ей вѣру, которая есть невидима, ведлугъ апостолскихъ словесъ, вѣра есть уповаемыхъ звѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ (Евр. XI, 1). И якъ вещь благовонная, хочъ будетъ гдѣ взамкнено невидима, еднакъ по запаху доходитя; такъ вѣра, любо невидима есть, еднакъ ею, яко яковымъ запахомъ, Богъ отъ насъ познавается. Гды мовить: шія твоя яко столпъ (Пѣснь пѣсн. VIII, 10), тутъ показуеть ей надѣю въ Бозѣ, якъ бовѣмъ столпъ, такъ и надежда, зъ гору ся маеть, опираеться отъ Бога; и яко столпъ недвижимъ, такъ надѣющійся на Господа, яко гора Сионъ, неподвижитя во вѣки (Псал. CXXIV, 1). Гды мовить: сосца яко столпъ, тутъ являетъ любовь отъ сердца исходячую, и нигдѣ не хвѣющуюся, ено просто мѣющуюся къ Богу.

Не згрѣшу, гды тыя Духа Святаго слова оберну до нашего столпа духовнаго, до въ Богу зешлаго отца и пастыря; былъ бовѣмъ въ тыхъ тріехъ добродѣтелехъ, въ вѣрѣ, надеждѣ и любви совершенный. Не таковой былъ человекъ, абы будоваль ноздри своя, яко столпъ, абы, мовлю, о суетную людскую дбаль славу, и якъ димъ по воздуху тщеславіемъ разливался; а не будоваль шія своя, яко столпъ, гды не вспиналь на высоту гордости и великаго о себѣ раумѣня, яко порожна третина; ни фундоваль сосца своя, яко столпъ, гды не полагаль надѣю въ имѣніяхъ, ни збираль ихъ на то, бы ссалъ, якъ сосцы, хйба же бы тими сосцами поживиль убогихъ; але всего себе грунтоваль въ вѣрѣ, любви и надеждѣ. Былъ столпомъ непоколебимымъ въ вѣрѣ,—свидѣтелствуетъ то его давно зъ противными и устныя диспуты, и писанныя напротивъ отгонящихъ благочестіе заданныхъ хуль мудрыя отповѣди. Былъ столпомъ въ надеждѣ,—извѣствуетъ то самое побожное его житіе, которое завше зъ надежди походить; нѣгды бы человекъ не вдавался въ великія духовныя працы, въ подвиги, молитвы и иныи добрин дѣла, гды бы не надѣялся за то получитьи милость у Бога. Але такъ есть, же въ Богу зешлый архимандрита велце былъ жита побожнаго, яко всѣмъ есть то свѣдомо, зачимъ певнѣ мощную мѣль надежду въ Бозѣ. Былъ столпомъ въ любви, а любовь ко Богу и ко ближнему. Ижъ любилъ Бога по самомъ томъ знать, же любилъ ближняго, а любий брата любить Бога.

И же любилъ ближняго, свидѣтельствуйте то вы, котри-сте миле зъ нимъ *конверсовали, ласки его уживали, добродѣйства его насыщалися, любви его дознавали, и признайте, же якъ въ вѣрѣ и надеждѣ, и въ любви былъ столпомъ мощнымъ. А такъ идячи мощную столпа того сталость, мѣймо тежъ око и на его высоту.*

Высота столпа того такъ разумѣю, всѣ признаете, же была не лишая, ено низкая покора; то было его повышенье, бысть смиреннымъ; а смиряяй себе вознесетя. Заправдѣ ни що такъ предъ Богомъ не рстетъ высоко, яко святое смиреніе.

Самуилъ пророкъ, гды пришолъ одного часу до дому Иессеа, а припроваженъ былъ предъ него малый отрокъ Давидъ, услышалъ голосъ зъ неба до себѣ мовячий: *востани и помажи Давида, яко той благъ есть (I Цар. XVI, 12).* Дивуется тутъ Григорій святой, чему такъ великому пророкови противъ малой дитины велить Богъ встати, чи ли (мовитъ) не моглъ пророкъ сѣдячи помазати невеликаго отрока на назначенное ему отъ Бога подвышенье? что се есть: востани и помажи его? еда ли толико великъ бѣ отрокъ, яко его сидя помазати не можаше? И отповѣдаетъ самъ себѣ: сидячи высокихъ вещей досязати не можемъ. Велика есть добродѣтель, велика есть высота смиренныхъ, егда съ верхомъ ихъ и пророци не могутъ соравнитися.

Въ великую высоту смиреніемъ урослъ нынѣ поминаемый отецъ и пастырь нашъ; быти бовѣмъ той святой великой обители архимандритомъ, быти святыхъ нетлѣнныхъ въ пещерахъ мощій сторожемъ, быти въ той святой Богомъ созданной Богородичной церкви первостоятелемъ, и того словеснаго избраннаго стада пастыремъ, азажъ то не есть рѣчь великая и высокая? Мѣти у пресвѣтлыхъ и благочестивыхъ великихъ монарховъ великую милость, мѣти у пресвѣтлаго монаршаго сигклиту любовное вспомнѣніе, мѣти у ясне велможнаго рейментора вшелякое ушанованье, азажъ и то не есть рѣчь великая и высокая? И въ каждомъ якъ въ духовномъ, такъ и свѣтскомъ станѣ, и въ людій посполитыхъ, не тылько за живота але и по смерти мѣти нма доброе, ламяты блаженную, азажъ и то рѣчь малая? Самъ тому Соломонъ завидовалъ, гды мовилъ: лучше есть нма доброе, неже богатство много (Притч. XXII, 1). А

презь щожь уросль въ такъ высоту великую? Заправдѣ, опрочъ нннихъ добродѣтелей, чрезъ смиреніе, стяжалъ смиреніемъ высокая, котораго смиренія полный былъ въ сердцу, полный въ словѣхъ, полный въ добрыхъ нравѣхъ, а тымъ не тылько у людей, (добрая надѣя же) и у Бога есть высокъ; въ смиреніи бо его помянулъ и Господь и поминаетъ въ небесномъ своемъ царствѣ.

Столпа, въ будинку стоячого, повинность есть тяготу двигати, махану будинка веспирати. Знайдовался въ той повинности въ Богу зешлый пастырь нашъ, веспиралъ святую церковь, былъ столпомъ святой обители, и кождому съ особна былъ утверженіемъ. Веспиралъ церковь раменми таковыми, яковыми нѣгды велѣлъ Павелъ Тимоѣеви веспирати: образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою (I Тим. IV, 12). Былъ столпомъ святой обители, яко столпъ церкви Соломоновой; сія бовѣмъ святая обитель печерская есть подобна церкви Соломоновой, въ которой были стѣны позлащенны, были херувими осѣняющіи олтарь, были всѣ сосуды, до служенія належачіе, зъ щирого золота, было море мѣдяно, котораго хребтами своими 12 воловъ двигали, были на стѣнахъ, столпахъ и дверехъ повививанніи, порисованны подобія финиковъ, кедровъ, масличинъ, и подобія аггеловъ. То все въ сей святой обители, яко въ другой церкви Соломоновой, духовными очима, слухачу, обачити можешъ. Знайдешъ тутъ стѣны позлащенныя, а тыми суть иноческаго житія уставы, гдыжъ и Каллисть святой, пишучи о евангельскомъ виноградѣ, оплотомъ огражденномъ, чрезъ огорожду законъ разумѣть. Законами, уставленными житію иноческому, яко едиными стѣнами, обитель иноческая огорожается и щитится; а стѣны то позлащенныя, позолотилъ ихъ своимъ надъ золото поліоровнѣйшимъ розумомъ иже во святыхъ отецъ нашъ Василій Великій. По немъ такъ много преподобныхъ, потымъ преподобные отцы наши, патроне того святаго мѣсца Антоній и Θεодосій, и прочіи отцы печерскіи, и моцно тыя законы зданьемъ своимъ и житіемъ утвердили, яко неборимыя стѣны, яко въ патеріку нашемъ печерскомъ пишется: восхотѣ преподобный Θεодосій, игуменьсый, (оградити) огражденіемъ, кромѣ чувственнаго, мысленнымъ си есть чиннымъ уставомъ иночествующихъ.

Тутъ найдешь и херувимы, осѣняющіи олтарь, а тымъ суть Божію предстоящіи олтару, и безкровную за себе и за весь міръ приносящіи жертву, херувимы то зайте; альбовѣмъ на себѣ носятъ Христовъ образъ; на нихъ, якъ на херувимахъ, Христось мѣетъ свое мѣсто, ведлугъ Дамаскиноваго пѣнія: херувимы, яко на васъ почилъ есть Христось!

Обачишь тутъ сосуды златыя, а тимы суть превелебныи ихъ милости отцове соборніи, добрую и здоровую о цѣлости и строеніи обители святой раду, небы акій сладичъ, въ устахъ, якъ въ золотомъ сосудѣ, носятъ, такъ, же цѣлая обитель святая разумнымъ ихъ радѣніемъ есть устроена, и рѣщи о нихъ можетъ: „сосуди ми избранніи сїи суть, носити всегда тщаливое попеченіе о мнѣ, абы—мъ въ цѣлости и порядкахъ моихъ завше трвала ненарушнѣ“.

Тутъ обачишь и море мѣдяно, волами держимое, а тимъ моремъ есть святое послушаніе. Якъ бовѣмъ тое въ церкви Соломоновой море на омытье священниковъ, служити до алтаря входячихъ, и на хендоженъе яковыхъ змазъ было устроено, такъ святое послушаніе есть единымъ омытьемъ грѣховъ и совѣсти хендоженіемъ всѣхъ тыхъ, которыи, истинно и усердно давши себе на службу Богови, творять обѣтъ въ послушаніи до кончины быти. А море тое,—мовлю—послушаніе святое,—двигаютъ волы, то есть послушники. Истинный бовѣмъ инокъ и послушникъ есть единый волъ, ярмо Христово тягнучій: возмѣте, мовить, иго Мое на себе, научѣтесе отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ (Мтѣ. XI, 29). Якъ волъ, такъ послушникъ усердный, що на него вложить, несеть молчкомъ; що велеть творить, а творить безъ роптанія; яковымъ тяжаремъ обременять, тотъ двигаетъ, наклоняючи уха на слова Христова: приидите ко Мяѣ вси труждающіися и обремененніи, а Азъ упокою вы (Мтѣ., XI, 28).

Знайдешь тутъ, якъ въ церкви Соломоновой, подобія финиковъ, кедровъ, масличныи и аггеловъ, а тими суть всепревелебныи, велебніи, честніи о Христѣ отцы и брагіа, зъ которыхъ едныи, якъ финикъ, добрымъ предсвзятьемъ квитнуть,—праведникъ яко финикъ процвѣтеть (Псал. XCI, 13); другіи умножили плоды своя, яко кедрн Божія,—яко кедръ, иже въ Ливанѣ, умножится; пные приносятъ духовныи плоды, якъ маслина

плодная: азъ же яко маслина плодовита въ дому Божи (Псал. LI, 10); а инныя, въ совершенное уже житіе пришедши, суть яко ангелы въ тѣлѣ, и здобятъ обитель святую, яко подобія финиковъ, кедровъ, масличныхъ и подобія аггеловъ здобили Соломонову церковь. Итакъ святая сія обитель церкви Соломоновой подобна, а той въ весь духовный будинокъ вспѣраеть, и на своей головѣ двигаетъ высоцѣ въ Богу превелебный его милость господиць отецъ архимандритъ, отецъ и пастырь нашъ; на немъ бовѣмъ, яко на столпѣ, будинки всѣ лежатъ, на него всѣ взирають, и его утвержденіемъ всякія порядки, всякій чинъ стоитъ непоколебимый. Двигаль и вепираль тую духовную церковь, обитель печерскую, духовный столпъ въ Богу зешмый архимандрита, а двигаль, яко другій Атлясъ, еще въ таковыя часы, въ которые наиболшихъ тяжаровъ обитель святая отъ внутреннихъ и зевнутрнихъ въ отчизнѣ браній дознавала. Былъ утвержденіемъ и каждому зъ особна, увѣренныхъ собѣ овецъ носячи немощи, яко тотъ, который былъ зъ личбы ихъ, къ нимъ же реченно: вы силныи должны немощи немощныхъ носити (Римл. XV, 1). Его учителныхъ словесъ слушаючи, немощный яко лекарствомъ посилился; на его добродѣтельное житіе взираючи, брать кождый, яко о столпѣ, опирался и будовался; его отческую милость къ себѣ видячи, яко лоза виноградная кола своего держался; ему, яко овечка, пастырю своему послѣдуючи, довольно пищею духовною питался.

На столпѣхъ обычно знаменіямъ яковымъ, для памяти вѣчной возложеннымъ, бывати: на столпѣхъ цесаровъ римскихъ бывали кумири, ихъ подобіи; на столпѣхъ Александровыхъ бывали писанія на памятку звѣдѣствъ его; на пирамидахъ Маккавеевыхъ были корабли и оружія; на гробѣ Иосифовомъ въ Египтѣ были снопки каменные, на память того, же онъ прекормилъ землю Египетскую подъ часъ голоду; на столпѣ Давидовомъ щити, стрѣлы: тысяща щитовъ висеть на немъ, и вся стрѣлы силныхъ; на столпахъ Соломоновыхъ въ церкви, якося первѣй рекло, были золотыя сѣти, лелѣи и яблота.

Сей церкви Христовой столпъ, въ Богу зешмый, высоцѣ въ Богу превелебный, его милость отецъ архимандритъ печерскій, подобіемъ не инныхъ, ено мудраго Соломона столповъ, въ святая святыхъ стоячихъ, знаменія въ житіи своемъ носилъ, а

нынѣ въ памяти нашей носить. Видѣти можемъ памятнымъ взрокомъ на томъ мысленномъ столпѣ златыя мрежа, а тмы суть премудрая его ученія. Мудрость въ Писмѣ Святомъ называется рѣкою и моремъ. Такъ о себѣ и Сираха мовить: насыщая яко Фиссонъ премудрости, исполняяя яко Евфратъ разума и якоже Гюрданъ во дни жатвы; и ниже: раскопаніе ми, то есть праца моя въ науцѣ, бысть ми рѣкою, и рѣка моя бысть ми моремъ (Сирах. XXIV, 27—28, 34). Тыхъ рѣкъ и моря мудрости неизчерпаемой сѣтми суть ученья. Такъ Дамаскинъ святыи до святыхъ апостоловъ мовить: „мрежею ученій вашихъ вселенную уловите“. Искусныи былъ въ таковой ловитвѣ въ Богу зешлыи отецъ нашъ, гды отъ молодыхъ лѣтъ почалъ мрежею ученія словесныя ловити рыбки, приводячи ихъ къ разуму. Добрѣ бовѣмъ премудрости водѣ напившиися зъ рѣкъ разныхъ, зъ разныхъ, мовлю, школъ чужеземскихъ, до которыхъ и черезъ моря отправовалъ дороги, напочатокъ зачалъ учити працовите въ школахъ братскихъ Кіевскихъ, гдѣ якъ много студентовъ въ квѣтнучой молодости вразумилъ и искусныхъ въ книжной премудрости показалъ, такъ много уловилъ меншихъ рыбокъ Христови; поступилъ потомъ въ глубину до ловенья рыбъ болшихъ, гды съ катедры простиралъ цѣлци неводъ проповѣди слова Божого о царствіи Божіи, а тымъ ловилъ людей до скрухи и побожности. Еще далѣи поступилъ во глубину зъ ученія мрежами, гды на ректорствахъ, на игуменствахъ не тылько словомъ, але и житіемъ въ иночествѣ полезнымъ, въ водахъ духовной премудрости, чистотою, ницетою и послушаніемъ пливаючія рыбы до столу приспособлялъ Христоваго. Наиглибей зъ тмы духовными поступилъ сѣтми, гды для высокихъ своихъ цноть поднесенъ zostалъ на пречестное въ сей святой обители мѣсце, на архимандрію. Тутъ сѣти премудрыхъ своихъ ученій и золотомъ болшихъ праць, подвиговъ и трудовъ приоздобилъ, же смѣлѣ о немъ реку: на столпѣ мрежа златыя. Духовнаго того столпа нашего здобила сѣть, а сѣть непростая, лечь золотая. Словеса бовѣмъ полезнаго ученія, акъ въ мрежѣ очка, единыи зъ другимися вяжутъ и стаются великою мрежею. Великимъ ученіемъ словъ засъ тыхъ учительныхъ самымъ дѣломъ въ себѣ оказанье есть истое злото, и не такъ словесныя рыбы простою, яко золотую, сѣтыюся

ловягъ; не такъ, мовлю, люде зъ словъ вымовныхъ, яко зъ добрыхъ дѣлъ учителя своего и зъ цнотливаго его житія, берутъ ползу. Нехай кто тутъ речеть, же въ Богу зешмый пастирь, воставши на предложенствахъ, а особливе на сей високой въ святой обители годности, не ставаль уже на катедрахъ, не мовиль казаней, такому отповѣмъ: болшь тотъ премудрый ловецъ Христовъ уловиль самымъ добрымъ дѣломъ, нѣжъ кто словомъ; болшь научиль побожнымъ своимъ житіемъ, нѣжъ кто мудрымъ казаніемъ; болшь тотъ ползоваль молчачи, нѣжъ кто много мовячи, гдыжъ далеко голоснѣйши и скученнѣйши есть голосъ дѣла, нѣжъ голосъ слова. Будь кто надобнымъ ораторомъ, яко другій Демостень; будь добрымъ філізофомъ, яко другій Аристотель; будь сладкомовнимъ, яко другій Цицеро; а безъ дѣлъ добрыхъ нѣгды того не докажешь, що гугнавий и косноязычный Моисей зъ добрыми дѣлы. Тамъ тыи и никого до неба не уловили, и сами въ сѣткахъ своихъ повязли: въ сѣти своей увязе грѣшникъ (Псал. IX, 6); а сей своею предъ Богомъ въ добрыхъ дѣлѣхъ досконалостю, якъ сѣтью, всего Израиля зъ Чермнаго моря витягль на сухо. Мовъ мудре, а живи безумно, учи добръ, а живи злѣ, наказуй другихъ, а самъ развращайся, шо успѣешь? грѣшняку же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія Моя и воспріемлеши завѣтъ Мой усты твоими, ты же возненавидѣлъ еси наказаніе (Псал. XLIX, 16). Не дармо Богослову святому гды дано зъ неба книгу, оразъ ю велѣно съѣсти: пріими книгу и снѣждь ю (Апок. X, 9). Для тогожъ тутъ велятъ книгу ѣсти? чи не досить учителеви книгу при себѣ имѣти, носити, а читати ей, и другихъ зъ ней учити? не досить! Впередъ треба учителеви самому книгу зѣсти, то есть впродѣ треба самому въ полненоу закона Божого быть полнымъ и добрыхъ дѣлъ полнымъ, тожъ другихъ учити. Не досить мѣти сѣть науки, але треба до сѣти мѣть и золото добрыхъ учинковъ, если хочешь предъ Богомъ зъ своимъ пописатися половомъ. Нынѣ поминаемый отецъ и пастирь нашъ заисте мѣлъ своя сѣти златыя, мѣлъ мудрую науку зъ добрыми дѣлы, а если коли давно, яко то могло быть на початку въ новоначаліи, ловиль простою сѣтью, але пришедши уже въ мужа совершенна, а совершенна предъ Богомъ и чловѣки, на тотъ часъ духовная его ловитва была мрежею златою.

Еще на томъ духовномъ столпѣ видимъ и мелѣи золотѣи, по писанному въ книгахъ Царскихъ: на столпѣхъ возложеніа подобна кринову цвѣту (III Цар. VII, 19). Нехай ми тутъ будетъ волно кринами назвати убогихъ и милостиню творимую убогимъ. Самъ Господь, хотячи слугъ своихъ мѣти нищихъ духомъ, велѣлъ имъ глядѣти на крины и тмѣся уподобляти: смотрите крины селныя, како растутъ (Мтѣ. VI, 28). Нищій, убогій человѣкъ правѣ есть кринь селный. Цвѣтъ въ полю—не маеть, гдѣ главы приклонити, а хочъ и есть якій куточокъ, то и въ томъ, якъ въ полю, „есть гдѣ сѣсти, да нечого зѣсти“. Зачимъ не отъ рѣчи убогій человѣкъ можется назвати криномъ; есть тежъ криномъ и милостиня, творимая убогимъ. Цвѣти кринови назвалъ Господь единою одеждею: траву селную тако Богъ одѣваетъ, и повѣдаетъ, же въ тую сувню Соломонъ по всей славѣ своей не облечется (Мтѣ. VI, 30, 29). Ктожъ облечется? Облюбенница его, соцарствующая ему, о которой въ Пѣснѣхъ пѣсней мовить: яко кринь, тако искренняя моя (Пѣснь пѣсн. II, 2). *Щожъ то за сувня, зъ криновъ утворенная? Есть заправдѣ святая милостиня, убогимъ творимая. То свѣдчитъ ми блаженный Агапитъ, діаконъ, который, до царя Иустиніана пишучи, такъ мовить: „Одежда неветшаемая есть благотворенія риза и нетлѣнное одѣяніе, еже къ нищимъ любленіе; достоинъ убо хотящему благочестно царствовати таковыми одеждями украсити душу, нищелюбія бо одѣянъ порфиною, небеснаго царства сподобляется“. Милостиня [мовить] есть то едина порфира, въ которую лице, со Христомъ царствующее, одѣвается, а тая порфира, тая риза творится зъ криновъ селныхъ, то есть зъ мелѣй, въ полю растущихъ, а не зъ лѣлѣй аеродковыхъ. Межи кринами, растучими бовѣмъ въ полю, а между кринами, растучими въ вертоградѣ, есть немалая разность. Вертограднаго крина оплотъ парканъ огорожаетъ: не каждому до него волно приступити, хибѣ самому господареву, альбо запрошонуго гостеву; а до полюваго крина кто зхотѣвъ приступивъ, хто зхотѣвъ урвавъ, и пиенкностью его очи, а запахомъ увеселилъ уханіе. Для того и Христосъ Господь гды зхотѣлъ назватися цвѣтомъ, теды не назвался цвѣтомъ, въ огородѣ растучимъ, але назвался цвѣтомъ, растучимъ въ полю: азъ емсь цвѣтъ полный и кринь юдолный (Пѣснь пѣсн. II, I). А то для того,*

абы всё вѣдали, же до него, якъ до цвѣту, въ полю стоячого, всёмъ незаборонный приступъ, великимъ людемъ и малымъ дѣтемъ: не бранѣте [молить] дѣтемъ приходити ко мнѣ (Лк. XVIII, 16). Зъ полювыхъ теды криновъ, а не зъ вертоградныхъ, милостины порфира лицу съ Христомъ царствующему составляется, то есть отъ имѣній щедро подаемыхъ, а не отъ имѣній скупостію удерживаемыхъ. Едны бовѣмъ суть, котри имѣнія своя, нѣбы крины въ вертоградѣ, въ шкатулы, въ коморы мощно замыкають; немашъ тамъ приступу никому, хита только самому господареву, а часомъ злодѣй догадается; тыи нелатво облекутся въ порфиру небеснаго царства. Другиіи зась суть, которые тые крины, моллю — имѣнія своя, садятъ въ широкомъ полю, то есть въ рукахъ убогихъ, а тыи заробляють себѣ нетлѣнное славою присноцвѣтущую въ небѣ одѣяніе.

Признаете, ласки ваши, же нынѣ поминаемый высоцѣ превелебный его милость архимандритъ тые крины имѣнія садилъ обфите въ полю, въ рукахъ убогихъ; гоиный былъ ялмужникъ, здобился тотъ духовный столпъ криновымъ цвѣтомъ, яко порфирую яковою, гды такъ былъ милостивъ на убогіе, же его другимъ Іоанномъ Милостивымъ звано. То его была оздоба нищаго ущедрити, то его была утѣха алчущаго напитати, то его крины нааго одѣти. Уступая и тутъ вамъ мѣсто, селныя крины, вамъ, моллю, убогіе, калѣки, бѣдніи, странніи! вы своего добродѣя зъ милостины похвалѣтѣ, вы своего питателя зъ ласковости ублажѣте, вы своего въ бѣдахъ утѣшителя зъ щедробливости возвеличите, помянѣте и кринами словесъ хвалнопоминательныхъ увѣнчайте! Тотъ то былъ отецъ сиротамъ, же и напменшаго не презрѣлъ, але ласкавымъ нань окомъ прирѣлъ; тотъ то былъ пастырь овцамъ, же наподлѣйшей овечкѣ обмышлялъ доволный покармъ; тотъ то былъ благодѣтель, отъ котораго ниhto зъ тщина не отъишелъ руками. Блаженъ щедрый и даый; блаженъ милостивый, яко той [надѣя въ Бозѣ] помилованъ есть. Творимая бовѣмъ милостины нѣгды все не пойде, але завше знаидется въ небѣ. Совѣтуетъ Екклесіастъ: послѣ хлѣбъ твой на лице воды, яко по множествѣ дній обрящеши его (Еккл. XI, 1—2). Щожъ то за воды, на которѣ радишь пускати хлѣбъ, абы его потымъ знайти и пожитко-

вати имъ моглѣ? заправдѣ, не инья то суть воды, ено люди убогин. Мовить Богословъ: воды, яже видѣлъ еси, людїе и народы суть (Апок. XVII, 15). На тыя то воды пущенный хлѣбъ, то есть, добрая учинность ближнему, поратованіе убогому, ялмужна творимая мизерному нищему, по многомъ днехъ пожитю земномъ, найдется на водахъ превынше небесныхъ.

Едного часу въ Римѣ найдено неакисъ давный каменемъ приваленный гробъ, знать якогось великаго пана, въ которомъ при костехъ была табличка, маючая на себѣ таковыя въ двѣ стручки написанныя слова:

истощихъ, даровахъ, сохранихъ,
имѣхъ, имамъ, погубихъ.

Що бы тыя слова мѣли значити, ништо разумѣти не моглѣ. Зезвано потымъ людїи мудрыхъ, котрыи могли на тотъ часъ тамъ быти. Тыи, по долгому уважаню, згодилися вси на едно, тлумачачи знайденныя слова такъ: еже истощихъ—имѣхъ, еже даровахъ—имамъ, еже сохранихъ—погубихъ; якобы тотъ мертвецъ, тымъ своимъ писмомъ такъ до живыхъ мовилъ: то тылько само, що колѣвѣкъ за живота моего учинилемъ кому добрѣ, що даровалемъ требующому, що далемъ неимущему, то по смерти моей знайшолемъ, то мнѣ не пропало, то мѣю навѣки; а що колѣвѣкъ на свѣтѣ ся остало, до шкатулы ся вложило, въ скарбницы ся замкнуло, щося въ земли заховало, все тое пропало, жаднаго оттолѣ не маю прибытку: еже даровахъ—имамъ, еже сохранихъ—погубихъ. А ктожъ вонтипитъ, же въ Богу зешлый отецъ нашъ знайшолъ то теперъ въ небѣ, що за живота далъ убогимъ? Хлѣбъ той святой ялмужный, на лице воды пущенный, мовлю, убогимъ данный, обрѣлъ на водѣ покойной, обрѣлъ благодать у Бога, и власнѣ нынѣ до насъ мовить: еже даровахъ—имамъ; що-мъ истошилъ убогимъ, то маю у Бога; що-мъ роздалъ на землѣ, то збираю на небѣ; що-мъ даровалъ калѣкамъ, то нынѣ сторицею отбираю и животь вѣчный на слѣдствую.

На остатокъ на томъ духовномъ нашомъ столпѣ можемъ видѣти яблока позлащенїи, а тими суть вси его добри дѣла. Добри бовѣмъ дѣла въ Писмѣ Святомъ чрезъ плодъ древа разумѣются. Такъ Давидъ святой о блаженномъ мужѣ пови-

дѣль: будетъ яко древо, еже плодъ свой дастъ во время свое (Псал. I, 3). Оттоль и облюбенница о своемъ возлюбленномъ въ Пѣснехъ пѣсней мовить: яко яблонь посредѣ древесъ, тако братъ мой (Пѣснь пѣсен. II, 3). Яблоками суть добриі дѣла въ блаженной памяти преставльшаго отца нашего; лечь якъ ихъ много, знати не можемъ, самъ тилько Богъ, изчитай множество звѣздъ, той вѣдаетъ тыхъ овоцовъ число. Числитъ пророкъ Іереміа на Соломоновыхъ столпахъ яблока по пятьдесятъ на каждомъ: пятьдесятъ пугвъ [то есть яблокъ гранатовыхъ] на вѣнцы окрестъ. Не отважуся я мысленнаго сего древа и мысленнаго въ церкви Божой столпа всѣхъ числити духовныхъ плодовъ; ибо и изчести не могу, и не достанетъ ми времени повѣствующу. Кто можетъ зчислити или повѣсти сокровенніи, единому токмо Богу явленнымъ его подвиги, овыи умерщвленія тѣла, всеночныя молитвы, частіи ко Богу воздыханія, очи, сердца и рукъ въ небо подношенья? Гды бы могли тыи, на которыхъ подвизался, мѣста мовити, повѣдала бы келіа, повѣдалъ бы скитокъ, якъ много тотъ побожный архимандритъ стратилъ часу на прилѣжныхъ молитвахъ, якъ много кроплій слезъ предъ Богомъ вылилъ, якъ много въ перси своя, мытареви подобящися, ударилъ, якъ много положилъ великихъ а смиренныхъ поклоновъ. Але уже то все теперь нагоражается ему явно предъ всѣми добрѣ подвизавшимися; писано богѣмъ: помолися Отцу твоему втайнѣ, и Отець твой воздасть тебѣ явѣ (Мтѣ. VI, 6).

На столпахъ въ давные вѣки звикли били вѣнцы завѣшивати и до ныхъ гонитвы чинити. Того подобно обычая держачися, и Соломонъ въ церкви святая святыхъ, отъ себе созданной, возложенія на столпцѣхъ повкладывалъ, вѣнечнымъ коломъ, бо и златыя мрежи были вколо, нахштальт вѣнца, и лѣлѣи вколо, якобы вѣнецъ зъ ныхъ уплететь, и яблока вколо, якося отъ Іереміа пророка вспомнило: пугвы на вѣнцы окрестъ.

Годенъ былъ зайте и сей нашъ столпъ духовный вѣнцами увѣнчанъ быти за великую свою премудрость, при златой мрежѣ; достоинъ вѣнца лявру неувядаючого за значныи ялмужныи при криновыхъ цвѣтахъ; достоинъ вѣнца златого за всѣ высокіе цноты; годенъ, абы ему всѣ молитвами у Бога зпріали

вѣнча такового, якового надѣется, мовячи: подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдахъ, прочее отложимся вѣнецъ, его же воздасть ми Господь въ день онъ (II Тим. IV, 7—8).

Воспоминаетъ Геронимъ святой давній обычай въ Римѣ, же на гробахъ людіи умерлыхъ, рожи, фіалки и инныи различнаго рода пурпуровые цвѣты посиповано; а инныи вспоминають, же и вѣнцы цвѣтныи на мертвыхъ вкладано, якобы за доконанный житія бѣгъ коронуючи. И тутъ при гробѣ нынѣ поминаемаго въ блаженной памяти преставльшагося, его милости господина отца и пастыря нашего, вижу уплетающіися вѣнцы и посипующіися цвѣти. Высоцѣ въ Богу превелебный его милость господинъ отецъ архимандритъ съ превелебными ихъ милостями отцами игуменами Кіевскими и со всѣми отцами и братіями, гды коло того жалобнаго катафалку стануть, по обычаю церковному окружаючи вколо, то будетъ вѣнецъ по писанному: окрестъ его вѣнецъ братій; почнуть понахидными цѣти гимна, то будутъ цвѣты.

Въ алтарѣ божественномъ, гды коло приносимой за душу преставльшагося офѣры, такъ зацное служащихъ стоитъ ерона вколо,—то вѣнецъ; творять за упокоеніе души молитвы,—то цвѣты. Окружаете и ласки ваша притомностю своею сей гробъ,—то вѣнецъ; мовите „помяни, Господи, во блаженной памяти преставльшагося архимандриту Иннокентіа“,—то цвѣты. Отчати не разъ и убогіе гробъ своего ялмужника,—то вѣнецъ; рекутъ зъ плачемъ: „немашъ нашего отца и добродѣя“,—то цвѣты; будетъ тоже кто изъ братій, помнячи любовь отца своего, на правилцѣ своемъ въ келіи перейдетъ за него вервицу метаній,—то вѣнецъ; воздохнетъ разъ другій за него до Бога,—то цвѣты. А такъ духовный тотъ столпъ при своемъ гробѣ маеть вѣнцы и цвѣты.

Такъ при гробѣ въ Богу зешлаго архимандрита, зъ духовныхъ матерій поминательными словесы, поставивши пирамиду, альбо столпъ, Сираховы на немъ напишемъ слова: не отидеть память его, и имя его поживетъ въ родъ и родъ, премудрость его повѣствуютъ языцы, и хвалу его исповѣсть церковь (Сирах. XXXIX, 12—13). На столпѣ статечнаго въ иночествѣ житія его напишемъ: не отидеть память его. Долго будетъ памятно не

тылько сей святой обители прикладное житіе его, але и всѣмъ російскимъ монастыремъ и людемъ мірскимъ, на которое вси, якъ на свѣтлую свѣчку, взирали и пользовалися, и прето не отидеть память его отъ святой обители сей, але завше въ сердцахъ и въ устахъ всѣхъ братіи, въ церковныхъ и келейныхъ молитвахъ и въ любовныхъ бесѣдахъ поминаемый будетъ. На златой премудрости его мрежѣ напишемъ слова тыи: премудрость его повѣствуютъ языцы; на кринахъ милостыни: имя его поживеть въ родъ и родъ, — долго убогіе памятовати будутъ добродѣтели своего; на яблокахъ добродѣтелей напишемъ: хвалу его исповѣсть церковь. Годенъ бовѣмъ за свои добрии дѣла похваленъ отъ церкви быти, гдыжъ и апостоль мовить: слава, и честь, и миръ всякому дѣлающему благое (Римл. II, 10). Годенъ, абы его память, яко вѣнецъ цвѣтами, отъ насъ похвалами была преплетенна: память праведнаго съ похвалами.

Кончачи уже зачатое дѣло, припомню единъ обычай людій стародавнихъ, у которыхъ гды яковаго добраго а цнотливаго челоуѣка до гробу кладено, теды пріятель его, слуги, сверстницы и друзи, потворивши сердца, хто зъ золота, хто зъ серебра, хто зъ иншаго яковаго крушцу, а хто улѣпивши зъ воску, на гробъ его клали и зъ нимъ весполъ погребали; а то на знакъ усердной къ нему и по смерти любви, яко бы мовячи: „яко—хмо ты за живота твоего сердечнѣ любили, такъ и по смерти твоей любити ты не преставаемъ, и любо ты зъ нами, а мы съ тобою тѣломъ разлучаемся, сердце еднакъ наше отъ тебе неразлучно; спогребаемся тебѣ сердцемъ нашимъ, абы память твоя негды не умирала, лечь жила вѣчнѣ въ любовныхъ сердцахъ нашихъ“.

Нынѣ поминаемый въ блаженной памяти преставльшійся отецъ и пастырь нашъ, егда ко гробу отиде, не хочу тлумачити, хто яковымъ ему спогребается сердцемъ, хто зъ золота любви утвореннымъ, хто зъ серебра пріязни, хто зъ иншаго яковаго сердечныхъ афектовъ крушцу. То мовлю, чого добрѣ свѣдомъ, ижъ сукцессоръ преставльшагося, висоцѣ въ Богу превелебный его милость господинъ отецъ Варлаамъ Ясѣнскій, архимандритъ сей святой лавры, отецъ и пастырь нашъ, антецессорови своему висоцѣ превелебному его милости господину отцу Иннокентію Гизелю, архимандритъ печерскому, спогре-

баеся сердцемъ, якобы зъ воску утвореннымъ, гды отъ ревнаго по немъ жало топнѣтъ сердцемъ, зъ Давидомъ мовячи: бысть сердце мое яко воскъ, тая посреде чрева моего (Псал. XXI, 15). А то для того таковымъ сердцемъ спогребается, абы его память, яко печать на воску вытисненная, незабвенна завше оставала. Гды бовѣмъ жалостнѣ разпамятоваеть его несказанную къ себѣ любовь отеческую, и милость, которой дознавалъ, великии добродѣйства, которыи отбиралъ, панскую ласку, которой чрезъ лѣтъ немало уживалъ, и милую конверсацію, зъ которой ся тѣшилъ; якобы слышитъ его въ сердцу отъ Писанія къ нему мовячаго: положиши мя яко печать на сердцу твоємъ (Пѣснь пѣсн. VIII, 6), на незабвенную память, якожъ и полагаетъ его на сердцы своемъ, гды, поминаячи отца и добродѣя своего, Давидовыми протестуется словесы: забвенна буди десница моя, прильпни языкъ мой гортани моему, аще не помяну тебѣ, аще не предложу тебе, яко въ начало веселія моего (Псал. CXXXVI, 5—6).

Подобнымъ сердцемъ и вся святая обитель печерская отцу и управителю своему спогребается, а рочное ему творячи поминаніе, мовитъ: „высоцѣ въ Богу превелебный, господине отче Иннокентіе Гизель, отче и пастырю нашъ! Буди тебѣ въ насъ вѣчная память, яко Юссін у Спраха, мовячаго: память Юссіева [а мы мовимъ — память Иннокентіева] возложеніе епміама, сотворенное дѣло мироварника въ всяцѣхъ устнѣхъ яко мѣдъ усладится, и яко мусичская пѣнія въ пирѣ вина (Спрах. XLIX, 1—2).

Буди тебѣ и во всей Росстѣй церкви вѣчная память, яко память Моисеова у Израилтяновъ, о которомъ тойже Спрахъ: возлюбленна Богомъ и человекъ Моисеа [а мы мовимъ: возлюбленна Богомъ и человекъ Иннокентія], ему же память въ благословеніихъ, уподобилъ есть его славѣ святыхъ (Спрах. XLV, 1—2). Буди тебѣ память вѣчная и въ небѣ посреде преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ Антонія и Феодосія и прочихъ отецъ печерскихъ, абысь тамъ слышалъ завше таковой привѣтъ, яковый негды былъ отъ аггела милостивому Корнилию: Корнилие, услышана бысть молитва твоя, и милостыни твоя помянушася предъ Богомъ (Дѣян. X, 3): „Иннокентіе, выслушаны суть всѣ твои, которисъ за живота твоего отправо-

воваль, молитвы, и всё твои милостыни, которыя чинилъ щедре, нынѣ вспоминаются предъ Богомъ, предъ которымъ, если маешь дерзновеніе, не забудь и о насъ сотворити память. Тебѣ у насъ на землѣ, намъ у тебе на небѣ предъ Богомъ буди вѣчная память!“

Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

№	Стр.	
	Предисловіе	I
1.	Слово въ недѣлю 7-ю по пасцѣ	1
2.	Слово на Сошествіе Святаго Духа	10
3.	Слово на Святую Троицу	26
4.	Слово въ недѣлю 27-ю	43
5.	Слово на Успеніе Пр. Богородицы	55
6.	Слово на Рождество Христово	76
7.	Врань архистратига <i>Михаила</i>	93
8.	Пирамись <i>Иннокентія Гизеля</i>	108

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru